

Ю. К.
Милонов

Каждый выбирает дорогу сам

Ю. К. Милонов

Каждый выбирает дорогу сам

Рассказ ветерана революции

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1981

Литературная запись
Людмилы Пинчук

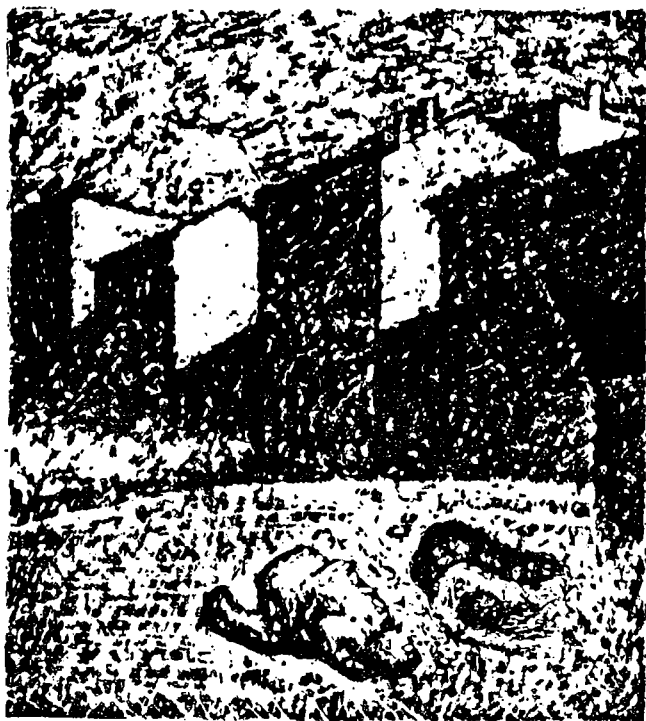
Герой книги — Юрий Константинович Милонов, член партии большевиков с 1912 года, делегат VI съезда РСДРП(б). После победы Октября Ю. К. Милонов — комиссар труда, а затем секретарь Самарского губернского комитета партии. Вместе с другими большевиками он восстанавливает разрушенное гражданской войной хозяйство города.

Юрию Константиновичу Милонову выпало счастье слышать выступления В. И. Ленина, встречаться со многими выдающимися деятелями Великого Октября. Он работал под руководством Н. К. Крупской и А. В. Луначарского.

Впоследствии Ю. К. Милонов становится известным ученым в области истории техники и архитектуры. Ему принадлежит более восьмидесяти печатных работ. Он неоднократно представлял советских ученых на международных конгрессах.

Юрий Константинович не увидел своей книги. Он скончался, когда книга находилась еще в типографии.

Оформление Б. А. Шляпугина

Часть I

Моя родня
В наши дни пришла беда
Я ипотечного...
У белого моря
У картины Далматского восточка
Воскресенья на Дворцовой площади
Петербург без света
Сударя игра на новый лад
"Соборный галстук"
Библиотека дяди Миши

Моя родня

Род наш из коренных волжан. На Волге родились мои деды и бабушки, отец и мать. В городе Нижнем Новгороде, на Волге, родился и я. Мой дед Александр Тимофеевич Федосеев был учителем, отец окончил Казанский университет, мама — гимназию. Они не были революционерами, но, как вся лучшая часть русской интеллигенции, горячо принимали к сердцу бедственное положение народа, гневно осуждали произвол и жестокость чиновников, ненавидели царское самодержавие.

Моя мама, Антонина Александровна, была образованна, отличалась душевной тонкостью, любила музыку, литературу, интересовалась всеми политическими и общественными событиями. Она зачитывалась книгами Герцена и Чернышевского, Салтыкова-Щедрина и Писарева.

Любимым поэтом в нашем доме был Некрасов. Сколько я себя помню, на рабочем столе мамы всегда стоял портрет поэта в овальной рамке из красного дерева. Она часто повторяла строки из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.
Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую, —
Каким идти?

Из рассказов мамы я знаю, что мой отец, Константин Константинович Милонов, юрист по образованию, в год моего рождения работал в Нижегородской казенной палате. Будучи человеком самолюбивым и вспыльчивым, он публично дал пощечину своему начальнику по службе, который оскорбительно относился к своим подчиненным. За свой поступок отец был отдан под суд, лишен дворянского звания и сослан в город Архангельск.

Мама последовала за мужем в ссылку, а меня оставила на попечение своих родителей.

Некоторое время спустя дедушка с бабушкой переехали в Москву и меня увезли с собой.

В Москве, где мы прожили несколько лет, дед с бабушкой часто меняли квартиру, все искали более сходную по цене. Эти переезды с места на место мешали мне найти постоянных товарищей среди сверстников, и я бы очень скучал, не оказись рядом со мной в Москве брата моей мамы, дяди Миши. Он стал мне добрым другом и умным наставником.

Михаил Александрович Федосеев, студент юридического факуль-

тата Московского университета, был, как и мама, человеком добрым, жизнерадостным, уделяя мне много времени. Я быстро привязался к нему, а потом и горячо полюбил. Каждое воскресенье и по праздникам он гулял со мной по Москве, водил меня на Девичье поле, где проходили народные гулянья, бывал со мной в музеях. Не один раз посетили мы с ним Третьяковскую галерею, любуясь картинами известных русских художников.

Мне в дяде Мише нравились его красивая внешность, веселый нрав. По утрам, умываясь на кухне ледяной водой, он обычно напевал свою любимую песенку:

Есть в столице Москве
Один шумный квартал,
Он Козихой Большой
Прозывается...
От зари до зари,
Лишь зажгут фонари,
Там студенты толпою
Шатаются...

— А что такое Козиха? — спросил я однажды дядю Мишу.

Он взглянул на меня, лукаво улыбнулся и ответил:

— Есть в Москве такой Козихинский переулок. Невзрачный, дома неказистые, но зато квартиры дешевые... В нем обычно снимают комнату, либо угол, приехавшие со всех городов России неимущие студенты. Веселый народ! Они-то и распевают эту песенку.

— Такие же веселые, как ты? — допытывался я.

— Ага! — ответил дядя Миша.

Наспех выпив стакан горячего чая с калачом, дядя Миша застегивал на все пуговицы свою студенческую тужурку, надевал фуражку со слегка вылинявшим голубым околышем и отправлялся на Моховую улицу в университет. Мне нравилась студенческая форма и парадный мундир, тужурка и пальто с медными пуговицами. Но дядя Миша не разделял моих восторгов. Вернется, бывало, из университета и тут же снимет тужурку, наденет простой штатский пиджак.

— Не люблю ее, — сказал как-то дядя Миша, бросив недобрый взгляд на форму.

— Почему? — спросил я. — Она такая красивая.

— Кра-си-ва-я! — растягивая слога, передразнил меня дядя Миша и сказал сердито: — Форму для студентов ввел царь Александр Третий, и не для того, конечно, чтобы мы выглядели красиво, а в угоду своим университетским «педелям».

— А кто такие «педели»? — спросил я.

— «Педели» — это инспектора, которые были введены императором для слежки за студентами. Они ходят за нами по пятам, а потом доносят начальству, кто с кем встречается после лекций...

Обычно дядя Миша возвращался домой поздно; нередко вместе с ним приходили и его товарищи. Они запирались в комнате и горячо о чем-то спорили.

Дядя Миша был для меня большим авторитетом. Когда мне попадалось что-нибудь непонятное, я всегда обращался к нему.

— Что такое республика? — спросил я дядю Мишу, услышав однажды это незнакомое мне слово.

— Республика? — несколько удивленно переспросил дядя Миша и стал объяснять. — Республика, брат, — это такой способ управления государством, когда сам народ выбирает свое правительство.

— А что такое монархия? — не унимался я.

— Ну, брат Юрка, что такое монархия, ты должен уже и сам знать. Эту самую монархию мы имеем у себя в России, где вся власть в руках монарха, у царя, которого никто и никогда не избирал. Надо мной и тобой, как и над всеми людьми нашей страны, царствует Его Величество император всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая, и прочая, и прочая. Короче говоря, царь Николай II. А вообще, Юрка, тебе еще рано над этим голову ломать. Подрастешь, сам, надеюсь, разберешься...

В наши дни пришла беда

Однажды дядя Миша не вернулся домой из университета. Не пришел он и на второй и на третий день. Проснувшись как-то рано утром, я увидел, что бабушка куда-то собирается. Утирая украдкой слезы, она уложила в белую салфетку бутылку молока, булку и два больших антоновских яблока. Все это она бережно завязала в узелок и стала надевать свою черную накидку — тальму.

— Куда ты? — спросил я, предчувствуя что-то неладное.

— В Бутырскую тюрьму, — ответила бабушка и разрыдалась.

— В тюрьму? Зачем? — с испугом спросил я.

— Мишеньке передачу понесу, — ответила бабушка и сквозь слезы поведала мне: — Арестовали твоего дядю Мишу.

— Как арестовали? За что? — с трудом проговорил я. — Он ведь не мог ничего плохого сделать.

— Студенты бунтовали, ну и он с ними... — объяснила бабушка. В ее голосе я услышал гордость за сына.

Министром народного просвещения в царском правительстве был тогда Боголепов, в прошлом профессор римского права в Московском университете. Оказавшись на министерском посту, он быстро снискал себе славу оголтелого реакционера, организовал систему политического сыска и надзора за учащимися всех учебных заведений

в России. По инициативе Боголепова 29 июля 1899 года были введены так называемые «Временные правила», на основании которых министр просвещения мог отдавать в солдаты участников студенческих волнений.

Первыми жертвами этих «Временных правил» стали сто восемьдесят три студента Киевского университета. Все передовые и честные люди России были возмущены подобными действиями министра. Повсюду происходили студенческие сходки, демонстрации протеста и массовые митинги.

Студенческая сходка состоялась в Московском университете. О ней мне впоследствии рассказал дядя Миша, принимавший в этой сходке активное участие. Вскоре после того, как она началась, здание университета на Моховой улице было оцеплено нарядами полицейских и жандармов. Они арестовали многих участников сходки, в частности тех, кто был у них до этого на примете, и поместили их в Бутырскую тюрьму. В числе арестованных оказался дядя Миша.

Студенческие волнения прокатились тогда по всей стране. Вслед за Москвой и Петербургом в защиту студентов выступили рабочие и передовая интеллигенция Харькова, Казани, Киева и других городов. Артисты молодого Московского художественного театра начали собирать подписи под петицией, клеймившей жестокую расправу со студентами. Широкое движение в защиту студентов дало свои результаты. Благодаря ему дяде Мише и его товарищам удалось избежать сурового наказания.

Я крошечный...

После того как дядя Миша возвратился из тюрьмы домой, его авторитет в моих глазах вырос еще больше. Мне теперь очень хотелось быть похожим на него, стать таким же смелым, как он, и во всем подражать ему. Я решил во что бы то ни стало насолить полиции и тоже выразить протест против ареста студентов.

Когда бабушка оставила меня одного дома, я достал студенческую фуражку дяди Миши, надел ее и вышел на улицу. Правда, фуражка оказалась мне велика, она все время сползала на глаза и оттопыривала уши. В таком виде я отправился на угол Бабьего-родского переулка, где всегда стоял на посту городской: высокий, усатый, с шашкой на боку и со свистком на толстом шнуре. Мне думалось, что, увидев студенческую фуражку, городской немедленно арестует меня и отправит в тюрьму, а бабушка, как и дяде Мише, будет приносить мне передачи. Раз а два прошелся я мимо посто-

вого. «Вот сейчас,— казалось мне,— городской обнажит шашку, зашвистит на всю улицу и набросится на «бунтовщика». Но городской не обратил никакого внимания на маленького мальчишку. От злости я чуть было не разревелся. Огорченный вернулся я домой и осторожно положил на место фуражку. Узнав о моей проделке, дядя Миша сказал:

— Нет, брат, с ними не так надо бороться!

— А как? — допытывался я.

— Подрастешь немного и сам узнаешь,— последовал многозначительный ответ.

Когда я подрост и многое узнал о нелегкой жизни и революционной деятельности дяди Миши, мне стал понятен смысл его ответа.

Еще будучи студентом, дядя Миша вступил в партию социал-демократов, был активным участником одного из нелегальных марксистских студенческих кружков и сам вел работу среди студентов Московского университета. Закончив образование, дядя Миша служил поначалу помощником у известного московского присяжного поверенного (так тогда называли адвокатов) Дерюжинского, а затем был назначен судебным следователем в отдаленный маленький городок Кемь на берегу Белого моря, Архангельской губернии.

В Кемь к тому времени находилось много политических ссыльных. Дядя Миша быстро познакомился с ними и принялся им помогать: хлопотал о сокращении сроков ссылки, заботился о больных, оказывал материальную поддержку нуждавшимся.

Однажды на главной улице города Кемь какой-то неизвестный стрелял в городского и скрылся. Власти, не имея никаких улик и доказательств, хотели свалить вину за покушение на политических ссыльных и следствие по этому делу решили поручить дяде Мише. Он категорически отказался от этого, заявив, что покушение на полицейского — это провокация, что власти хотят воспользоваться случаем, чтобы расправиться с невинными людьми.

После такого вызывающего поступка дядя Миша был уволен со службы. В поисках работы он оставил Кемь и переехал в Екатеринбург. К этому времени дядя Миша был уже женат, имел двух дочек и маленького сынишку Жорку. Он много выступал в суде, часто защищал казацкую бедноту, которая не всегда имела возможность заплатить ему причитающийся гонорар.

У Белого моря

Умер дедушка, и мама увезла меня в Архангельск, где отец отбывал ссылку. После белокаменной Москвы я оказался у берегов сурового Белого моря.

Архангельск запомнился мне запахом рыбы и древесины. Огромные богатства Севера, лес и рыба, отправлялись отсюда во все концы страны и за границу. В давние времена, до постройки в 1703 году Петербурга на Неве, город Архангельск, расположенный на Северной Двине, был единственным в России крупным портом и важным центром торговли с европейскими странами.

С набережной открывалась широкая панорама Северодвинского рейда: у причалов, толкаясь бортами, стояли шхуны поморов, на их высоких мачтах трепетали, обдуваемые холодным ветром, разноцветные вымпелы.

В Архангельске я впервые познакомился со своим младшим братом Костей, который родился здесь. Позже, когда мы подросли, брат стал моим лучшим другом. Но тогда, в Архангельске, мне сначала было трудно разговаривать с ним. Костя, как мне казалось, обращался ко мне на каком-то непонятном языке. Выбегаем, бывало, во двор и принимаемся играть. И тут Костя, бросая мяч, кричит:

— Юрка, имай!

Я не понимал брата и стоял, не двигаясь с места.

Мама, наблюдавшая нашу игру, смеялась и объясняла мне:

— «Имай» — это поморское слово и означает «лови». Так все говорят в Архангельске. Пол здесь не метут, а «пашут», пряники называют «косулями»...

Архангельск памятен мне еще и веселой ездой на оленях. На святках — так называлась раньше неделя после религиозного праздника рождества — в город из тундры приезжали со своими упряжками ненцы. Причудливо ветвистые рога оленей были увиты яркими лентами, да и сами животные были удивительно грациозны, доверчиво глядели на людей большими добрыми глазами.

Однажды и мне с Костей удалось прокатиться на такой упряжке. Нас закутали в теплые тулупы, повязали поверх шапок башлыки и удобно усадили на нартах. Добродушно улыбавшийся ненец построился позади нас; он громко крикнул, и олени понеслись. Ускоряя все время бег, они стремительно неслись по льду Северной Двины, и ветер обжигал нам щеки. Мы испытывали огромное удовольствие.

Впереди показались низкие, чахлые деревья, там уже начиналась тундра.

Олени притормозили бег, шли шагом.

Ненец снова что-то крикнул, и олени, потные от быстрой езды, послушно повернули обратно.

В Архангельске я близко познакомился с людьми, которые боролись против царского самодержавия и были сосланы в этот далекий холодный край. Политические ссыльные дружили с моей мамой. Они казались очень интересными людьми. Образованные и скромные, суровые, но добрые. Их интересовало все, что происходило в мире. И еще я отметил про себя — они любили спорить. Я часами прислушивался к их беседам, к тому, что они рассказывали друг другу, как делились мнениями о прочитанных книгах, судили о событиях русской истории и о политике. Они были чем-то похожи на дядю Мишу, которого я часто вспоминал и продолжал горячо любить.

Не знаю, как долго еще отцу пришлось бы жить в Архангельске, если бы не одно, в общем-то, заурядное событие, изменившее, однако, судьбу ссыльных.

В августе 1904 года у царя Николая II родился сын, наследник престола Алексей. По этому поводу была объявлена амнистия: некоторым осужденным было разрешено покинуть места ссылки.

Воспользовалась этим разрешением и наша семья.

У карты Дальнего Востока

В столице Русской империи — Санкт-Петербурге, где мы теперь жили, было беспокойно. Уже почти год продолжалась русско-японская война. Бездарные царские полководцы проигрывали одно сражение за другим. Поражение России предотвратить было невозможно. В нашей семье не скрывали от детей своего мнения и говорили при нас всю правду, открыто осуждали политику царского правительства. Я и Костя тоже стали интересоваться русско-японской войной. В одной из комнат нашей квартиры висела большая карта, и мы, вместе с родителями, следили за событиями на Дальнем Востоке.

Помню, с каким замиранием сердца искал я с Костей небольшую точку на карте, какой была обозначена русская крепость Порт-Артур. Мы знали, что там русские солдаты с моря и суши осаждены японцами, но не сдаются, отказываются капитулировать. Однажды в газете «Петербургские ведомости» появилось сообщение, что, несмотря на героизм, величие духа и самоотверженность русских солдат и моряков, Порт-Артур капитулировал...

— Боже мой! — воскликнула мама. — Как это ужасно! Одинна-

дцать месяцев лилась кровь, длились невероятные страдания — и такой бесславный конец! наших солдат предали генералы...

Мы жили в самом центре города, на Невском проспекте, в доме, находившемся вблизи от Дворцовой площади.

Отец был вскоре направлен на работу в Екатеринодар, а мама оставалась в Петербурге и училась на фельдшерских курсах. Я готовился к поступлению в гимназию.

Приготовив заданные мне мамой уроки, мы с восьмилетним Костей уходили гулять. Построенный Петром I огромный город на Неве сказочно красив; широкие и ровные, как стрела, проспекты, многочисленные каналы буквально завораживали нас.

Однажды мы вышли к Неве. Неподалеку находился Исаакиевский собор с огромным золотым куполом. Таких церквей мы еще никогда не видели. Не торопясь подошли мы затем к памятнику Петру I, молча разглядывали бронзового коня, вздыбленного на самом краю гранитной скалы, лавровый венец на огромной голове Петра, суровое лицо царя со вздутыми щеками, извивающуюся змею, придавленную копытом...

Пораженные величием памятника, мы не могли произнести ни одного слова, молча поспешили домой.

Выстрелы на Дворцовой площади

Воскресенье 9 января было очень холодным. Над городом стоял белый густой туман, ветви деревьев были покрыты пушистым снегом.

Несмотря на все наши просьбы, мама категорически запретила мне и Косте выходить на улицу.

— Сегодня сильный мороз, можно простудиться, — сказала она, уходя на фельдшерские курсы.

Желая чем-либо скоротать время, мы с Костей устроились на широком подоконнике и с тоской смотрели в окно, выходящее на унылый двор, где, как обычно, подбирали крошки проворные воробьи.

Вдруг тишину нарушил оружейный залп. Сперва прогремел один, за ним второй и третий...

Мы машинально прыгнули с подоконника, но продолжали смотреть в окно. Там творилось что-то необычное и непонятное. В наш двор вбежали мужчины, женщины, подростки. Их лица были искажены от страха и ужаса.

С того дня прошло много лет, и мне трудно сейчас разграничить, что я сам видел и что узнал из разговоров взрослых. Подробнее всех нам рассказала о событиях дня мама. Она с утра дежури-

ла в больнице фельдшерских курсов и домой вернулась очень поздно. Вид у нее был такой, будто она перенесла тяжелую болезнь. Лицо бледное, руки дрожали. Она с трудом опустилась на стул и долго не могла произнести ни слова. Ее бескровные губы шептали:
— Какое вероломство! Какая жестокость! Они стреляли в безоружных людей...

Немного успокоившись, она стала рассказывать то, что узнала от раненых, которых доставили в больницу при фельдшерских курсах.

...Ранним утром 9 января 1905 года с Нарвской и Невской застав, с Выборгской стороны и с Охты, со всех окраин Петербурга рабочие вместе с их женами и детьми направились в центр города, к Зимнему дворцу. Они шли мирно, неся в руках портрет царя Николая II, иконы и хоругви. Трудовой люд Петербурга шел к царю, чтобы вручить ему петицию, в которой жаловался на свою тяжелую жизнь и просил облегчить его участь. Как только первая колонна рабочих вступила на Дворцовую площадь, солдаты, по команде офицеров, открыли по ним стрельбу из винтовок.

В больнице мама перевязывала рану рабочему с Обуховского завода. Он мужественно переносил боль, поблагодарил ее за оказанную помощь и сказал, указывая в сторону Зимнего дворца:

— А с ним мы еще сочтемся! Не нас он расстрелял, а нашу веру в его царское милосердие...

Пройдут годы, но из моей памяти никогда не изгладится та страшная картина, которую я видел из окна нашей квартиры, я не смог забыть рассказ мамы о событиях на Дворцовой площади 9 января 1905 года.

Петербург без света

О сенью, в октябре 1905 года в Петербурге началась всеобщая стачка рабочих. Бастовали на заводах и фабриках Выборгской стороны, на Охте, Нарвской и Невской заставах. Рабочие требовали свободы митингов, демонстраций и собраний, права защищать свои интересы. Их поддерживали студенты. Многолюдные демонстрации двигались по улицам и проспектам Петербурга. Бастующие пели революционные песни. Особенно часто слышны были слова:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорою
Грудью проложим себе.

Напуганный выступлением народа, царь Николай II вынужден был издать манифест и разрешить народу устраивать собрания,

гарантировать свободу слова и печати. После этого один за другим стали выходить сатирические журналы.

Мы с Костей по утрам бегали в газетный киоск на углу Невского проспекта и Малой Морской улицы (теперь улица Гоголя) и покупали там «Зритель», «Пулемет», «Стрелы», «Волшебный фонарь», «Жупел».

Дома все читали их от корки до корки. Особенное удовольствие доставляли нам карикатуры, а их в каждом журнале было множество, на каждой странице. Самым острым, пожалуй, был журнал «Жупел». В нем печатались знаменитые тогда писатели: М. Горький, Л. Андреев, И. Бунин и А. Куприн. Карикатуры были подписаны именами известных художников: А. Бенуа, И. Грабаря, Б. Кустодиева, Е. Лансере.

Сильное впечатление произвел на всех рисунок художника В. А. Серова, напечатанный в первом номере журнала «Жупел» за 1905 год. Я помню его до сих пор.

Холодный морозный день, деревья, покрытые пушистым снегом. На первом плане толпа рабочих, которым преградили путь казаки в длинных серых шинелях и фуражках с красными околышами. Впереди этой серой солдатской шеренги, на вздыбленном коне, казачий есаул. Он поднял вынутую из ножен шашку и... вот-вот взмахнет ею, подавая солдатам команду, и прогремит залп, точно такой, как тогда, 9 января, услышанный в нашей квартире. Под рисунком лаконично, но выразительно напечатаны слова из всем знакомой песни:

Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваша слава?

В сатирических журналах публиковались карикатуры даже на царских министров. Особенно яростно нападал на них журнал «Стрелы». В одном из его номеров была помещена карикатура на Победоносцева, царского сановника, которого люто ненавидела вся Россия. В молодости Победоносцев был учителем наследника престола Николая Александровича Романова, преподавал ему так называемый «закон божий». Когда великий князь стал царем, он назначил Победоносцева обер-прокурором Синода. Бывший учитель закона божьего, Победоносцев начал искоренять все передовое в литературе и науке. Это он, Победоносцев, со всей силой обретенной власти преследовал Льва Николаевича Толстого. По его прямому указанию православная церковь прокляла и предала анафеме великого писателя земли Русской.

...Как-то, проснувшись, я вышел на кухню, чтобы умыться.

— Погоди минуточку, — сказала мне мама, поспешно наполняя водой большой бак, в котором кипятили белье, затем корыто, ведра и все кастрюли, какие только были.

— Зачем ты это делаешь? — спросил я.

— Рабочие водопроводной станции будут бастовать, надо запастись водой,— объяснила мне мама.

Только я успел умыться, как водопровод действительно перестал работать.

Напротив нашего дома находился большой магазин «Александр». В нем продавались хрустальные люстры, большие, отделанные шелком абажуры, высокие, на длинных деревянных ножках лампы и другие всевозможные светильники. В Петербурге в ту пору бурно входило в быт электричество. На смену керосиновой лампе появился электрический свет.

По вечерам Невский проспект был на всем своем протяжении освещен огнями электрических фонарей, из окон многоэтажных домов струился мягкий свет.

Но вот забастовали рабочие городской электростанции, и свет в столице Российской империи погас; Петербург погрузился в непроглядную темень.

Поздним октябрьским вечером мама вышла со мной и Костей на Невский проспект. Желая осветить хотя бы главную магистраль столицы, правительство установило на здании Адмиралтейства огромной силы прожектор. Он освещал ровный, как стрела, проспект от Дворцовой площади до Николаевского вокзала.

Картина погруженного во мрак Петербурга, Невский проспект, освещенный только одним прожектором, и по сей день стоит перед моими глазами как свидетельство грозной силы рабочих, как символ протеста.

Старая игра на новый лад

Кто в детстве не играл в «казаков-разбойников»? Играл и я со своими сверстниками.

Особенно увлекался я этой игрой в Екатеринодаре, куда мама со мной и Костей переехала по месту работы отца. Бывшая станица, в которой давно поселились запорожские казаки для защиты южных рубежей России, в начале века стала красивым зеленым городом. Главным украшением его была центральная Красная улица, засаженная, как и остальные, высокими, разросшимися каштанами.

В Екатеринодаре у меня появились товарищи, мои сверстники, жившие по соседству с нами. Целыми днями мы, бывало, не разлучались, по несколько раз на дню купались в реке Кубани, загорали под палящим солнцем. А когда жара спадала, принимались играть в «казаков-разбойников». Но теперь мы играли в нее на новый лад, в духе времени: «в казаков и революционеров».

В начале игры я стаскивал с головы картуз и кидал туда маленькие листочки бумаги: на одних было написано «революционер», на других — «казак». Ребята тянули жребий.

Так разбивались мы на два отряда.

После этого «революционеры» выстраивались в колонну и громко пели:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!

И тут на них налетали «казаки», крича во все горло:

— Бей их!

Они хватали и запирали «революционеров» в сарай, откуда продолжала звучать песня.

Потом роли менялись. Правда, «революционеры» очень неохотно становились «казаками». Однако делать было нечего: игра есть игра!

Екатеринодар, когда мы туда приехали, находился под впечатлением разгрома «Новороссийской республики» и суда над новороссийцами.

За что судили новороссийцев?

Порт Новороссийск находится в ста пятидесяти верстах от Екатеринодара, в живописной теплой бухте на Черном море. Бухта эта никогда не замерзает, благодаря чему Новороссийск являлся тогда вторым портом в стране, через который круглый год вывозились во все страны мира зерно и цемент, овощи, фрукты и вина, а также разные другие товары. Сотни иностранных кораблей входили в порт Новороссийск и, нагруженные до краев, уходили оттуда в далекие страны.

В порту, на цементном заводе, в железнодорожных мастерских Новороссийска трудилось много рабочих, получавших за свой тяжелый труд очень низкую плату.

По дошедшим из Новороссийска в Екатеринодар слухам стало известно, что осенью 1905 года, когда по всей стране началась Всероссийская всеобщая стачка, рабочие Новороссийска, как и трудящиеся некоторых других городов России, создали свое народное управление — Совет рабочих депутатов. Совет Новороссийска немедленно ввел на предприятиях восьмичасовой рабочий день, установил рабочий контроль над промышленностью, транспортом и торговлей. Всех граждан города, чей доход превышал тысячу рублей в год, обложил особым налогом.

Новороссийск был провозглашен республикой. Рабочие для защиты своей власти создали боевые дружины, вооружили их винтовками и револьверами. На одном из заводов наладили производство бомб.

Бывшие власти города, во главе с вице-губернатором Березни-

ковым, поспешили скрыться, другие притаились в ожидании помощи из центра.

Две недели продержалась Новороссийская республика, и все это время над мятежным городом реяло красное знамя.

Власти, подавив восстание, жестоко расправились с новороссийцами. Царский суд вынес суровый приговор попавшим в руки охраны активистам Новороссийской республики. Их приговорили к смертной казни, и лишь некоторым заменили ее пятнадцатилетней каторгой.

Жандармы, однако, не смогли найти руководителей республики. Они разыскивали их по всей России и даже за границей. Особенно охотилась охранка за председателем Совета рабочих депутатов товарищем Николаевым и секретарем Совета «Борисом», которым удалось скрыться.

Странные случайности происходят иногда в жизни.

Мог ли я, одиннадцатилетний мальчишка, слушая рассказы о Новороссийской республике, предположить, что через много лет судьба сведет меня с легендарным «Борисом», секретарем Совета рабочих депутатов Новороссийской республики — Владимиром Дмитриевичем Сокольским?!

„Соблазнительный галстук“

В числе знакомых и друзей моей мамы в Екатеринодаре был аптекарь Владимир Давыдович Вигель. Всякий раз, когда у меня или у Кости начинался насморк, мама покупала в аптеке Владимира Давыдовича горькие капли «проторгол». В тех же случаях, когда мы чем-нибудь объедались, нам давали противную касторку из той же аптеки Вигеля.

Он частенько заглядывал к нам в гости, и мы бывали у него. Владимир Давыдович был добрейшим человеком. Он неторопливо пил чай с вареньем и тихим голосом рассказывал про всякие страшные болезни и какими лекарствами их следует лечить. Не принимая непосредственного участия в борьбе, он тем не менее искренне сочувствовал революции.

Однажды из рассказа Вигеля мы узнали, какой дерзкий поступок он совершил.

Екатеринодарская буржуазия шумно праздновала победу над Новороссийской республикой. Ей казалось, что с революцией теперь будет покончено навсегда и по всей России. В городе почти каждый

вечер устраивались балы и банкеты, рекой лилось шампанское и провозглашались тосты за здоровье «Его императорского величества», за верных сынов престола и отечества — казаков, громко рукоплескали министру внутренних дел господину Столыпину, установившему по всей стране виселицы для революционеров, прозванные народом «столыпинскими галстуками».

Бал-маскарад в Екатеринодаре происходил в здании Общественного собрания. В самый разгар веселья, когда громко гремела музыка и публика увлеченно танцевала вальс, в зал вошел «Некто». Лицо его было закрыто черной маской, он был в белом саване, какой обычно надевали во время казни на приговоренных к смерти через повешение. А на шее загадочного незнакомца была повязана толстая в виде петли веревка, на ней болталась дощечка с надписью «столыпинский галстук»... Он медленно прошел из конца в конец огромного зала и, не останавливаясь, направился к выходу...

Его догнали, сорвали маску и увидели под злобещим маскарадным костюмом знакомого всему городу тихого аптекаря Владимира Давыдовича Вигеля. Чувство чести и совести не позволило ему оставаться равнодушным и промолчать перед лицом жестокостей, творимых царскими властями. У него нашлось мужество по-своему выразить протест и презрение самодержавию.

Аптекарь был немедленно арестован и препровожден в городскую тюрьму, откуда был освобожден лишь через несколько недель.

Библиотека дяди Миши

В Екатеринодаре мой отец не задержался. Он снова переехал с семьей в столицу и поступил там на работу.

В Петербурге я учился в гимназии. Носил форменную фуражку с гербом, гимназическую куртку, перепоясанную ремнем, на пряжке которого, как и на гербе, было выгравировано название гимназии. Вот только друзьями среди гимназистов я не обзавелся. Большинство моих одноклассников были детьми петербургских чиновников. Мне не нравилась их кичливость и заносчивость, никаких общих интересов у нас не оказалось.

Я скучал по Екатеринодару, где продолжал жить и работать дядя Миша; с нетерпением ждал теперь каникул, чтобы съездить к нему в гости.

— Юра, — сказал мне дядя Миша, когда я вновь приехал к нему летом, — моя библиотека в твоём распоряжении! Поройся на полках, думаю, что ты найдешь там немало интересного и полезного для себя...

Давно пристрастившись к чтению, я успел прочитать немало книг, оказавших на меня большое влияние. Мною были уже прочитаны все лучшие произведения русских классиков и книги зарубежных выдающихся писателей. Но чем больше я читал, тем трудней становилось утолить мою жажду к чтению — и вот в моем распоряжении большая библиотека, в которой на протяжении многих лет было собрано множество не только интересных, но и редких, обычно недоступных или запрещенных книг!

Долгими часами рылся я на полках книжных шкафов с застекленными дверцами, где стояли также толстые своды законов и сборники судебных уложений. Однажды мое внимание привлекла книга незнакомого мне писателя, Вильяма Морриса, «Вести ниоткуда». Устроившись поудобней на диване, я открыл первую страницу — и больше уже не смог оторваться от захватившего меня повествования. К сожалению, на другой день надо было возвращаться домой. Кончался август, а вместе с ним и летние каникулы. Было очень обидно прерывать чтение. Увидев, как я расстроен, дядя Миша дал мне эту книгу и сказал:

— Возьми с собой, я дарю ее тебе.

В романе «Вести ниоткуда» писатель создал образ будущего социалистического общества. Особенно ярко были описаны грядущая революция и длительная гражданская война, в огне которых рождалась новая жизнь. Эта книга произвела на меня сильное впечатление, захватила все мои чувства и мысли. В конце книги имелась краткая биографическая справка, из которой я узнал, что ее автор, Вильям Моррис, окончил Оксфордский университет и впоследствии стал не только известным английским художником и писателем, но и активным политическим деятелем, членом социалистической партии Англии.

В другой раз я обнаружил в библиотеке дяди Миши книги, которые были изданы в дни первой русской революции. Я нашел там Манифест Коммунистической партии и томик неизвестного мне автора Чернышева под названием «Памятная книжка марксиста». В ней были опубликованы отрывки из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, а также программы всех западноевропейских социал-демократических партий. Не было только программы Российской социал-демократической рабочей партии. Ее я нашел и прочитал некоторое время спустя, живя уже в Самаре, в городе, с которым я надолго связал свою судьбу.

...С чувством глубокой благодарности вспоминал я всегда своего доброго дядю Мишу, гордился им. Горько было мне узнать, что в 1918 году он погиб, защищая город Царицын от белогвардейцев.

Часть II

Определенное направление мысли...
Кем быть?
Скрывшись лавки "Книговед"
Новое знакомство
В негалавном кружке

Определенное направление мысли...

В Самаре я учился в шестом классе Первой мужской гимназии. Она помещалась в большом трехэтажном, казенного типа здании, с массивными дверьми, широкой мраморной лестницей.

Я учился охотно, много занимался по всем предметам, и все же гимназические годы до сих пор вспоминаются мне с привкусом горечи. Это чувство осталось оттого, что обучение в гимназии, будь то в екатеринодарской, петербургской или самарской, отличалось духом казенщины, формализма и чрезмерно строгой дисциплиной. Нас старались воспитать послушными, богобоязненными верноподданными царя, заставляли посещать по субботам и воскресеньям церковь. Гимназистам было запрещено без разрешения классного надзирателя посещать театр, выходить из дома после семи вечера. За малейшую провинность и нарушение правил нас наказывали — оставляли «без обеда», а за непослушание сажали в карцер.

Многие учителя, даже если они хорошо знали свой предмет, были бездушными и холодными чиновниками. Недаром их, как и всех чиновников России, называли «людьми двадцатого числа», ибо свое жалованье они получали каждый месяц именно в этот день. Конечно, были в нашей гимназии и такие учителя, о которых у меня сохранилась самая добрая память и кому я по сей день благодарен. Таким был преподаватель русского языка и литературы, наш классный наставник Виктор Алексеевич Логинов. Он научил нас любить литературу, знакомил гимназистов не только с произведениями классиков, но и с творчеством писателей-современников, чьи книги хотя и не были включены в программу, но пользовались большим успехом у читающей России.

Виктор Алексеевич с огромным уважением рассказывал нам о Максиме Горьком, который в конце прошлого века жил в Самаре и работал в местной газете. Учитель знакомил нас с произведениями Короленко, Куприна, Бунина. Имена этих писателей были тогда на устах всех передовых, образованных людей. Их книгами зачитывалась и молодежь.

Хочется вспомнить и учителя физики Николая Флегонтовича Кирьянова. Он всегда доброжелательно относился к ученикам, уважал в каждом из них личность, человеческое достоинство. Таким же был и учитель математики Александр Александрович Лясс.

В те годы я особенно увлекался историей. Мне было интересно читать такие книги, где рассказывалось о далеких временах и древних народах. С не меньшим интересом я читал биографии выдающихся личностей, о том, какую роль они играли в исторических событиях и судьбах человечества.

Мною было прочитано уже много книг, в том числе труды из-

вестных русских историков — Забелина, Костомарова, Соловьева, Ключевского, Платонова.

Авторы этих книг освещали историю несколько иначе, чем она излагалась в школьных учебниках, где все сводилось к описанию жизни монархов, сменявших один другого, к тому, как они царствовали и какие вели войны, завоеывая чужие земли. В книгах известных историков больше рассказывалось о жизни народа, давалась картина времени.

Однажды мне очень повезло. Роясь на полках самарской городской библиотеки, я обнаружил там книгу М. Александрова «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России». Имя автора мне было не известно, но название книги меня заинтересовало. В ней совсем по-новому объяснялось развитие человеческого общества. Автор красной нитью проводил в своей книге мысль, что история развития общества — это история классовой борьбы.

Несколько лет спустя я узнал, что М. Александров был не кто иной, как Михаил Степанович Ольминский, старейший русский марксист, член партии большевиков.

В 1911 году вся официальная Россия отмечала пятидесятилетие отмены крепостного права.

Мама, всегда внимательно следившая за событиями, происходившими в стране, выписала красиво изданную по этому случаю книжную серию «Великая реформа», где рассказывалось об отмене крепостного права. Я раскрыл первый том серии, в белом тисненном переплете, с портретом царя-«освободителя» Александра II на титульном листе, и принялся читать. В книге высокопарно рассказывалось о «доброте» и «благородстве» русского царя, отменившего позорившее Россию крепостное право...

Пятидесятилетний юбилей отмены крепостного права в России праздновался торжественно и официально. Этому событию посвящали свои статьи многие газеты и журналы. Нас, гимназистов, тоже заставили «откликнуться» на это событие. На уроке истории учитель Николай Александрович Архангельский объявил нам тему домашнего сочинения: «Крестьянская реформа 1861 года».

В своем сочинении я, находясь под впечатлением книги М. Александрова, написал, что отмена крепостного права в России произошла не потому, что этого захотел царь Александр II, преисполненный, как говорилось в учебнике, «любви и доброты к крестьянам», а потому, что этого требовало дальнейшее развитие страны. Царь не мог поступить по-другому, ибо крестьяне раньше или позже сами освободились бы от крепостного рабства и захватили бы землю помещиков. Кроме того, на этой реформе настаивали русские капиталисты, которым нужны были вольные люди, рабочие для заводов и фабрик, строившихся по всей России.

Через несколько дней, после того как мы сдали свои сочинения, Николай Александрович вернул их нам. Кого-то он хвалил, кого-то журил за нерадивость и грамматические ошибки. Мне он возвратил работу молча. Я перелистал тетрадь и в конце сочинения увидел пятерку, выведенную красными чернилами. Теми же чернилами Николай Александрович Архангельский сделал такую приписку: «Сочинение написано отлично, но чувствуется, что автор несомненно находится под влиянием определенного направления мысли...»

Я был горд припиской учителя и сохранил тетрадь с этим своим сочинением.

Кем быть?

В гимназии мне оставалось учиться еще два года. Приближалось время, когда, сняв гимназическую форму, я должен был решить, что делать дальше? Я все чаще и серьезнее задумывался над выбором жизненного пути. Интересы мои раздваивались. Помимо увлечения историей, меня всерьез влекла к себе техника.

Мое детство проходило в пору, когда в России бурно развивалась промышленность, строились заводы и фабрики, прокладывались новые железные дороги, в городах воздвигались многоэтажные дома и роскошные магазины, банки и особняки богачей.

Еще девятилетним мальчиком я видел, как на улицах Петербурга вместо неторопливой, тихой конки помчались быстроходные трамваи. Я хорошо помню, как впервые появились автомобили. На моих глазах в России зарождалась отечественная авиация.

Мне было четырнадцать лет, когда в столице Российской империи произошло событие, оставившее глубокий след в моей памяти. В 1910 году в Петербург, на так называемую «авиационную неделю», со всего света съехались знаменитые авиаторы. Каждый из них решил показать свое мастерство, храбрость и отвагу, техническое совершенство своих летательных аппаратов.

С нарастающим интересом следила затаив дыхание вся передовая Россия за этим состязанием в воздухе. Особенно горячими «болельщиками» были, конечно, мы, увлеченные техникой мальчишки. Как мы радовались, как ликовали, когда одним из победителей оказался наш соотечественник, русский летчик Н. Е. Попов. Он на аэроплане конструкции братьев Райт продержался в воздухе целых... два часа!

Триумф Попова был не только победой личного мужества и мастерства русского летчика, но и выдающимся достижением зарождавшейся российской школы воздухоплавания.

Я знал наизусть и часто вспоминал в те дни стихотворение поэта Валерия Брюсова.

Фарман, иль Райт, иль кто б ты ни был!
Спеши! настал последний час!
Корабль исканий в гавань прибыл,
Просторы неба манят нас!..

Тогда-то, как мне кажется, и началась моя настоящая тяга к технике, пробудился во мне горячий интерес к ней. Я запоем читал научно-фантастические и приключенческие книги. Моим любимым автором стал известный французский писатель Жюль Верн. Все творчество этого писателя — демократа и республиканца проникнуто романтикой науки, раскрывающей тайны природы и загадки нашей планеты. Герой произведений Жюль Верна — бескорыстный, добрый ученый, гуманист, выступающий против использования достижений науки в интересах капиталистов. Я прочитал все 65 томов произведений Жюль Верна. Но самыми любимыми, перечитанными мною по нескольку раз, стали для меня романы «Путешествие к центру земли», «Из пушки на Луну», «Вокруг света за восемьдесят дней», «20 тысяч лье под водой», «Ребур Победитель».

Одно время я окончательно решил поступить в Московское высшее техническое училище или в Петербургский электротехнический институт. Мама, с которой я советовался, сказала, что и она хотела бы видеть меня инженером.

Субботними вечерами я уходил за город, к Волге, и подолгу любовался ею. Дух захватывало от красоты Жигулевских гор, склоны которых были густо покрыты лиственными и хвойными лесами. И в памяти вставала картина Ильи Репина «Бурлаки». По песчаному берегу Волги, навалившись всей грудью на сермяжную лямку и напрягаясь изо всех сил, усталые, изможденные люди тянут тяжело груженную баржу. Мускулы бурлаков напряжены, по черным от солнца и пыли лицам струится пот, а к спинам прилипли мокрые грязные рубашки. Трудно дается этим людям кусок хлеба! Это о них было написано поэтом-демократом Л. Н. Трефоловым стихотворение:

По кремнистому берегу Волги-реки,
Надрываясь, идут бурлаки.
Тяжело им, на каждом шагу устают
И «Дубинушку» тихо поют...
«Ну, живее!» — хозяин на барке кричит
И костями на счетах стучит...
...Сосчитай лучше ты, борода-грамотей,
Сколько сложено русских костей
По кремнистому берегу Волги-реки,
Нагружая твои сундуки!

На родной моей Волге, у Жигулей родилась могучая и привольная, как сам характер волгара, песня «Есть на Волге утес».

Я долго просиживал на берегу Волги, продолжая думать: как жить дальше? Кем быть?

«Техника, конечно, интересная область деятельности,— рассуждал я.— Но, для того чтобы она приносила пользу всем людям, надо изменить общество, в котором мы живем. Технику надо поставить на службу тем, кому она может облегчить труд и жизнь».

Меня в ту пору волновал не только выбор профессии. Нравственная атмосфера, царившая благодаря маме в нашей семье, ее демократизм воспитали во мне глубокую ненависть к несправедливости окружавшей нас жизни, к эксплуатации трудового народа, к угнетению людей другой национальности, к самодержавию. Я решил бороться за уничтожение царского строя. Передо мной был пример дяди Миши. И я хотел, как он, стать революционером.

Но где найти людей, которые помогли бы мне установить связь с местными подпольщиками? Это мог бы сделать дядя Миша, но его не было рядом со мною. Он по-прежнему жил в Екатеринодаре.

В Самаре мои родители были знакомы с семьей доктора Городецкого, у которого были три дочери, мои и Кости ровесницы. Одна из них под большим секретом сообщила мне, что в их квартире снимает комнату Серафима Васильевна Хорошенина, чей муж, большевик Александр Александрович Масленников, находится в ссылке.

Я хотел было обратиться прямо к Серафиме Васильевне и попросить ее связать меня с самарскими подпольщиками. Но она держалась очень замкнуто, и я понял, что моя просьба может показаться наивной и несерьезной.

Тогда я решил сам искать дорогу к этим людям.

Сокровища лавки „Книговед“

Возвращаясь из гимназии домой, я обычно проходил по улице Льва Толстого, соединявшей железнодорожный вокзал с речной пристанью. Днем и ночью по ней на склады железной дороги перевозили самые разнообразные грузы, доставленные пароходами по Волге. На углу улицы находилась булочная, где всегда вкусно пахло свежеевыпеченным хлебом, сдобными булочками. Рядом стоял приземистый, не очень приметный дом, с вывеской на первом этаже, видневшейся издали. На ней большими красными буквами было выведено лишь одно слово: «Книговед».

Пройти мимо книжной лавки «Книговед» у меня не хватало сил. В ней всегда было тесно, здесь постоянно толпилось много народа. Тут можно было купить и тетради, и готовальню, географиче-

ские карты и компас, цветные карандаши, краски, альбомы в бархатных обложках для стихов. Их особенно охотно покупали гимназистки младших классов. Выбирая альбомы, они обычно подолгу о чем-то шептались между собой, многозначительно хихикали. Потом, шевеля губами, отсчитывали собранные копейки, расплачивались и со счастливой улыбкой прятали в ранец заветную покупку.

Мальчишек «Книговед» привлекал своими марками. Альбомы с марками были выставлены на прилавке, рядом с большим глобусом и контурной картой Америки. Марки из «Книговеда» считались лучшими в Самаре.

Но в лавку «Книговед» я заглядывал не для того, чтобы купить марку, географическую карту или тетрадь. Меня здесь привлекали вытянувшиеся вдоль стен и высокие до потолка стеллажи, сплошь уставленные книгами. Хозяину магазина Ивану Ивановичу Штыркину, высокому худощавому человеку, было чуть больше тридцати лет, но выглядел он значительно старше. Через круглые большие очки глядели удивительно добрые глаза. В лавке «Книговед» было домашнему уютно, покупателей встречали приветливо, им разрешалось рыться на полках, выбирать книги и читать сколько душе угодно. Можно было прочитать книгу и не купить ее. Я часто заходил в книжную лавку и широко пользовался ее преимуществом.

Вскоре я обратил внимание на то, что некоторые посетители «Книговеда» имели свободный доступ в соседнюю комнату, куда вела почти незаметная дверь за прилавком. Какие-то люди приходили в лавку и молча исчезали за дверью. Во всем этом было что-то таинственное и необычное. Меня это заинтриговало.

«Что там, за этой дверью?» — думал я каждый раз, но спросить об этом Ивана Ивановича не решался.

Вслед за этим мною было сделано еще одно открытие: владелец магазина Штыркин умудрялся как бы мимоходом поинтересоваться, какие книги увлекают покупателя. Внимательно присматривался он и к тому, что я читаю, что покупаю. Выяснив, что меня интересуют книги по истории и политической экономии, он однажды сказал мне, указывая на таинственную дверь за прилавком:

— Пройдите туда, молодой человек. Думаю, что вы найдете там что-нибудь по вашему вкусу.

Я вошел в комнату, где книги стопками лежали на столах. Здесь находились издания 1905—1907 годов, когда во время революции была обретаена свобода печати. В России одна за другой печатались тогда ранее запрещенные книги: сочинения Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина и других марксистских авторов. Вскоре такие книги открыто купить было невозможно. Вот почему Иван Иванович и допускал в эту комнату только тех, кому доверял. Не знаю, чем завоевал его доверие я, юный гимназист? Быть может, на него произвел впечатление мой не по годам сосредоточенный вид.

Первая книга, которую я купил в этой комнате, был роман

А. А. Богданова «Красная звезда». Автор этот был мне уже знаком. Его книгу «Краткий курс экономической науки» я видел в библиотеке дяди Миши, но не успел внимательно ее прочитать. В романе «Красная звезда», где речь шла о социалистическом обществе, А. Богданов пытался раскрыть отношения между людьми при социализме, моральные и нравственные законы людей этого общества. Тогда же я купил книгу Атлантикуса «Государство будущего». В ней говорилось о прогрессе техники и об экономике нового общества. Здесь же, в лавке Ивана Ивановича, мне впервые попала в руки брошюра Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». В ней рассказывалось о взглядах предшественников К. Маркса и Ф. Энгельса, социалистов-утопистов — Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Мне очень хотелось ознакомиться с программой Российской социал-демократической рабочей партии, но она никак не попадалась на глаза.

С помощью «Книговеда» мне удалось собрать небольшую личную библиотеку, в которой было много запрещенных книг. Я хранил их на черной лестнице нашей квартиры, устроив там тайное хранилище.

В классе на одной парте со мной сидел Владик Сарнецкий. Мы с ним дружили. Из рассказов Владика я узнал, что его отец — социал-демократ, принимал участие в революции 1905 года, за что был арестован и теперь сидел в тюрьме. Все это расположило меня к Сарнецкому, и я рассказал ему о своем желании участвовать в борьбе против царского самодержавия.

— Подумаешь! — несколько свысока заметил Владька. — Я уже давно социал-демократ.

— Что же, тебе можно только позавидовать, — спокойно ответил я. И тут же пожалел, что поведал ему свою тайну.

Новое знакомство

В лавке «Книговед» я встретил человека, который сыграл важную роль в моей жизни.

В комнате за таинственной дверью я часто видел уже немолодого, лет сорока, мужчину со строгими чертами лица, седеющими волосами и небольшой бородкой клинышком.

Однажды, когда я просматривал новую стопку книг, он приветливо обратился ко мне и сказал:

— Вам, вероятно, будет небезынтересно прочитать эту книгу...

На обложке предложенной им книги стояло уже знакомое мне имя: «Н. Ленин».

— Спасибо,— поблагодарил я,— меня давно интересуют труды этого автора.

— Тогда разрешите представиться: Яков Андреевич Андреев,— сказал мягким баском человек с бородкой клинышком.

— Юрий! — слегка смущаясь, протянул я руку.

— Вот мы и познакомились,— улыбаясь, сказал Яков Андреевич.— Надеюсь, Юрий, вам не следует специально напоминать, что чтение книг этого автора не поощряется властями...

Я молча кивнул головой.

Книга Н. Ленина, которую рекомендовал мне Яков Андреевич Андреев, называлась «К деревенской бедноте» и была в 1905 году издана Московским комитетом РСДРП. На обложке, в самом верху, крупными буквами было напечатано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В конце книги, в качестве приложения, была помещена программа партии, которую я так долго искал.

Первая прочитанная мною ленинская работа захватила меня глубиной освещения поднятого в ней вопроса и в то же время удивительно простым, доступным изложением.

Автор рассказывал крестьянам о создании социал-демократической партии в России, разъяснял ее цели и задачи.

Мне очень хотелось сделать для себя выписки из этой работы, но, памятуя полученный от Якова Андреевича совет, я воздержался и постарался запомнить наиболее важные ленинские положения.

Однажды, когда мы снова встретились с Яковом Андреевичем в лавке «Книговед», он пригласил меня в гости.

Была ранняя весна 1912 года.

На тротуаре и на крышах домов еще лежал снег, а я шел по улице в гимназической шинели нараспашку, позабыв, что могу понести наказание, если в таком виде меня встретит классный наставник. Я словно предчувствовал, что этим вечером многое изменится в моей жизни.

...В комнате Якова Андреевича было уютно. На столе стоял уже пышущий жаром самовар.

За чаепитием Яков Андреевич рассказал мне, что в Самаре он живет не по своей воле, а выслан сюда под надзор полиции, что работает в Самарском губернском земстве, где занимается статистикой. В тот вечер я узнал также, что Яков Андреевич является членом Российской социал-демократической рабочей партии с 1898 года, с самого ее основания, и участвовал в работе Пятого Лондонского съезда партии. Он был большевиком и лично знаком с Владими-

ром Ильичем Лениным. Яков Андреевич рассказал мне также, что в Самаре Владимир Ильич пробыл более четырех лет, работал помощником самарского адвоката А. Н. Хардина и выступал на суде в защиту крестьян. Мы, самарцы, очень гордились, когда многие годы спустя узнали, что на вопрос о начале своей революционной деятельности Владимир Ильич ответил: «1892—1893 годы, Самара, нелегальные кружки социал-демократии».

...Прошло какое-то время после нашего знакомства, и Яков Андреевич предложил мне вступить в партию. Он сделал это просто, без всякой торжественности и громких слов.

В нелегальном кружке

Вскоре я получил от Якова Андреевича первое партийное поручение: посещать занятия нелегального марксистского кружка.

— Адрес надо запомнить,— предупредил меня Яков Андреевич, назвав улицу и номер дома.— Записывать ничего нельзя...

В назначенный день я подошел к двухэтажному дому, стоявшему в самом начале одной из улиц Самары. Постучал в дверь, подал условный знак, которому научил меня Яков Андреевич, и вошел в открывшуюся тут же передо мной квартиру. Но, едва переступив ее порог, я чуть было не лишился дара речи. Передо мной стоял не кто иной, как Юрий Павлов, отец которого, действительный статский советник Александр Иванович Павлов, был директором нашей гимназии, убежденным реакционером, верноподданным слугой царя. Мне и во сне не могло присниться, что его сына, ученика восьмого, выпускного, класса, я встречу на конспиративной квартире в нелегальном марксистском кружке.

«Как глупо! — мигом пронеслось у меня в голове.— С первого раза — и такой провал...»

Заметив, как я изменился в лице, Юрий улыбнулся, энергично протянул мне руку и сказал:

— Все правильно, тезка, проходите.

С трудом преодолел я свое волнение. Но тут же, к великой своей радости увидел и других учеников нашей гимназии. О некоторых из них, например Коле Тихонравове или Петре Андронове, я бы никогда не мог подумать, что они окажутся в подпольном кружке. Они, как и Юрий Павлов, были в выпускном классе.

Руководил кружком Юрий Павлов. По поручению партийной организации большевиков Самары он вел систематическую нелегальную работу среди гимназистов.

Мы начали с чтения книги А. Богданова «Краткий курс экономической науки», в которой очень доступно излагались основы экономического учения К. Маркса. Юрий умел толково объяснить любой трудный вопрос, и я понял, что, несмотря на молодость, он был уже образованным марксистом. В конце занятия Юрий предупредил:

— Расходимся поодиночке... На улице внимательно осмотритесь: не стоит ли у соседнего дома человек, с «интересом» читающий газету? Если он там окажется, направляйтесь к волжской пристани, где легче будет затеряться в толпе пассажиров. Адрес следующей явки сообщу каждому в отдельности через три дня.

На прощание он крепко пожал нам руки, и мы благополучно разошлись. «Читателя» газеты на месте не оказалось.

...Так теплым майским вечером далекого 1912 года началась моя нелегальная партийная жизнь. Мне тогда едва исполнилось семнадцать лет.

Я шел домой, и чувство безграничной радости наполняло мою душу. Причастность к партии, обретенная ясная цель жизни и борьбы делали меня счастливым. О своем вступлении в партию я не сообщил ни одному человеку, даже самым близким мне — маме и Косте. Мама, конечно, узнала о моей подпольной деятельности, но произошло это несколько позже. Она была встревожена, но ни разу не пыталась отговорить меня и заставить свернуть с избранного мною пути.

Занятия в кружке продолжались регулярно. Изредка приходил к нам Яков Андреевич, вместе с которым мы читали ленинские работы, опубликованные в легальном журнале «Просвещение». С нетерпением ожидали мы, бывало, выхода каждого нового номера «Правды» и подробно обсуждали в кружке все важные события, о которых писала большевистская рабочая газета.

События на реке Лене, где на золотых приисках царские войска расстреляли бастовавших рабочих, помогли мне сблизиться с одним моим одноклассником и привлечь его к работе в нашем кружке.

Это был серьезный юноша, Всеволод Никольский. Он много читал, интересовался политическими событиями. Мы часто обсуждали с ним прочитанные книги, порой спорили. Мне нравилось, что у него были твердые убеждения и он умело их отстаивал. С ним было интересно общаться. Однажды мы разговорились о Ленских событиях.

— Совсем, как тогда, в Кровавое воскресенье! — гневно воскликнул я и рассказал Всеволоду о том, что мне довелось увидеть в тот день в Петербурге.

Всеволод был потрясен, он нахмурился и сказал:

— Надо же что-то предпринять, надо действовать...

— Что ты имеешь в виду? — спросил я, решив в свою очередь испытать товарища.

— Непременно надо связаться с большевиками, — ответил Все-

волод.— Смотри, как бесстрашно выступают они в Государственной думе. Вот это революционеры!

В словах Всеволода чувствовался искренний восторг.

О своем разговоре с Никольским я рассказал Якову Андреевичу, с которым продолжал встречаться.

— Всеволод — надежный юноша! — убеждал я своего учителя.— Он тянется к большевикам.

— Хорошо, Юра,— немного подумав, ответил Яков Андреевич.— Я посоветуюсь с товарищами.

Через неделю Яков Андреевич сообщил мне, что Всеволод может явиться на занятия нелегального кружка.

Мой поступок может показаться несколько легкомысленным. У меня самого был еще небольшой, чуть более года, партийный стаж, а я уже рискнул дать рекомендацию своему школьному товарищу. Однако я никогда впоследствии не пожалел об этом. Всеволод Никольский стал настоящим большевиком. После Октябрьской революции он сражался в рядах Красной Армии, а когда белогвардейцы были разбиты и наша страна перешла к мирному труду, Всеволод поступил в Московский университет, окончил его и стал затем крупнейшим советским ученым-химиком.

Прошел год, и вот Яков Андреевич поручил мне самому руководить нелегальным марксистским кружком. Моими учениками были молодые рабочие макаронной фабрики, портновских мастерских, строители. Особенно тесные связи установились у меня со строителями — деревообделочниками, объединенными в профессиональный союз. Наши занятия чаще всего проходили на квартире молодого столяра И. В. Казарина.

Это было время, когда революционное движение в России уже вновь находилось на подъеме. Годы реакции, наступившие после подавления революции 1905 года, остались позади. Новый подъем чувствовался во многом и, в частности, в общении с рабочими, в деятельности марксистских кружков. Рабочие тех лет отличались уже возросшей сознательностью и дисциплиной, глубоким пониманием своей силы, их места и роли в борьбе с царским самодержавием за свободу всех людей труда. Они жадно тянулись к знаниям.

Среди моих учеников заметно выделялся столяр Костя Максимов.

Его страстью было чтение. Он поглощал одну книгу за другой, которые я ему приносил. Ради чтения он жертвовал и сном и отдыхом.

Жизнь впоследствии разлучила нас. После Февральской революции я остался работать в Самаре, а Константин Гордеевич Максимов уехал в Москву. В октябре 1917 года он — член президиума и один из руководителей большевистской фракции Московского Совета. Будучи затем делегатом V Всероссийского съезда Советов, К. Г. Максимов участвовал в принятии первой советской Конституции и, как член президиума ВЦИК, поставил свою подпись под этим историческим документом.

Часть III

Мировая война
Первая мешовка
Поезд оборванной связи
На Корковем острове
Арест
На допросе
В одиночной камере

Мировая война

Летом 1914 года мы с братом отдыхали в Геленджике, на Черном море. Купались, загорали на солнце, объедались фруктами.

Утром 1 августа, наспех позавтракав, направились с полотенцами через плечо на пляж. Но, выйдя из дома, мы заметили необычное оживление на улице, взволнованные лица прохожих. Мальчишки, размахивая свежими номерами газет, обгоняя друг друга, кричали:

— Война! Германия объявила России войну!

В тот же день мы поспешили вернуться в Самару.

Самарские власти, монархисты и толстосумы всеми силами и средствами раздували шовинистический угар, устраивали верно-подданныческие манифестации, подогревали воинственные настроения обывателей. Одну из таких манифестаций мне довелось наблюдать.

Центральная площадь Самары была запружена возбужденной толпой. В глазах рябило от множества трехцветных знамен и золота хоругвей. В лучах солнца всеми цветами радуги сверкали дорогие парчовые ризы духовенства, возглавлявшего манифестацию. За ними двигались «их степенства», именитые «отцы города», представители власти. Потом шли чиновники и купцы, гимназисты, ремесленники и прочие горожане. На всех были нарядные, сшитые для больших праздников, костюмы и платья. Им было жарко, лица их побагровели, пот струйками стекал по щекам, но они изо всех сил, громко пели гимн Российской империи «Боже, царя храни!».

Самые знатные несли портреты императора Николая II.

Из толпы то и дело доносились выкрики:

— Бей немчуру поганую!

Стоя в стороне, я смотрел на возбужденную толпу, узнавая в ней не только обывателей, но и врачей, адвокатов, учителей гимназий, ремесленников и мастеровых. Горше всего было видеть в рядах манифестантов рабочих.

Вскоре мне довелось видеть в Самаре и другую картину, показавшую, что несет народу эта война. Это были очередные проводы новобранцев. На площади возле городской управы собралось множество народа, главным образом деревенских парней, призванных на войну. Тут были и провожавшие их матери и сестры, жены и невесты, старики-отцы и дети, подростки. Женщины утирали слезы кончиками пестрых ситцевых платков, которыми по-крестьянски были повязаны их головы. Другие, прощаясь, голосили, жалобно причитая.

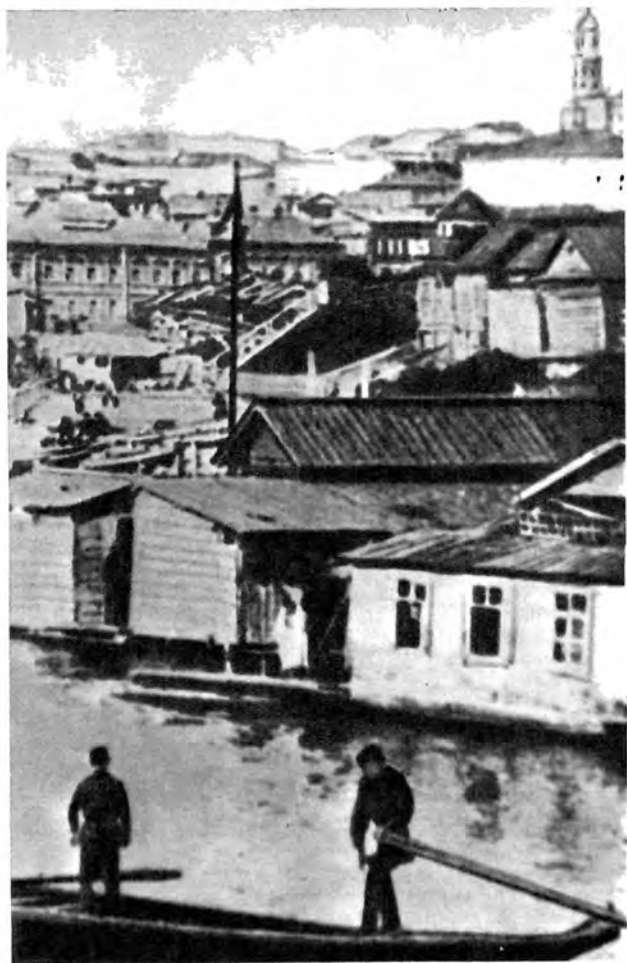
Новобранцы, понуриив головы, сидели прямо на земле, положив у ног свои холщовые котомки. Одни угрюмо молчали, другие, наоборот, хабрились. Они то громко смеялись, то вдруг запевали:

Антонина Александровна
Милонова — мать
Ю. К. Милонова.

Михаил Александрович
Федосеев — дядя Миша.

В старой Самаре.
У пристани.

В старой Самаре.

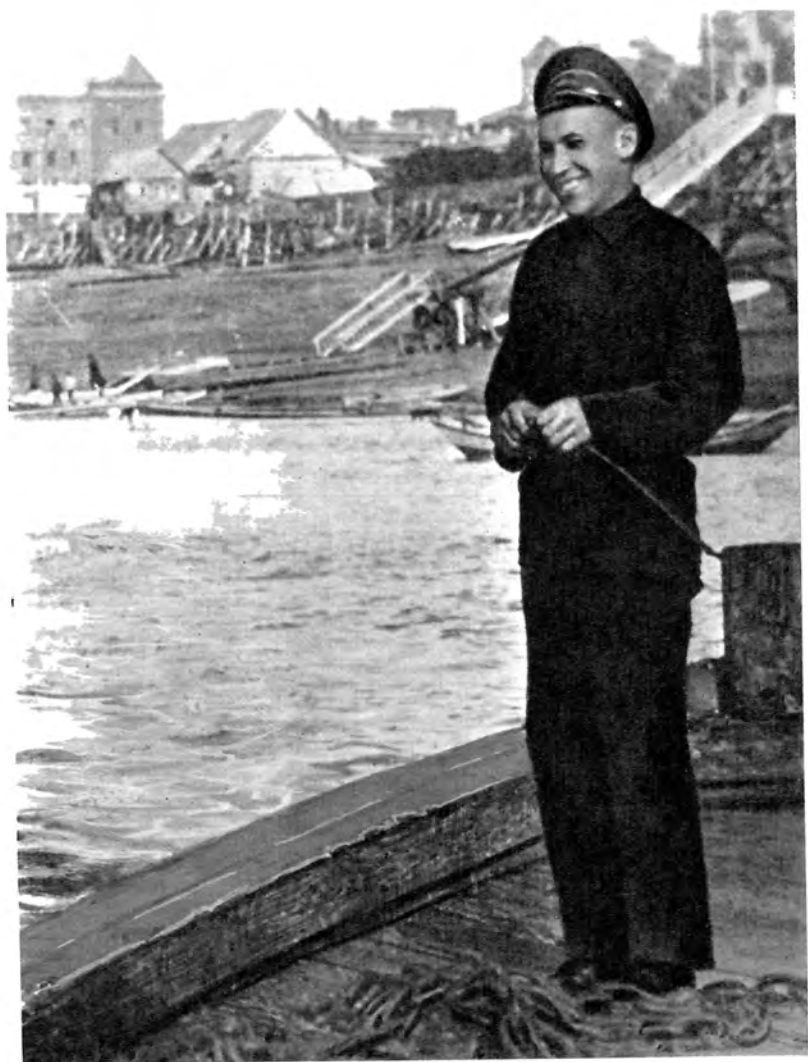
С картины В. Маковского
«9 января 1905 года».

Владимир Дмитриевич
Сокольский — секретарь
Совета рабочих депутатов
Новороссийской
республики в 1905 году.

Вооруженная
демонстрация в
г. Новороссийске
в декабре 1905 года

Юрий Милонов на
самарской пристани.
1912 год.

Константин Гордеевич Максимов
участвовал в нелегальном
марксистском кружке в Самаре.
В Октябре 1917 года
К. Г. Максимов — член
президиума Московского Совета.

Владимир Петрович Мяги.

Николай Михайлович Шверник.

Активные участники большевистского подполья в Самаре.

Ю. К. Милонов во время ареста. Снимок самарского губернского жандармского управления.

Самарская губернская тюрьма.

Михаил Степанович
Ольминский — один из
старейших деятелей
революционного движения
в России.

Юрий Константинович Милонов.
Саратов, 1916 год.

Владимир Павлович
Антонов-Саратовский.

Георгий Ипполитович
Ломов-Оппоков.

Старейшие члены
большевистской партии.
Под их руководством
Ю. К. Милонов работал
в Саратове в 1915—
1916 годах.

Сергей Иванович
Мицкевич.

Алексей Христофорович
Митрофанов.

Валериан Владимирович
Куйбышев.

Александр Александрович
Масленников.

Алексей Петрович
Галактионов.

Евгения Соломоновна
Коган.

Василий Константинович
Блюхер.

Активные участники борьбы за Советскую власть в Самаре.

В этом здании 26 июля
1917 года на
Сампсоньевском
проспекте в Петрограде
открылся VI съезд
РСДРП(б).

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья!
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья...

Из управы вышел молодой бравый офицер в белом кителе и сверкающих золотых погонах. Он резко и строго скомандовал:

— Становись!

Рекруты, еще необученные, строились бестолково, суетливо, в страхе оглядываясь на офицера.

Построив наконец всех по ранжиру, вдвоив ряды, он подал команду:

— Правое плечо вперед, шагом марш!

Грянул оркестр, женщины заголосили и, едва поспевая за колонной, двинулись вслед за рекрутами к паровой пристани.

Мы с Костей пошли за ними.

На пристани новобранцев уже ждал пароход. И тут вновь мы стали свидетелями душераздирающих сцен прощания. Женщины кричали, плакали во весь голос и причитали. И была в этих причитаниях вся боль и печаль русских крестьянок, почуявших, какая участь уготовлена их сыновьям и братьям, мужьям и женихам, отцам малолетних ребятешек.

Когда началась посадка на пароход, многие женщины падали на колени, обхватывали ноги своих любимых и в отчаянии кричали:

— Не пушу!.. Не дам!..

Офицер грубо отталкивал их, приказывал новобранцам торопиться. Нельзя было оставаться бездеятельным, хотелось сейчас же, немедленно помочь этому народному горю. Надо было во что бы то ни стало заклеить тех, кто развязал эту преступную и гибельную мировую бойню.

Первая миссия

После объявления войны положение нашего нелегального кружка стало трудным. Начались аресты большевиков, и мы вскоре лишились всех своих руководителей. Якова Андреевича Андреева мобилизовали в армию, а Юрий Павлов уехал в Москву в университет. Из нашего кружка осталось двое — Всеволод Никольский и я. Мы были лишены не только руководителей, но и правдивой информации. Газета «Правда» и журнал «Просвещение» были закрыты в первые же дни войны. Запрещен был и легальный марксистский журнал «Заря Поволжья», выходивший в Самаре. Официальная печать вела разнузданную шовинистическую пропаганду. Социал-демократы многих стран голосовали за военные займы.

Мы знали отношение нашей большевистской партии к войне, позицию В. И. Ленина, не раз изложенную им. Нам, разумеется, были известны решения двух международных социалистических конгрессов — Штутгартского и Базельского. С ними нас в свое время познакомил Яков Андреевич Андреев. В манифесте Базельского конгресса было четко сказано: если возникнет мировая война, то социалисты всех стран обязаны стремиться к тому, чтобы использовать ее для уничтожения власти капиталистов.

Мы со Всеволодом решили действовать самостоятельно и приступили к выпуску листовок, направленных против войны. У нас, правда, не было ни типографского шрифта, ни печатного станка, ни подходящей бумаги. Однако трудности нас не испугали, и мы решили писать свои воззвания от руки, на вырванных из тетрадок листочках.

Запершись у Всеволода в комнате, мы вооружились ручками и чернилами и принялись за дело: большими печатными буквами, чтобы их мог разобрать даже малограмотный, мы вывели: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Долго не могли придумать, как начать воззвание. Перебрав десятки вариантов, мы, наконец, начали с самого главного.

«Дорогие товарищи! — обращались мы к жителям Самары. — Война, которая ведется вот уже три месяца, — это война несправедливая. Она нужна только богатым — заводчикам и фабрикантам, купцам и мукомолам, которых вы знаете по нашей Самаре.

Долой империалистическую войну!

Долой царское самодержавие!»

Эту листовку мы подписали от имени «Российской социал-демократической рабочей партии большевиков».

Весь день, позабыв про уроки, мы не разгибая спины писали свои листовки, и к вечеру тридцать экземпляров воззвания были готовы. А когда начало смеркаться, мы отправились на улицу, где, строго соблюдая правила конспирации, шли от дома к дому и топорливо опускали листовки в почтовые ящики.

Первая наша операция прошла благополучно. Мы были горды тем, что не сидели сложа руки. В то же время нам было ясно, что сделанного нами недостаточно, что надо делать больше, действовать решительней. Мы принялись настойчиво искать связи с партийным руководством.

Поиск оборванной связи

Однажды к Всеволоду Никольскому обратился сидевший с ним на одной парте Петр Ульянов.

— Я могу познакомить тебя с надежными ребятами,— шепнул он ему на ухо.

— Какие это такие «надежные ребята»? — также шепотом спросил Всеволод, делая вид, что ничего не понимает.

— Ладно, не ломайся,— тихо сказал Петр.— Слушай, что я тебе сообщу. У моей тетки снимают комнату три молодых человека. Они социал-демократы. Понял? Завтра вечером приходи ко мне вместе с Юрой...

Я и Всеволод были озадачены: меньше всего мы могли предположить, что Петр Ульянов может сочувственно отнестись к социал-демократам.

Кто надоумил его обратиться именно к нам? Неужели кто-то нас выследил? Не провокация ли это? Целый день ломал я над этим голову, а затем сказал Всеволоду:

— Надо рискнуть! А вдруг это и в самом деле те люди, кого мы разыскиваем...

В назначенный час мы пришли к Петру Ульянову. Там нас уже ожидали трое незнакомых, которые запросто поздоровались с нами и назвали себя: Михаил Хрынин, Александр Климович, Николай Коженков. Все трое, как выяснилось во время беседы, были портными, работавшими в одной мастерской.

Больше всех мне понравился в тот вечер Миша Хрынин, которому на вид можно было дать чуть более двадцати лет. Он был среднего роста, с тонким лицом и высоким лбом. Всем своим видом напоминал он мне молодого Белинского, не носившего еще бороды. На нем была белая рубашка с галстуком, пиджак без жилета. Как мы узнали позже, Миша Хрынин был москвичом. За участие в демонстрации против войны он три месяца просидел в Бутырской тюрьме, а затем был выслан в Самару. Здесь Миша Хрынин связался с подпольным комитетом большевиков и начал вести активную нелегальную работу.

Александр Викентьевич Климович был немного старше нас с Всеволодом, ему шел уже двадцать пятый год. Да и партийный стаж у него был больше, чем у меня и Хрынина. Он вступил в партию в 1910 году, вел партийную работу в Петербурге, Ростове-на-Дону. В феврале 1914 года его выслали в Самару. Николай Коженков держался при этой встрече как-то скованно.

Завели, конечно, разговор о войне и выяснили, как относится к ней каждый из нас. Михаил Хрынин, убедившись, что я и Всеволод правильно оцениваем обстановку, предложил нам снова собраться вместе через несколько дней. Он обещал в следующий раз познакомить нас с «теоретиком». Этим «теоретиком» оказался Михаил

Александрович Розенштейн, член партии, агроном. Он работал в Петрограде, откуда был выслан за ведение революционной пропаганды. Михаил Александрович стал руководителем нашего нелегального кружка.

После ареста депутатов-большевиков в IV Государственной думе Петербургский комитет партии выпустил фотосерию портретов А. Е. Бадаева, М. К. Муранова, Г. И. Петровского, Ф. Н. Самойлова, Н. Р. Шагова. Депутаты-большевики были сняты в арестантских халатах и тюремных шапках. Получив эти фотографии, мы, кружковцы, стали распространять их среди рабочих города вместе с прокламацией, выпущенной Самарским подпольным комитетом большевиков и содержавшей протест против империалистической войны.

В поленице дров на дворе дома, где жил Миша Хрынин, хранился типографский шрифт. Его тайком вынес из самарской губернской типографии В. П. Мяги. Эстонец по национальности, наборщик по профессии, большевик с 1905 года, Владимир Петрович Мяги активно работал в Самарском подполье. Лично оборудовав неплохую нелегальную типографию, он сам набирал текст прокламаций, а Миша Хрынин размножал их во множестве экземпляров.

И вот наконец, поздним вечером, Миша вынес первую большую пачку листовок и направился в Союз деревообделочников, находившихся целиком под влиянием большевиков. Молодые столяры, плотники и штукатуры уже поджидали его, чтобы, получив листовки, этой же ночью расклеить их на центральных улицах города. Спрятав листовки в карманах своих тужурок, они прихватили с собой ведерки с клеем и направились к выходу... Но тут в здание, где помещался Союз строителей, неожиданно ворвалась полиция. Миша успел уйти незаметно, а деревообделочников схватили вместе с листовками и ведерками клея. В ту же ночь были арестованы Михаил Александрович Розенштейн, Владимир Петрович Мяги и портной, поэт Семен Груздев, нелегально живший в Самаре. В одну ночь был почти полностью разгромлен подпольный Самарский комитет большевиков. Кроме Миши Хрынина, на свободе остались наш новый товарищ Илья Решетько и я. Илья Васильевич Решетько, казак Полтавской губернии, живший по чужому паспорту на имя Иванова, тоже был портным. Как один из организаторов забастовки ростовских портных, он после тюремного заключения оказался высланным в Самару под гласный надзор полиции.

На Коровьем острове

Воскресным утром от причалов городской пристани отчаливали одна за другой лодки. За веслами сидели молодые люди в ярких цветных рубашках, рядом с ними занимали места девушки, одетые в нарядные ситцевые платья. В косах девушек пестрели красные, желтые, голубые ленты.

Каждый, кто направлялся на «пикник», брал с собой узелок с провизией, а некоторые прихватывали гитары, балалайки или гармонь. Заядлые спортсмены везли футбольный мяч...

С началом войны в Самаре были закрыты все легальные общественные организации. По распоряжению самарского губернатора была запрещена деятельность рабочего клуба «Общества разумных развлечений». Власти закрыли и Союз деревообделочников, находившийся, как я уже говорил, под влиянием нашей партии. Продолжал существовать лишь профсоюз портных, носивший название «Игла».

С наступлением первых теплых весенних дней профсоюз «Игла» устраивал для своих членов загородные прогулки, воскресные пикники.

Излюбленными местами пикников у самарцев были Царев курган, Постников овраг и Коровий остров. Туда по воскресным дням устремлялась молодежь. Только причалим, бывало, к берегу, найдем удобную поляну, и девушки тут же принимают хозяйничать; прямо на траве расстилали белую полотняную скатерть, раскладывали на ней свежие калачи, крутые яйца, дешевую колбасу, бутылки с молоком. Парни в это время уже вовсю играли в футбол. Закатив выше колен брюки, сняв пиджаки, молодые люди гоняли мяч по зеленой, еще не высокой траве.

На соседней лужайке тем временем остальные девушки и юноши, разбившись на пары, играли в горелки, напевая:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло,
Глянь на небо,
Птички летят,
Колокольчики звенят...
Лови!..

Среди игравших были и мои знакомые — Мария Бешенковская, работавшая в одной фотографии города, и швей-мастерицы Мария Сапожникова и Мария Тихомирова. Все три Марии были уже большевичками, активно участвовали в подпольной работе.

Загородные прогулки, организуемые профсоюзом «Игла», большевики использовали для политических бесед с рабочими и разъяснения текущих событий.

Особенно запомнился мне «пикник» на Коровьем острове.

Было это 31 мая 1915 года.

За несколько дней до него Миша Хрынин передал мне, что по решению подпольного городского комитета партии я должен выступить на пикнике с обстоятельным докладом и объяснить рабочим отношение большевистской партии к происходившей империалистической войне.

— Держись, Юрка! — подзадоривал меня Михаил. — Знаешь, кто будет твоим оппонентом?

— Оппонентом? — с недоумением переспросил я. — Кто же?

— Сам Рамишвили!

— Не знаю такого...

— Рамишвили, Юрий, это важная персона! — иронически заметил Миша. — Бывший депутат Второй Государственной думы. Меньшевик.

— Ну и что же? — самоуверенно ответил я, скрывая свое волнение.

— Меньшевики, брат, мастера красивой фразы, — продолжал Михаил. — Как начнут заливать, как напустят пафоса, прямо заслушаться можно... Особенно когда заговорят о чести, о долге, о защите отечества... Так что смотри, Юрий, не подкачай!

Помолчав недолго, он добавил уже совершенно серьезно:

— В ответ на эти слова ты объяснишь народу, что большевики любят свою родину и поэтому борются за установление в ней такого строя, при котором вообще не будет войн... Это, Юрий, важное поручение, и я уверен, что ты с ним справишься. Комитет на тебя надеется.

Меня, конечно, слова эти обрадовали, но и взволновали. Я понимал, что мне предстоит серьезный экзамен. Однако предаваться переживаниям было некогда. Я тут же начал готовиться к докладу. Товарищи передали мне номер газеты «Социал-демократ» — печатный орган нашей партии, издававшийся за границей. В нем была помещена статья В. И. Ленина «Война и российская социал-демократия», которая по существу являлась манифестом большевистской партии о войне.

Я работал с утра до вечера, составлял тезисы, обдумывал каждое слово. Важно было принципиальную позицию партии донести до рабочих так, чтобы она была понята и запала им в душу. Я набросал тезисы своего выступления, выучил их буквально наизусть, а затем уничтожил, как это и было положено по правилам конспирации.

Наступило воскресенье 31 мая.

Вместе с группой товарищей я отправился на реку Татьянку, где находился Коровий остров. На этот раз мы прихватили с собой гитару, футбольный мяч, всякую еду и для пущей конспирации огромный самовар.

Игры отложили на конец маевки и, углубившись в лес, сразу же начали собрание.

Что скрывать, я, конечно, волновался, но как только услышал свой голос, мигом успокоился. Я говорил о том, что буржуазия одурачивает рабочий класс, уверяя его, что война ведется ради защиты отечества. Это, подчеркнул я, грубая ложь. Все воюющие страны — и Россия, и Англия, и Франция, и Германия — не уступают друг другу в грабежах, насилиях, захватах новых земель. Буржуазия ведет войну, чтобы получить больше прибылей, отвлечь внимание рабочих своих стран от борьбы за свои права. «Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг...» Так словами В. И. Ленина я закончил свое выступление. От имени Самарского комитета большевиков призвал собравшихся приступить к активной агитации против войны, шире распространять издаваемые партией листовки среди солдат местного гарнизона.

Мой оппонент меньшевик Рамишвили на наше собрание не явился.

После доклада все принялись пить чай, быстро опустошив весь самовар и съев все, что привезли с собой. Затем стали хором петь революционные песни.

На другой день мне сообщили, что я избран в новый состав Самарского комитета большевиков. В его состав вошли также Михаил Хрынин, Александр Климович, Илья Решетько, Николай Панов.

Новый подпольный комитет провел ряд нелегальных пропагандистских собраний. Одно из них — 7 июня происходило все там же, на Коровьем острове. На этом собрании были представители эсеров и меньшевиков. Я снова выступил с докладом и предложил эсерам и меньшевикам вместе с большевиками выступить против войны. Однако наше предложение меньшевики и эсеры, конечно, отклонили.

Арест

В тот год я готовился к экзаменам на аттестат зрелости. Сдал я экзамены успешно, получил аттестат и тотчас послал заявление в Московский университет с просьбой зачислить меня студентом на юридический факультет. Именно этот факультет мне посоветовали избрать мои партийные учителя. Они говорили, что знание общественных наук — истории, философии, права — помогает большевикам лучше вести работу в подполье и среди рабочих. Профессия юриста облегчит возможность устроиться на работу в легальных организациях — страховых кассах, профсоюзах и других.

Планы у меня были самые радужные, я был полон надежд. Меня

ждала учеба в одном из лучших учебных заведений страны, а Миша Хрынин обещал мне дать надежные явки к подпольщикам Москвы.

Без всякого сожаления снял я гимназическую форму и купил студенческую — такие же, как были у дяди Миши, тужурку и фуражку. Безжалостно и с некоторым легкомыслием мы с Всеволодом тут же забросили все учебники. С легким сердцем расстался я со словарем латинского языка Кронберга. Расправились мы с ним особенно жестоко: сели в лодку и отплыли подальше от берега. Там я взял в руки объемистый том, поднял его над головой, произнес торжественным голосом латинскую пословицу: «*Sic transit gloria mundi!*» («Так проходит мирская слава!») и выбросил за борт.

Потом очень сожалел об этом. Наступит время, когда мне понадобится этот замечательный словарь.

Уведомления из университета пришлось ждать довольно долго, и я устроился на временную работу в земскую управу. Кроме этого, чтобы подзаработать еще немного денег, я согласился давать уроки сыну своего начальника по службе. У меня уже был некоторый опыт в репетиторстве. Еще в предпоследнем, седьмом классе я был неожиданно вызван к директору гимназии Александру Ивановичу Павлову.

— Господин Милонов, — весьма официально обратился ко мне директор гимназии, — князь Кугушев просит порекомендовать ему репетитора, чтобы подготовить племянника к поступлению в нашу гимназию. Я решил пригласить вас, как одного из лучших наших учеников.

Я, разумеется, согласился.

Моем учеником стал тринадцатилетний мальчик Митя Цюрупа, племянник жены князя Кугушева и сын будущего народного комиссара продовольствия А. Д. Цюрупы. Митя оказался способным учеником, и мы успешно занимались с ним математикой, а также русским языком и латынью. Сам князь Вячеслав Александрович Кугушев был незаурядной личностью, интересной и самобытной фигурой в истории нашей революции.

Потомок старинного княжеского рода, он владел огромными земельными угодьями, был богат. Несмотря на это, в конце прошлого века князь Кугушев вошел в самую первую в России марксистскую группу, которой руководил болгарин Дмитрий Благоев. За эту свою деятельность князь Кугушев несколько лет находился в ссылке, и, как я узнал позже, Вячеслав Александрович, оставаясь беспартийным, оказывал большую помощь большевистской партии и В. И. Ленину.

Не всегда мне везло на таких способных учеников, каким был Митя Цюрупа. Сын моего начальника в земстве оказался малоспособным и схватил переэкзаменовку по русскому языку. Мне пришлось его натаскивать.

Я направлялся на очередной урок, когда ко мне вплотную подошел городской и повелительно шепнул:

— Следуйте за мной, молодой человек!

Я не сразу понял, чего хочет от меня этот городской, и удивленно взглянул на него. В этот миг я заметил человека, похожего на приказчика бакалейной лавки, который, кивнув головой, указал на меня. Как из-под земли рядом оказался извозчик. Городской предложил мне сесть в пролетку. Лошади повезли меня в сторону жандармского управления.

На допросе

При аресте я чувствовал себя абсолютно спокойным. Меня тревожило лишь то, что в кармане моей студенческой тужурки лежал конспект очередного занятия с молодыми рабочими из профсоюза «Игла». Я осторожно сунул руку в карман, скомкал небольшой, сложенный вчетверо листок, затем, делая вид, что мне очень хочется чихнуть, прикрыл рот рукой и сунул в него смятый конспект. Пока меня везли на допрос, я успел незаметно его разжевать и проглотить.

В жандармское управление я был доставлен около семи часов вечера. Городской приказал мне войти в небольшую, довольно грязную комнату и передал там жандарму. Тот запер комнату и ушел, оставив меня одного. Я мог теперь спокойно обдумать, как вести себя на допросе, припоминая наставления старших товарищей.

Приблизительно за месяц до моего ареста в Самару приехал Владимир Николаевич Максимовский, один из редакторов московской большевистской газеты «Наш путь». Как и «Правда» в Петербурге, она была закрыта в первый же день войны. Мы с Владимиром Николаевичем вскоре близко познакомились, и я связал его с партийным комитетом города Самары.

Однажды, когда мы с ним беседовали у меня дома, Владимир Николаевич дал мне на случай возможного ареста немало полезных советов.

— На допросе, — сказал он, — надо решительно и упорно отрицать даже самые очевидные факты, ни в коем случае не называть имена знакомых, места встреч. Учтите, что все сведения жандармы получают от провокаторов или шпиков. Поэтому, если вы потребуете очной ставки или вызова свидетелей в суд, жандармы никогда на это не пойдут. Они не согласятся выдать своих осведомителей и поэтому доказать ничего не смогут.

Я вспомнил совет Владимира Николаевича, готовясь к первому допросу.

Было уже два часа ночи, когда жандармский полковник Познанский вызвал меня к себе в кабинет. В кресле с резной высокой спинкой сидел холеный, средних лет мужчина в безукоризненно сшитом офицерском мундире. Его густые, тщательно причесанные волосы блестели, как хорошо навощенный паркетный пол. Он держал в руках линейку из слоновой кости и нервно поигрывал ею.

— Прошу, господин Милонов! — сказал он, указывая мне на стул. — Уверяю вас, молодой человек, что мне очень неприятно беседовать с вами в этом официальном месте. Вы, я знаю, интеллигентный, начитанный юноша, и мне бы доставило больше удовольствия беседовать с вами в другой обстановке.

Начав допрос в таком тоне, полковник Познанский хотел, видимо, расположить меня к себе и сделать более разговорчивым. Заметив, однако, что его красноречие и тон не производят никакого впечатления, он жестко и официально спросил:

— Где и когда вы вступили в противоправительственную организацию, именуемую Российской социал-демократической рабочей партией? Кого вы можете назвать из участников?

— Вы, господин полковник, вероятно, меня с кем-то путаете, — последовал мой ответ. — Я ни в какой организации не состою.

— Между тем нам известно как раз обратное, — сказал полковник Познанский. — Вы, конечно, можете не верить моим словам, но признаюсь вам, что в юности я тоже был увлечен революционными идеями. Будучи армейским офицером, я пережил осаду Порт-Артура, а затем был свидетелем разгула русской черни в девятьсот пятом году. Ах, как это ужасно!

Я смотрел в упор на жандармского полковника, не проронив ни слова. Его терпение заметно иссякало.

— Подумайте, господин Милонов, — сказал Познанский, и в голосе его послышалась угроза, — стоит ли вам упорствовать? Назовите два, три имени, и вы — студент Московского университета...

Он сделал паузу, откинулся на спинку кресла, стал ждать.

Ничего не дождавшись, Познанский повторил:

— Где и когда вы вступили в РСДРП?

— Вы глубоко ошибаетесь, — ответил я, не моргнув глазом. — Ни к какой противоправительственной организации я не принадлежу.

Допрос стал напоминать игру в «кошки-мышки».

Познанский понял, что эта игра ни к чему не приведет, и решил смутить меня бесспорными уликами. Не торопясь и не спуская с меня глаз, он открыл лежавшую на столе папку и, доставая оттуда одну бумагу за другой, стал читать:

— «В прошлое воскресенье на берегу реки Татьянки, у второй

лесной караулки, состоялось собрание приблизительно около сорока человек мужчин и женщин».

Познанский сделал паузу и посмотрел на меня.

Я слушал с равнодушным видом; полковник стал продолжать чтение.

— «Собрание было организовано под видом экскурсии членов профессионального союза «Игла», но на нем были люди всех промышленных предприятий. Истинная цель собрания,— тут Познанский усилил свой голос и особенно отчетливо прочитал,— обменяться мыслями по восстановлению расстроенной последними арестами местной подпольной социал-демократической большевистской организации и возобновлению подпольной деятельности, направленной главным образом против войны...»

Далее полковник Познанский прочитал о том, что говорил «неизвестный, предполагаемый из центра...».

«Видимо, у страха и впрямь глаза велики»,— подумал я. Этим «неизвестным из центра» был я, рядовой подпольщик. На осведомителя, наверное, произвел внушительное впечатление мой доклад, в котором я добросовестно изложил мысли В. И. Ленина.

Познанский читал всё новые и новые донесения своих агентов. Они точно указывали дни, часы и места, где проводились нелегальные массовки, называли имена людей, которые бывали там. У меня создалось впечатление, что сам начальник самарского жандармского управления полковник Познанский был лично среди нас на реке Татьянке, на Коровьем острове...

— К вашему огорчению,— продолжал Познанский и внимательно посмотрел мне в глаза,— нам удалось выяснить личность этого «неизвестного из центра». Им оказались вы, «товарищ Юрий»,— так, кажется, вас называют ваши друзья-подпольщики?

• «Ему и это известно»,— подумал я, но ответил с невинной улыбкой:

— Вас ввели в заблуждение. Прочитать вы можете что угодно, но это ничего не доказывает. Вы укажите мне человека, который доносил вам, устройте с ним очную ставку...

Познанский не удостоил меня ответом. А я со скрытым волнением думал: найдет ли жандарм при обыске у меня дома то заветное место на черной лестнице, где хранятся запрещенные книги, которые всего лишь две недели до ареста я небольшими пачками перенес от Миши Хрынина?

Через час вернулся жандарм, выложил на стол перед полковником небольшой пакет. И у меня сразу отлегло от сердца. Я понял, что во время обыска жандармы не обнаружили моего тайника, книги были на месте.

Познанский взял в руки пакет, развернул его и стал внимательно рассматривать содержимое. Затем он показал мне тетрадь, которую я без труда узнал. В ней было мое гимназическое сочинение

об отмене крепостного права. В конце его стояла жирная пятерка и замечание учителя Александра Николаевича Архангельского о том, что «автор находится под влиянием определенного направления мысли».

Предъявив мне, наконец, мою записную книжку с выдержками из вводной части программы партии, полковник Познанский злобно спросил:

— Вы и теперь будете отрицать свою принадлежность к большевикам?

— Конечно! — уверенно ответил я. — Вы, господин полковник, сами отлично понимаете, насколько все это несерьезно. Вы держите в руках сочинение гимназиста шестого класса, написать которое может любой начитанный юноша. Что же касается цитат в блокноте, то они выписаны из книги профессора Железнова «Курс политической экономии», доступной любому. Она стоит на открытой полке в Александровской публичной библиотеке. Готовясь к поступлению в университет, я должен был прочитать труды этого уважаемого профессора... Если вы проверите мой библиотечный формуляр, то найдете там эту книгу рядом со многими другими.

— Напрасно вы упорствуете, господин Милонов, — оборвал меня полковник. — Улики, как видите, налицо! Сообщаю, что ваши деяния караются статьей 102-й «Уложения о наказаниях». Это грозит вам каторжными работами сроком до девяти лет. Уверен, что ваши товарищи будут благоразумнее и откровеннее, — с досадой заметил полковник Познанский и, нажав кнопку звонка, вызвал уже знакомого мне жандарма. — Увести! — грозно приказал он.

В одиночной камере

Ранным утром, когда Самара еще спала непробудным сном, жандарм доставил меня в губернскую тюрьму. Мы ехали по тихим, безлюдным улицам, залитым июльским солнцем, и я мысленно прощался с ними.

Тюрьма, куда меня доставили, была построена по образцу печально знаменитых петербургских «Крестов», о которых мне рассказывали сосланные в Самару товарищи, до этого побывавшие там.

Я был водворен в одиночную камеру, которая находилась на пятом этаже.

— К окну не подходи, — строго сказал сопровождавший меня стражник. — Запрещено!

Он вышел из камеры и большим ключом запер за собой дверь.

Как описать чувство человека, впервые оказавшегося в каменном

мешке? Я, конечно, знал, что рано или поздно тюрьмы мне не миновать. Обидно было, что случилось это так рано, что еще мало успел сделать...

Стараясь отвлечь себя от грустных дум, я принялся внимательно осматривать камеру. Она была небольшой, имела всего семь шагов в длину и четыре в ширину. К одной стене кронштейном был прикреплен столик, к другой — откидная кровать. Сейчас она была заперта на замок, ибо днем заключенным лежать на постели не разрешалось. На стене висела полка, на которой стояла разная посуда: кувшин, миска, тарелка, большая кружка, солонка и деревянная ложка. Я подошел к полке и принялся разглядывать посуду, которой до меня пользовался уже не один заключенный. Мне захотелось обнаружить какой-нибудь след от них.

Взяв в руки деревянную ложку, я увидел на ней вырезанные квадратом буквы русского алфавита, неслучайно, видимо, расположенные в таком порядке:

А Б В Г Д
Е Ж З И К
Л М Н О П
Р С Т У Ф
Х Ц Ч Ш Щ
Ы Ю Я.

Не могло быть сомнения, что передо мною тюремная азбука. Я вспомнил рассказы товарищей, не раз сидевших в тюрьмах, что эта азбука была изобретена декабристом К. Ф. Рылеевым в Петропавловской крепости.

Наконец я почувствовал сильную усталость. Сказалось напряжение, испытанное с момента ареста, и бессонная ночь.

Но кровать была еще на замке, и я уселся возле столика. Все мои мысли были теперь о товарищах и друзьях. Мне вспомнилось одно событие, происшедшее незадолго до начала выпускных экзаменов на аттестат зрелости.

Однажды на большой перемене я был вызван к директору гимназии. Войдя в хорошо уже знакомый мне кабинет, я увидел большой конверт, который тот нервно вертел в своих руках.

«Как ваше имя, господин Милонов?» — спросил меня директор.

Вопрос несколько озадачил меня: ведь он и без того хорошо знал, как меня зовут.

«Юрий», — промолвил я.

«Моего сына тоже зовут Юрием...» — как-то отрешенно проговорил он.

Директор тяжело вздохнул, думая, очевидно, о чем-то своем. Вдруг, словно очнувшись, он привычным резким голосом сказал:

«Нехорошие у вас знакомства, господин Милонов...»

Я не понимал и даже не догадывался, о чем он говорит, и продолжал молчать, пока не получил приказание удалиться. И вот только теперь, оказавшись в одиночной камере, до меня дошло, что имел в виду директор гимназии. Его сын, Юрий Павлов, в то время был уже арестован. В конверте, который директор вертел в своих руках, очевидно, находился запрос обо мне жандармского управления. «Значит,— подумал я,— даже и у такого холодного чиновника, каким был директор нашей гимназии, душа не совсем окаменела... Может быть, ему стало жаль меня? Возможно, он хотел предупредить?»

Больше всего мне не давала покоя мысль о том, что к нам в организацию проник провокатор. В донесениях, которые зачитывал мне на допросе жандармский полковник, кто-то весьма точно информировал охранку о наших сходках. Я перебирал в уме каждого, кто бывал с нами, и понял, как это страшно — подозревать кого-либо из товарищей в измене или в предательстве. Поэтому я тут же оборвал свои размышления.

Только после Февральской революции из опубликованного списка провокаторов мне удалось узнать имя предателя и прочитать его донесения: им оказался участник наших маевек — трамвайщик Иванов.

На другой день меня вывели на прогулку. Там, в тюремном дворике, я увидел своих друзей и соратников по подполью: Илью Решетько, Мишу Хрынина, Александра Климовича, с которыми мы еще совсем недавно договаривались о встрече.

Так вот где мы встретились! Чувства радости и горечи одновременно охватили меня.

На прогулке я увидел также и Михаила Александровича Розенштейна, арестованного еще в канун Первого мая.

Неплохо поработала самарская охранка! Почти весь подпольный городской комитет большевиков находился в тюрьме. Несколько дней спустя среди нас оказался и Владимир Николаевич Максимовский.

Прогулки доставляли нам много удовольствия, но не только тем, что удавалось подышать свежим воздухом. Пока нас собирали, чтобы под конвоем вывести в тюремный двор, мы ухитрялись тихонько поговорить друг с другом. Да и во время самой прогулки, шагая друг за другом по кругу с интервалом в пять шагов, мы, не обращая внимания на окрики надзирателя, успевали переброситься несколькими словами, обменяться новостями. Именно на прогулке я узнал, что, кроме уже упомянутых товарищей, были арестованы и другие подпольщики: Я. Т. Парфенов, Н. С. Курочкин, А. А. Булышкин, И. Я. Кузьмин, Н. Ф. Панов и Н. М. Шверник, тогда рабочий Трубочного завода, с которым я незадолго до ареста впервые познакомился

на массовке. За недостатком улик Шверник был вскоре отпущен на волю.

В Самарской тюрьме имелась неплохая библиотека. Заключенные имели право один раз в неделю выписывать книги. Я решил использовать время и пополнить свое образование, заняться серьезным изучением политэкономии.

Однажды в бане один из товарищей сказал мне, что в библиотеке под обложкой «Сочинения Н. А. Добролюбова» переплетен «Капитал» Маркса. На другой день я выписал эту книгу. Под обложкой и в самом деле оказалось то, что мне нужно было. Я тут же углубился в чтение, а для конспирации положил на стол книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки». В камеру неожиданно вошел тюремный надзиратель. Увидев у меня на столе труд Богданова, он спросил:

— Про что написано в этой книжке?

— Это учебник по экономике,— ответил я.

— Так, так,— добродушно заметил тюремщик.— Хочешь, стало быть, учиться на эконома?.. Похвально. Очень похвально...

За все время пребывания в тюрьме мне один раз удалось повидаться с братом Костей, который вместе с мамой пришел ко мне на свидание.

Несмотря на то что при первом обыске жандарм не нашел у меня нелегальную литературу, меня все же беспокоило, как бы при повторном обыске жандармы не обнаружили мой тайник с запрещенными книгами. Поэтому я обрадовался приходу Кости. Мы с ним знали особую, никому не понятную «пальцевую» азбуку, которую сами придумали, будучи еще мальчишками. Тогда мы всей семьей жили в одной комнате и по воскресеньям, когда отец укладывался днем отдыхать, я и Костя, чтобы не разбудить его, объяснялись между собой на пальцах.

Во время свидания в тюрьме я на пальцах попросил Костю прятать мою литературу в более безопасное место. Костя меня понял и пообещал сделать все, как надо.

Вернувшись домой, он завернул мои книги в клеенку и закопал где-то за городом под приметным кленом.

Пока я сидел в тюрьме, меня ни разу не вызывали на допрос, не устроили очной ставки, не было и суда. Лишь на исходе четвертого месяца я был доставлен к начальнику тюрьмы.

Вынув из сейфа официальный документ, он прочитал мне определение Министерства внутренних дел, которое гласило: «Подчинить Милонова Юрия Константиновича гласному полицейскому надзору и выслать его сроком на два года в город по избранному им месту жительства, кроме столиц, городов Самарской губернии и прифронтовой полосы».

Такое же определение получил и Миша Хрынин.

Владимир Николаевич Максимовский, узнав на прогулке о таком,

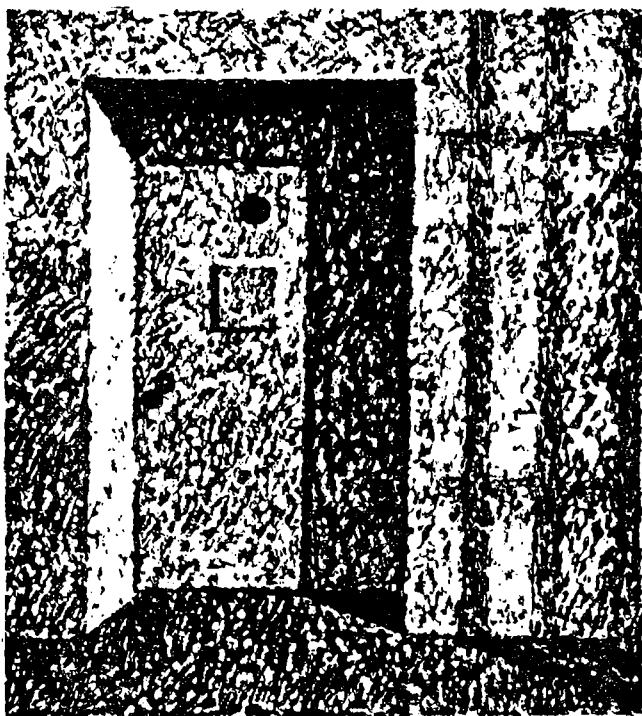
сравнительно мягком для меня приговоре, посоветовал выбрать город Саратов.

— Там сейчас живет Михаил Степанович Ольминский. У него многому можно научиться. Увидите Михаила Степановича,— добавил Максимовский,— передайте ему от меня поклон.

В Саратов нам было разрешено ехать по проходному свидетельству, на свой счет.

Перед отправкой в ссылку мне удалось одну ночь провести дома. Но сделать это я смог втайне от отца. Дело в том, что у моего отца, как я уже говорил, человека вспыльчивого и неуживчивого, характер со временем стал еще тяжелее. Его поступок, совершенный в далекой молодости и за который он понес тяжелое наказание, был продиктован всего лишь возмущением против унижения его человеческого достоинства. Вообще же он был далек от политики, его мало волновали интересы общественной жизни. Духовно мы никогда не были близки. В глазах отца я с ранней юности был непокорным сыном. Он полусерьезно называл меня «карбонарием», что по-русски означает «бунтовщик». Отец не разделял моих политических взглядов, а после ареста он, как тогда говорили, проклял меня.

Несколькими годами позже от него ушла и мама.

Часть IV

Вечером в клубе "Маяк"
Новые товарищи
"Замерка"
"Не нужно ни щипков, ни сѣз
мертвецам..."
Такая призрачной сновидностью
В богатой обработке
Смущай паря, товарищи!"
"Неудачные переговоры
Секреты Виктора бабушкина
Штукки ходят по пятам
Снова за решеткой
Короткие дни свободы
"Жилое озеро"

Ветеран в клубе „Маяк“

Пасмурным октябрьским вечером вместе с Мишей Хрыниным мы ступили на перрон Саратовского вокзала. Там было шумно, суматошно; на узлах, тюках и чемоданах сидели женщины с детьми, старики и старухи, беженцы из западных областей России, захваченных немцами.

Не успели мы выйти из вагона, как вдруг к нам подошли двое юношей в студенческих тужурках.

— Здравствуйте, товарищи,— приветливо обратились они к нам.— Мы дежурные, встречаем прибывающих студентов...

И тут припомнилось, как мне кто-то рассказывал, что в Саратов, второй — после Казани — университетский город на Волге, эвакуированы киевские высшие учебные заведения.

Увидев на мне студенческую фуражку, юноши, вероятно, и нас с Мишей приняли за эвакуированных студентов.

— В чем вы нуждаетесь, товарищи? Чем вам помочь? — обратились к нам студенты.

Мы поблагодарили за внимание, сказали, что ни в чем не нуждаемся, и направились в город.

У Миши Хрынина имелась явка к одному портному, большевику Смирнову. Без труда мы разыскали маленькую улочку, в стороне от центра города, вошли в длинный двор, где и нашли нужного нам человека.

Товарищ Смирнов встретил нас тепло, по-братски.

— Располагайтесь, друзья! — радушно приглашал он, усаживая нас за стол.— Сейчас пообедаем, а потом я сведу вас в «Маяк». Там сегодня должны быть интересные люди...

Он достал из печи чугунок наваристых горячих щей, разлил по тарелкам, нарезал большими ломтями ржаной хлеб, и мы с аппетитом принялись за еду. До этого мы целые сутки не ели ничего горячего.

Когда мы пообедали, товарищ Смирнов тоном, не допускающим возражения, сказал:

— Стало быть, поступим так: вы будете жить у меня, пока не найдете что-нибудь лучше. А сейчас давайте отправимся в «Маяк».

На Царицынской улице Саратова находилось небольшое одноэтажное здание. В нем и разместился клуб «Маяк», созданный за три года до нашего приезда «Обществом внешкольного образования», в которое входили многие представители интеллигенции города. Цель общества, как указывалось в его уставе, была исключительно просветительской.

— Смотрите, чтобы политикой там и не пахло! — сурово предупреждал губернатор, подписывая устав «Маяка».

Членом общества мог быть каждый, кому исполнилось восемнадцать лет, кроме студентов и военных.

В «Маяк», однако, в первую очередь потянулась, в обход уставу, именно молодежь. Едва сдерживая улыбки, студенты, вступая в «Маяк», регистрировались сапожниками, переплетчиками, печатниками. Курсистки записывались портнихами или белошвейками, придумывали несуществующие адреса, называли вымышленные фамилии.

Активно работали в «Маяке» и большевики, сумев завоевать симпатию рабочих и учащейся молодежи. В клубе регулярно устраивались лекции по общеобразовательным предметам, в нем имелась хорошая библиотека-читальня. Там можно было, не вызывая подозрения, встретиться с нужными товарищами.

Когда мы с Мишей Хрыниным в первый раз пришли в «Маяк», там не было ни лекции, ни доклада. В большой комнате, под висячей лампой, сидело несколько человек. Они пили чай из большущего самовара, который тихо, по-домашнему уютно посвистывал. Каждый сам себе наливал кипяток и заварку, брал сахар, саратовский калач, опустив предварительно в тарелку деньги — серебряные или медные монетки, сам при необходимости отсчитывал сдачу.

Товарищ Смирнов познакомил нас с заместителем председателя правления клуба Платоновым. Это был светловолосый человек лет сорока, с невыразительным лицом и холодными, словно стеклянными глазами. На его указательном пальце блеснул толстый золотой перстень с выгравированной монограммой. Платонов пристально осмотрел нас с ног до головы, как бы желая запомнить наши лица. Затем, получив вступительные взносы, выдал каждому по членскому билету клуба «Маяк».

Пристальный, холодный взгляд и сугубо официальная манера Платонова разговаривать с новичками нам, откровенно говоря, не понравилась. В этом человеке было что-то наигранное и неискреннее.

— Что, не по душе пришелся? — заметив выражение моего лица, спросил товарищ Смирнов.

Я пожал плечами и, не торопясь, ответил:

— Честно говоря, не понравился мне этот человек... Непонятный какой-то...

— Верно подметил! Он и для нас птица пока неясная. Заявляет себя «социал-революционером», а у самого обувной магазин на базаре... Ладно! — махнул рукой товарищ Смирнов. — Пошли к своим, они сегодня собираются в читалке...

Новые товарищи

В читальном зале, за круглым столом, покрытом зеленым сукном, сидело человек десять. Товарищ Смирнов, представляя нас, рассказал, кто мы и откуда.

— Одним словом, наши ребята, свои,— улыбаясь, добавил он напоследок.

В тот вечер мы познакомились почти со всеми видными саратовскими большевиками. Среди них был Владимир Павлович Антонов, принявший после революции фамилию Антонов-Саратовский. Владимиру Павловичу было тогда немногим более тридцати лет, но каштановая густая борода делала его на вид значительно старше. Работал он помощником присяжного поверенного. Товарищ Антонов был старым подпольщиком, в партию вступил еще в 1902 году. В Саратове, ко времени нашего знакомства, Владимир Павлович являлся одним из руководителей подпольного комитета большевиков.

Рядом с Владимиром Павловичем за столом в тот вечер сидел молодой человек с энергичным лицом, карими светящимися глазами и острой бородкой. Он имел крупную спортивную фигуру, его манера говорить отличалась живостью и словно магнит притягивала к себе каждого, кто с ним общался. Это был Георгий Ипполитович Ломов-Оппоков.

Позже саратовские товарищи рассказывали мне об удивительной жизни «Жоржа» — это была партийная кличка товарища Ломова-Оппокова. В партию большевиков он вступил в 1903 году, когда учился в последнем классе гимназии. Дом его отца, управляющего Саратовским отделением Государственного банка, стал надежной явкой саратовских подпольщиков-большевиков.

Георгий Ипполитович был участником революции 1905 года, возглавлял одну из боевых дружин Саратова, руководил нелегальными кружками рабочих, организовал забастовку мукомолов города. Обладая незаурядными журналистскими способностями, Жорж, еще будучи гимназистом, стал издавать юношеский журнал «Жизнь и школа». Он сам нашел средства, типографию, редактора. Саратовская молодежь буквально зачитывалась этим журналом; особенный интерес вызывали статьи неизвестного автора, который подписывался загадочным твердым знаком: «Ъ».

Ко времени нашего знакомства товарищ Ломов-Оппоков уже закончил юридический факультет Петербургского университета, был известным партийным работником с большим опытом. Делегатом от саратовских большевиков участвовал в работе V Лондонского съезда РСДРП. Он уже успел побывать в ссылке в городе Архангельске, сидел в московской Таганской тюрьме. Товарищ Ломов-

Оппоков вел революционную подпольную работу в Петербурге, Иваново-Вознесенске, а теперь в родном городе Саратове. Забегая вперед, скажу, что в дни октябрьских боев в Москве Георгий Ипполитович активно боролся там за установление Советской власти, в первом Советском правительстве был народным комиссаром юстиции.

В том же клубе «Маяк» я познакомился с Владимиром Павловичем Милютиным и Петром Александровичем Лебедевым, также членами партии. Вместе с ними в Саратове работало много моих сверстников: бывший киевский студент Зарницын-Зирка, симпатичный грузин, конторщик Тамаз Камалов, студент саратовского технического училища Сергей Уралов, портной Георгий Курулов, петербургский слесарь, однофамилец моего самарского учителя Миша Розенштейн. В Саратове находились тогда и такие большевики, как С. И. Мицкевич и М. И. Васильев-Южин, вступившие в партию в первые годы ее возникновения. Одним словом, в Саратове работала сильная когорта революционеров-большевиков. Они многому научили меня, содействовали моему идейному росту и партийной закалке.

Товарищи пригласили нас занять место за круглым столом и принять участие в общей беседе. Разговор шел о том, что саратовская судебная палата закрыла орган большевиков «Нашу газету». Она издавалась в Саратове М. С. Ольминским, С. И. Мицкевичем, В. П. Милютиным, В. П. Антоновым и другими товарищами. Первый номер «Нашей газеты» вышел в августе 1915 года, и это было отрадным событием не только для Саратова. Впервые после начала войны появилась большевистская газета, которая живо откликалась на все вопросы, которые волновали рабочих и передовую интеллигенцию. Она правдиво освещала ход войны и фактическое положение на фронте, отличаясь этим от буржуазных газет. Просуществовала «Наша газета» недолго, всего два месяца и две недели, но добрая слава о ней успела разнестись по всей стране.

Рабочие тридцати пяти городов России читали «Нашу газету» — ее доставляли в Иркутск и Орел, в Москву и Питер, в Баку и Гельсингфорс, в Ташкент и Петрозаводск.

И вот теперь саратовские товарищи обсуждали, как быть дальше. Добиваться отмены постановления судебной палаты — дело безнадежное, это понимали все сидевшие за столом. Было тяжело и грустно. После горячих речей все вдруг замолчали. В наступившей гнетущей паузе неожиданно раздался голос большевика, кондитера Скорникова. Он встал и прочитал стихотворение, посвященное «Нашей газете»:

Хотя немного погостила
Она в приволжских городах,
Но луч надежды заронила
В рабочих пламенных сердцах.

И этот светлый луч надежды
В сердцах рабочих не умрет,
Назад идут одни невежды,—
Волгарь всегда идет вперед!

Грустное настроение как рукой сняло. Все оживились, заговорили хором:

— Здорово!

— Кто сочинил эти стихи?

— Написал это стихотворение поэт-правдист Иван Логинов,— сказал товарищ Скорников.— Оно напечатано в рабочем журнале «Текстильщик».

— «Назад идут одни невежды,— волгарь всегда идет вперед!» — повторил последнюю строчку Владимир Павлович Антонов.— Прекрасно сказано, друзья! Так пусть это станет нашим девизом! Не будем унывать. Правительство закрыло «Нашу газету», но заставить нас замолчать оно не может... Мы уже готовим издание сборника, который назовем «Под старым знаменем».

Я подошел к Антонову и сообщил, что привез привет товарищу Ольминскому от В. Н. Максимовского и попросил познакомить меня с Михаилом Степановичем.

— Он сейчас болен,— ответил Владимир Павлович,— но думаю, что скоро вы сможете повидать его.

„Газетка“

Михаил Степанович Ольминский жил в центре Саратова, на Камышинской улице в доме своей сестры Людмилы Степановны, которая была женой большевика Андрея Матвеевича Лежавы. Я без труда нашел туда дорогу. Меня встретили очень радушно и тепло. Вся семья Михаила Степановича в момент моего появления оказалась в сборе и как раз обедала. Меня попросили без всяких церемоний сесть к столу. С первой минуты я почувствовал себя так, будто давно знал этих удивительно приветливых и симпатичных людей.

Михаилу Степановичу тогда уже перевалило за пятьдесят, но выглядел он молодо и был очень красив. Бросались в глаза его белые как лунь волосы, окладистая и такая же белая борода. Живые карие глаза излучали искреннее радушие и доброту, были зоркими и проницательными. Я, разумеется, волновался и робел, когда шел на встречу с человеком, чье имя в кругах революционеров-большевиков уже было овеяно истинной легендой. Да и сам я проникся к

нему глубоким уважением после того, как прочитал его книгу «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России».

В кабинете Михаила Степановича стоял большой письменный стол, заваленный горами исписанных страниц, книгами, справочниками и словарями. Михаил Степанович, видимо, работал над какой-то новой статьей. Он усадил меня и попросил подробно рассказать о себе. Внимательно, не прерывая, слушал он мою «исповедь». Она оказалась не очень длинной, не изобиловала приключениями и драматическими событиями, но была правильно понята Михаилом Степановичем.

— Да, каждый приходит в революцию своим путем,— сказал он, выслушав меня до конца.— Мой путь был не из легких.

И стал рассказывать о себе.

Сын мелкого чиновника, Михаил Степанович, будучи еще гимназистом, видел, что кругом царит несправедливость и гнет. А как сделать жизнь лучше? Как изменить установившийся порядок? Юношу сперва увлекла деятельность героев «Народной воли», их готовность жертвовать собой, их бесстрашие. В этом было что-то романтическое, возвышающее душу, заманчивое. Понадобились годы суровых испытаний в тюрьмах и ссылках, прежде чем Михаил Степанович нашел правильный ответ на вопросы, которые ставила перед ним жизнь. Он связывает свою судьбу с революционной борьбой рабочего класса, становится ее решительным сторонником и одним из ближайших соратников В. И. Ленина.

— А что вы делали в тюрьме? — поинтересовался Ольминский.

— Изучал политическую экономию,— ответил я.

— Отлично! В тюрьме самое главное не «убить» время, а прожить его с пользой для себя,— как опытный, бывалый старший товарищ, заметил Михаил Степанович. И в подтверждение своих слов рассказал о своем трехлетнем заключении в Петербургской тюрьме «Кресты». Именно там, в одиночной камере, он впервые начал заниматься литературным трудом.

М. С. Ольминский стал блестящим партийным публицистом и литератором. Он подписывался разными псевдонимами, однако самым любимым из них был «Галерка». История этого псевдонима такова. Как-то во время горячей дискуссии меньшевик Мартов презрительно назвал рабочих, которые шли за большевиками, «галеркой». Михаилу Степановичу это очень понравилось, он ухватился за эту кличку и с достоинством ответил Мартову:

— Да, мы действительно всегда с теми, кто в театрах восседает не в партере и дорогостоящих ложах бельэтажа, а с пролетариями, с теми, кому по карману лишь билет на галерку...

Впоследствии М. С. Ольминский стал крупным ученым-литературоведом, одним из первых исследователей творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина. Интерес к этому писателю был не случаен. Произведения великого русского сатирика оказывали огромное влияние на рево-

люционно настроенную молодежь. Творчеством Салтыкова-Щедрина М. С. Ольминский начал заниматься еще в ранней молодости.

...Михаил Степанович взял в руки рукопись, лежавшую у него на столе, и, показывая мне, сказал:

— Сейчас я работаю над словарем Салтыкова-Щедрина... Поистине обширен и народен словарный запас этого великого писателя!

После первого визита квартира М. С. Ольминского стала для меня вторым «Маяком». Тут иногда собирался партийный комитет Саратова.

*„Ке кунно ни шенов,
ни емаз меривецаи...“*

Я не успел еще как следует включиться в дела саратовских подпольщиков, как произошло печальное событие, взбудоражившее всю демократическую общественность города. В больнице для бедных умер депутат Второй Государственной думы социал-демократ Б. П. Ломтатидзе. Весть об этом разнеслась по всему Саратову и опечалила всех передовых людей.

Думский депутат Б. П. Ломтатидзе был арестован летом 1906 года и приговорен за революционную деятельность к восьми годам каторжных работ. На каторге он заболел туберкулезом. Тяжело больной Б. П. Ломтатидзе продолжал отбывать свой срок до конца, а затем его выслали под надзор полиции в Саратов. Тюрма, тяжелая каторга и неизлечимая болезнь безвременно свели в могилу человека, мужественно боровшегося за свободу народа. Он умер, так и не увидав свою любимую Грузию.

Городские власти по ходатайству думских меньшевиков торопились поскорее, без шума отправить останки умершего в Тифлис. Однако подпольный комитет саратовских большевиков решил отдать последний долг политкаторжанину и превратить проводы Ломтатидзе в политическую демонстрацию.

Подпольщики собрались поздним вечером в «Маяке», чтобы выработать подробный план действий. Продумывались и обсуждались все подробности, вплоть до текста надписи на траурной ленте венка из еловых веток. Мы не должны были дать полиции ни малейшего повода для срыва торжественных проводов.

На черной траурной ленте было предложено написать первую строку из известной тогда песни, которую всегда пели на похоронах революционеров: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

— Нет, друзья, этого делать нельзя,— сказал Михаил Степано-

вич.— Полиция немедленно сорвет ленту, а то и запретит шествие за гробом...

Тогда была предложена такая надпись: «Дорогому другу от товарищей по борьбе».

— И это не годится,— сказал Михаил Степанович.— Надо придумать такую надпись, которая, призывая к борьбе, в то же время не дразнила бы городские власти. Давайте напишем так: «Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам!» Это строки стихотворения Л. Пальмина; их знает передовая общественность — студенты и рабочие. А тот, кому эти строки окажутся незнакомыми, обязательно захочет узнать, откуда они, и прочтет все стихотворение.

Ранним морозным утром у больницы собралась большая толпа народа. Мелькали рабочие куртки, студенческие шинели, было много девушек-курсисток. У входа больницы озабоченно ходил взад и вперед Владимир Павлович Антонов. Ему было поручено руководить траурной процессией. Прибыл к больнице и наряд полиции. Полицейский чиновник осматривал каждый венок, а шагавший вслед за ним рядовой чин бесцеремонно срывал все красные ленты. Но вот чиновник подошел к венку с черной муаровой лентой, прочитал надпись, которую предложил Михаил Степанович, и равнодушно прошел мимо.

— И чтобы никаких речей! — предупредил он Антонова.— Пение также запрещается!

В скорбной тишине рабочие и студенты вынесли на своих руках гроб с телом Б. П. Ломтатидзе, и траурная процессия в глубоком молчании двинулась к вокзалу.

Первыми за гробом идут большевики, среди которых выделяется величественная обнаженная голова Михаила Степановича Ольминского. Холодный ветер играет его белыми волосами, падают первые снежинки. Они тают на лицах и словно слезы стекают по щекам. Рядом с Ольминским идет Сергей Иванович Мицкевич, немного сутулясь и глубоко спрятав руки в карманы. На лице его глубокая скорбь. Тут же Владимир Павлович Антонов и Георгий Ипполитович Ломов. С выражением глубокой печали на лицах молча шагают М. И. Васильев-Южин, В. П. Милютин, П. А. Лебедев.

Мы, те, кто помоложе, взяли за руки и образовали живую цепь, охраняя траурную процессию, растянувшуюся во всю длину Московской улицы. В пути к провожающим присоединялись все новые толпы народа.

Возле городской тюрьмы процессия остановилась. К железным решеткам на окнах прильнули бледные, изнуренные лица узников.

В морозном воздухе раздается громкий голос Владимира Павловича Антонова.

— Товарищи! Сегодня мы провожаем в последний путь замученного царскими палачами борца за свободу народа. Он пал в этой борьбе, но мы продолжим его дело... Держитесь, друзья! — обра-

щается он к узникам, уцепившимся руками за прутья решеток.— Революция не за горами! Восставший народ освободит вас!

К Антонову на коне подъехал полицмейстер.

— Немедленно замолчите! — кричит он.— В противном случае я сейчас же прикажу разогнать всех.

Оратор умолк, и процессия двинулась дальше. И в этот миг сквозь решетки тюрьмы донеслось пение. Вначале тихое, оно становилось все громче и сильнее. Заключенные пели торжественно-скорбную песню:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу.
Вы отдали всё, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу!

— Песню заключенных подхватила вся пятитысячная толпа, шедшая за гробом Ломтатидзе. Она звучала как горячий боевой призыв к продолжению борьбы.

Полицейские засуетились, они врывались в толпу, хватая и уводя одного, то другого поющего, рабочего или студента, а песня все продолжала греметь в морозном воздухе. Прибывшие на подмогу полицейским казаки начали разгонять процессию, но им это не удалось, народ держался сплоченно, крепко сжимая ряды, продолжая двигаться к вокзалу.

Гроб и венки поставили в товарный вагон, и тут, откуда ни возьмись, появился невысокий толстый человек в дорогом пальто с бобровым воротником. Он оказался депутатом Государственной думы, меньшевиком Чхенкели, которого в толпе провожавших не было. Не снимая своих замшевых перчаток, он обнажил голову и, указывая на гроб, начал свою речь:

— Господа, здесь лежит герой... Как горный орел, он бился с врагами и был ими замучен.

— Назови мучителей! — раздался голос из толпы.

Чхенкели смешался, вытер платком лоб и быстро ретировался. Как было ранее намечено, теперь надо было выступить мне. Стоя у гроба, я обратился к провожавшим и сказал:

— Товарищи, нам известно еще одно преступление правительства. Пять депутатов думы, пять представителей народа, отправлены в Сибирь за то, что они протестовали против ненавистной народу войны...

Жандармы свистками пытались заглушить мои слова и принялись очищать перрон от народа. На привокзальной площади казаки нагайками разгоняли пришедших проводить в последний путь старого революционера.

— Опричники! Подлецы! Кровопийцы! — кричали люди в лицо царским прислужникам.

Тайка прибавочной стоимости

Однажды в клубе «Маяк» Владимир Павлович Антонов подошел ко мне и сказал:
— Хочу передать вам, Юрий, свой кружок железнодорожников. Ребята там замечательные: умные, любознательные. Думаю, вам с ними будет интересно.
Занятие кружка состоялось на той же неделе.

Собрались все его участники — рабочие саратовских железнодорожных мастерских. Среди них выделялись своей активностью Володя Погонялин, Александр Тимофеев, Василий Букин, Иван Смирнов, Виктор Бабушкин. Виктор был единственным, с кем я познакомился несколько раньше, в клубе «Маяк». Помню, что уже при первом знакомстве я обратил внимание на то, какое у него умное лицо и удивительно грустные глаза.

Жизнь Виктора Бабушкина сложилась трудно. В семилетнем возрасте он остался без отца, которого в литейном цехе залило раскаленным чугуном. Год спустя холера унесла мать, сестру и братьев. Оставшись круглым сиротой, восьмилетний Виктор в поисках заработка отправился на угольные шахты, потом устроился «мальчиком» на пароходе, пробовал свои силы на нефтяных вышках в Баку, и вот теперь он работал слесарем в саратовских железнодорожных мастерских. Рано научившись читать, Виктор полюбил книги, стал проявлять интерес к политике, но разбирался в ней плохо.

Я пригласил Виктора к себе домой, и мы проговорили с ним всю ночь напролет. Расстались лишь утром, когда надо было спешить на работу — Виктору в мастерские, а мне в больничную кассу печатников, где я работал тогда секретарем. Устроил меня туда В. П. Антонов.

С той памятной ночи мы с Виктором крепко подружились. И вот теперь он стал моим учеником в подпольном кружке, где мы изучали статьи В. И. Ленина, печатавшиеся в газете «Социал-демократ». Постепенно кругозор моих учеников расширялся, и наконец настал день, когда можно было приступить к чтению и разбору основного труда К. Маркса «Капитал». Большой интерес молодых рабочих вызвал раздел о прибавочной стоимости. До сих пор помню удивленное и одновременно радостное выражение лица Виктора, когда на одном из занятий он самостоятельно подсчитал, во что на самом деле обходится его труд, сколько за него получает он лично и какую долю выколачивают для себя хозяева мастерской. То же можно сказать и о других рабочих.

Занятия в кружке приносили мне большое удовлетворение. Они давали ощутимую пользу не только кружковцам, но мне самому. Наглядней становилось, что я не только учу рабочих, но и сам мно-

гому учусь у них. Я все больше понимал тесную связь марксизма с подлинной жизнью рабочего класса. Интерес кружковцев к учению Маркса объяснялся тем, что оно верно отвечало их интересам, думам и чаяниям. Самые трудные теоретические проблемы они усваивали легко и быстро, им помогал в этом их опыт жизни. После каждого занятия мы расходились с чувством душевного подъема.

На занятиях рабочие рассказывали мне о своей жизни, о работе в мастерской и настроении рабочих. А оно менялось с каждым днем.

В железнодорожные мастерские рабочие обычно приходили еще совсем мальчишками-учениками, здесь же они старились и умирали. На работу в мастерские принимали только родственников тех, кто уже там работал, или по знакомству, ублажив предварительно мастера взяткой. По сравнению с другими предприятиями рабочие железнодорожных мастерских получали неплохую зарплату, многие из них могли построить себе собственный небольшой домик, обзавестись хозяйством. Поэтому они крепко держались за свое место.

Но вот разразилась война, и конца ей не видно было. С каждым днем жизнь становилась тяжелее, и недовольство, а то и открытый ропот стали слышны и среди крановщиков, слесарей, смазчиков железнодорожных мастерских.

— Как ты считаешь,— спросил я однажды Виктора,— рабочие готовы объявить забастовку?

— Наверное, готовы,— не совсем уверенно ответил он.

— Дело это серьезное, и к нему надо подготовиться как следует,— предупредил я Виктора.

Он подумал, что-то прикинул в уме и сказал уже более решительно:

— Все будет хорошо, если не помешают меньшевики...

О настроениях рабочих железнодорожных мастерских и о своем разговоре с Виктором я поставил в известность Владимира Павловича Антонова. Он одобрил наш замысел.

В богатом особняке

Мы собрались в особняке известного саратовского адвоката Скворцова, который еще по университету был знаком с В. П. Антоновым и Г. И. Ломовым.

Скворцов, в память прошлого, нередко оказывал своим бывшим однокашникам необходимую помощь. Вот и на этот раз он дал отпуск прислуге, спровадил куда-то семью и предоставил в распоряжение подпольного комитета свой особняк.

Мы обсуждали вопрос о начале забастовки рабочих железнодорожных мастерских. В тот же вечер собравшиеся ознакомились

с текстами листовки, призывавшей рабочих к борьбе за свои права, за повышение заработной платы и немедленное прекращение войны. Листовку по поручению подпольного комитета написал С. И. Мицкевич.

Сергей Иванович Мицкевич, так же как и Михаил Степанович Ольминский, был одним из деятелей большевистской партии, которые начали вести борьбу с царизмом в конце прошлого века.

В шестнадцать лет, следуя своим убеждениям, он отказался от карьеры гвардейского офицера, оставил кадетский корпус, в котором учился, и самостоятельно подготовился к поступлению на медицинский факультет Московского университета. Свою врачебную деятельность Сергей Иванович начал, будучи сосланным в далекую и холодную Якутию, в городе Среднеколымске, где жили якуты — коренное население этих мест.

В лютые морозы, в снежную пургу доктор Мицкевич объезжал на собачьих упряжках селения местных жителей и оказывал им медицинскую помощь. Сосланный в далекий и холодный край, врач-большевик добился того, что в Среднеколымске построили первую для якутов больницу.

В тот вечер подпольный комитет принял решение начать забастовку 9 января и тем самым отметить одиннадцатую годовщину Кровавого воскресенья. Однако, измученные сверхурочной работой, обозленные ростом цен на продукты, рабочие железнодорожных мастерских бросили работу за три дня до намеченной нами даты.

Спускай пары, товарищи!

Виктор Бабушкин очень ярко и образно рассказал мне, как все это началось.

Удар тяжелой кувалдой о подъемный кран призывным набатом прокатился по всем цехам. Вслед за этим Виктор крикнул во весь голос:

— На канаву, товарищи! — и помчался дальше в литейный цех, где когда-то трагически погиб его отец.

— Бросайте работу! Бастуем!.. — кричал он.

В сборном цеху, где стояли под монтажом паровозы, член нашего кружка Володя Погоянин взобрался на площадку подъемного крана и скомандовал:

— Спускай пары, товарищи!

Рабочие толпой устремились к выходу. Подойдя к токарному цеху, они на мгновение остановились: токари как ни в чем не бывало продолжали стоять у станков, вытачивая болванки для снарядов. Они работали на войну, и им хорошо платили.

— Продажные шкуры! — закричали на них те, кто решил бастовать.

— Штрейкбрехеры!

— Мы с вами, товарищи! — вдруг послышался голос молодого токаря, тут же остановившего свой станок.

Вслед за ним стали останавливать станки и другие.

Все бастующие двинулись к зданию администрации.

— Требуем начальника! — заявили они. — Хотим поговорить с ним.

Долго ожидали бастующие, но никто из администраторов к ним не вышел.

Назавтра бастующие все же добились своего: к ним вышел начальник мастерских инженер Сундич. В тот день я был в мастерской и наблюдал, как происходила эта встреча.

Уловив настроение рабочих, Сундич попытался их как-то успокоить.

— Я получил ваши требования, — сказал он. — Смеем вас заверить, что они будут внимательно рассмотрены правлением дороги. А пока прошу вас приступить к работе. В этот трудный для России час, — с дрожью в голосе продолжал инженер Сундич, — когда на полях сражений льется кровь...

— Кровь льется, да не господская, — прервали его речь забастовщики.

— Да что слушать его! — кричали из толпы.

Поднялся шум, раздались свист и возгласы возмущения.

На подъемный кран опять взобрался Володя Погонялин, и народ смолк.

— Товарищи, — сказал он, обращаясь к бастующим, — нечего нам слушать сладкие речи. Выходите на канаву, там мы сами обсудим свои дела...

Когда забастовщики собрались у канавы, я взобрался на высокую насыпь, чтобы меня было лучше слышно, и сказал, волнуясь:

— Товарищи! Вот уже около двух лет длится ненужная и ненавистная рабочим война. Она принесла народу много бедствий, горя и страданий...

— Верно! Истинная правда! — послышались возгласы бастующих.

— Пришло время спросить у властей, — продолжал я, — за что проливают кровь и жертвуют жизнью наши товарищи? Мы должны потребовать немедленно покончить с войной, прекратить ненужное кровопролитие!

И тут я увидел, что к насыпи приближаются городовые. Я указал на них Виктору.

— Беги! — сказал он мне. — Мы их задержим...

Я быстро спрыгнул с насыпи и скрылся в толпе.

Неудачные переговоры

Меньшевики-оборонцы решили прекратить забастовку до 9 января. Узнав об этом, мы сделали попытку переубедить их и договориться действовать единым фронтом. Виктор Бабушкин и я пошли в дом к одному из руководителей меньшевиков, где как раз собралось все их бюро. Встретили они нас, разумеется, недружелюбно.

— Пусть один из вас выйдет, — предложили нам меньшевики. — А то, может, вы шпика на хвосте привели...

— Как вы смеее?! — вспыхнул Виктор.

Я крепко схватил его за руку:

— Не горячись, друг. Мы пришли для серьезного разговора. Оставь меня одного... Мы потолкуем.

Виктор вышел.

Оставшись один на один с меньшевиками, я начал убеждать их в том, что нельзя прекратить забастовку рабочих железнодорожных мастерских в канун 9 января.

— Одиннадцать лет назад, — напомнил я собравшимся, — в этот день царь расстрелял мирную демонстрацию рабочих Питера. Каждый год пролетарии России отмечают 9 января политическими забастовками и стачками. Неужели вы забыли об этом?

— А вы, как видно, забыли, что сейчас идет война! — ответили мне мои собеседники.

— Нынче каждый день и час пруссаки убивают русских... В такую годину народ и правительство должны быть едины, — вмешался в разговор человек с нафабренными усами, которого я сразу и не заметил. — Впрочем, вам, большевикам, этого не понять, — продолжал он.

— Это ложь! — прервал я его. — Да, наша партия выступает против войны, против царя, за поражение правительства. Но царь — это не Россия. Правительство помещиков и капиталистов — это не народ.

Поняв, что с меньшевиками не договориться, я демонстративно покинул меньшевистское бюро по срыву рабочей забастовки.

На дворе, совсем окован от холода, терпеливо ждал мой верный друг Виктор. Он ни о чем не расспрашивал, угадав по выражению моего лица, что наша миссия окончилась неудачей.

Молчаливые и мрачные, с каким-то нехорошим предчувствием на душе мы возвращались домой.

Наступил третий день забастовки.

Рабочие, как и раньше, толпой собрались у проходной, где накануне было вывешено следующее объявление:

ОСОБЫЙ КОМИТЕТ ПО ОХРАНЕ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ, ЧТО ВСЕ НЕЯВИВШИЕСЯ НА РАБОТУ БУДУТ УВОЛЕННЫ ОТ СЛУЖБЫ, И ОБЪЯВЛЯЕТ, ЧТО НА ОСНОВАНИИ «ПОЛОЖЕНИЯ 2-ГО СТАТЬИ 12 «ВЫСОЧАЙШЕГО УКАЗА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА» ОТ 14 ДЕКАБРЯ 1905 ГОДА УВОЛЕННЫЕ ОТ СЛУЖБЫ БУДУТ ПРЕДАНЫ СУДУ ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ.

Что было делать?

Возможно, забастовку можно было бы продолжить до 9 января — годовщины Кровавого воскресенья — и этим выразить протест против продолжающейся войны и политики царского правительства. Но меньшевики сыграли в забастовке предательскую роль. Им удалось расколоть рабочих, и некоторые из них, запуганные приказом администрации, приступили к работе.

Пришлось забастовку прекратить...

Все же она прошла не бесследно. Как стало потом известно из архивных документов, полковник жандармского управления доносил департаменту полиции, что «среди железнодорожных рабочих станции Саратов вновь началось брожение на почве неудовлетворения их прибавочным жалованьем, причем высказывалась необходимость прекращения работы до нового увеличения расценок...»

Рабочие добились своего: после забастовки правление железной дороги было вынуждено прибавить им жалованье.

Секреты Виктора Бабушкина

После забастовки мы с Виктором стали еще дружнее, понимали друг друга с полуслова. Мне казалось, что между мною и Виктором нет никаких секретов. Я был единственным, кому он поведал о своей горячей любви к милой девушке, гимназистке выпускного класса Анне Пытиной, с которой он однажды познакомился в «Маяке».

Оказалось, что я ошибся. У Виктора имелись секреты, которые он скрывал даже от меня.

Весенним днем, войдя в дом, где жил мой друг, я неожиданно услышал еще в сенях, как кто-то старательно играет на скрипке «Меланхолическую песню» Чайковского. Тихонько приоткрыв дверь, я увидел стоящего спиной ко мне Виктора, который упоенно водил смычком по струнам. Мгновенно обернувшись и увидев меня, он густо покраснел и быстро спрятал скрипку за спину.

— Ты чего испугался? — спросил я.

Виктор, смутившись, стал оправдываться:

— Знаешь, Юрий, никак не могу бросить это. Я понимаю, что

настоящий революционер-большевик должен полностью принадлежать революции... А я вот иногда играю на скрипке.

Я громко рассмеялся.

— Ну и дурень же ты,— сказал я уже серьезно.— Кто тебе вдолбил в голову, что революционер не должен любить искусство, музыку, театр, живопись, поэзию? Неужели ты не понимаешь, что революционеры ведут борьбу не только за хлеб и свободу, но и за то, чтобы в обществе, которое мы построим, трудовому народу стали доступны все достижения культуры, творения великих мастеров искусства. Сыграй мне лучше еще что-нибудь...

Виктор взял в руки смычок, и его маленькая комнатка наполнилась чудесной мелодией «Жаворонка» Глинки. Я с удовольствием слушал игру Виктора, но каково же было мое изумление, когда оказалось, что он не знал ни одной ноты. Виктор все играл исключительно по слуху.

С тех пор при каждой встрече мы говорили с Виктором об искусстве и литературе. Выяснилось, что в живописи он разбирается плохо, ни разу не был в городском художественном музее имени А. Н. Радищева, который горожане называли «Саратовской Третьяковкой». Саратовский художественный музей был основан известным русским художником А. П. Боголюбовым, внуком А. Н. Радищева. В нем были собраны работы многих замечательных русских живописцев: Репина, Сурикова, Васнецова, тогда еще молодых талантливых художников Коровина, Кустодиева, Габаря.

В первое свободное воскресенье мы с Виктором отправились в этот музей. Осмотрев его, спустились к речному откосу, где находился неприметный на вид одноэтажный бревенчатый домик.

— Знаешь, кто жил в нем? — спросил я.

— Нет,— ответил Виктор.

— Николай Гаврилович Чернышевский... Писатель и великий революционер.

Шпики ходили по полям

Подпольный комитет направил меня, Мишу Хрынина и Тамаза Камалова, с которым я был знаком еще по «Маяку», на механический завод «Беренга». Мы должны были выступить там и разъяснить рабочим, почему им не надо участвовать в военно-промышленных комитетах.

Что же это были за комитеты, против которых выступали большевики? Они создавались буржуазией, чтобы помочь правительству снабжать армию оружием и снаряжением, а себя обеспечить сверхприбыльными военными заказами. Желая показать, что

в стране царит якобы мир и спокойствие, что и пролетариат поддерживает войну, буржуазия включала в эти военно-промышленные комитеты также представителей от рабочих. Меньшевики-оборонцы призывали пролетариат участвовать в выборах комитетов. Большевики считали такую позицию изменой интернационализму, но решили использовать выборную кампанию для агитации против войны.

Саратовские большевики наметили своих кандидатов в состав избирательной комиссии по выборам в военно-промышленные комитеты, в которую наряду с другими был включен и я. Собрание рабочих проголосовало за этот состав, и на первом же заседании комиссии я был избран ее секретарем.

Одно из первых собраний мы созвали на заводе «Беренга». Мне было поручено сделать доклад, в котором следовало разъяснить политику большевиков. Затем выступил с речью Миша Хрынин, но как только он стал говорить об аресте думской фракции большевиков, пристав, который присутствовал на собрании, тут же оборвал его речь. Тогда немедленно взял слово Тамаз Камалов. Со всей силой своего грузинского темперамента он говорил против войны и царского правительства.

— Прекратить собрание! — приказал пристав. — А этого оратора арестовать, — и указал городовому на Тамаза.

Ночью был арестован Миша Хрынин.

С Мишей Хрыниным мы увиделись только после победы Октябрьской революции; наша дружба возобновилась и продолжалась до конца его дней.

Меня же арестовали несколько позже и уже по другому поводу.

Приближалась весна. Волга, освободившись от льда, шумела и бурлила. У пристани стояли свежевыкрашенные суда, и на их стройных мачтах трепетали на ветру флажки. Лодочники на берегу смолили перевернутые днищами вверх лодки, конопатили баржи.

Владельцы судов любили давать им красивые имена: «Фиалка», «Сирень», «Тюльпан». На борту одной маленькой лодочки я однажды увидел старательно выведенное название: «Красавица». Рядом с ней качалась на волнах привязанная к причалу лодка под названием «Не ругай меня, мама».

За неделю до Первого мая все товарищи, высланные из разных городов в Саратов, собрались, чтобы обсудить важный вопрос: как отметить международный праздник трудящихся? Тут были и мои знакомые еще по Самаре девушки — Мария Тихомирова и Мария Сапожникова, а также высланный из Киева Яша Воробьев. Радостной была для меня встреча с Ильей Решетько. Еще недавно мы вместе сидели в Самарской тюрьме. По истечении срока он был направлен в свой родной город — Полтаву. Там его должны были призвать в армию и отправить на фронт. По дороге он сошел с поезда и поехал в Саратов, где, как ему было известно, уже находились Миша Хрынин и я.

По случаю Первого мая мы решили отпечатать и распространить листовки против войны, призвать рабочих к однодневной забастовке. Марии Тихомировой поручили сшить красное знамя.

— Встречаемся в восемь часов вечера на пристани! — условились мы и разошлись.

На пристань мы пришли, чтобы проводить в сибирскую ссылку Владимира Павловича Антонова и Георгия Ипполитовича Ломова-Оппокова.

Власти не простили им организации проводов умершего Ломтатидзе, которые они превратили в политическую демонстрацию.

Подходя к пристани, я увидел их на верхней палубе. Владимир Павлович теребил черный шнурок пенсне, Георгий Ипполитович то и дело проводил рукой по своим густым, подстриженным «ежику» волосам.

По трапу поднялась Аня Пытина, в которую был влюблен Виктор Бабушкин. Красная от смущения, она преподнесла Георгию Ипполитовичу, руководителю молодежного марксистского кружка, букетик ландышей. Тронутый вниманием, Георгий Ипполитович нежно обнял девушку. Аня не удержалась и горько заплакала.

На пристани собралось много народу.

Раздался гудок парохода. Вслед за ним послышался голос Владимира Павловича Антонова. Подойдя к самому краю палубы, он обратился к собравшимся и сказал на прощание, что власти надеются ссылками в Сибирь и тюрьмами запугать большевиков.

— Напрасные надежды! — заключил свою речь Владимир Павлович. — На смену выбывшим из строя становятся новые, молодые силы, полные решимости и отваги продолжать наше дело!

Капитан поспешил дать второй гудок. Родственники отъезжающих стали спускаться с палубы парохода.

— Мы вернемся! — продолжал Владимир Павлович. — Не пройдет и года, как мы будем вместе с вами!

Снова в полную мощь загудел гудок парохода, но он не сумел заглушить напутственных слов провожавших.

— Прощайте, товарищи! — кричали мы хором. — Будьте крепки духом! Мы не забудем вас!..

Пароход раньше времени начал отчаливать.

Провожающие запели:

Вы жертвою пали в борьбе роковой...

— Замолчать! — приказал околоточный, стоявший рядом со мной.

— Не мешайте! — ответил я. — А то мигом за бортом очутитесь! Околоточный сперва опешил, а затем принялся неистово свистеть, призывая на помощь городских.

Арест казался неминуемым, надо было быстро уходить. Хорошо

зная все ходы и выходы на речной пристани, мне на этот раз удалось скрыться.

В Саратов я был выслан под надзор полиции, и поэтому местные власти не спускали с меня глаз. В последнее время приходилось особенно часто замечать за собой «хвост» и придумывать всякие способы водить за нос приставленных шпиков. Иногда мне доставляло даже удовольствие дразнить их. Заметив подозрительного субъекта, который шел за мной следом, я быстро доходил до угла и делал неожиданный резкий поворот, глядя туда, откуда шел. Шпик, чтобы не потерять меня из виду, тут же перебежал на другую сторону улицы и этим выдавал себя.

Изучив все проходные дворы в городе, я часто пользовался ими, чтобы ускользнуть от преследования. Ноги у меня были молодые, и они легко уносили меня от преследования шпика.

После проводов наших руководителей я не ночевал дома, а на другой день, утром, направился в студенческую столовую, чтобы встретиться там с товарищами и договориться о новой маевке.

Почти у самой столовой меня арестовали...

Снова за решеткой

В Саратовской тюрьме режим был более строгий, чем в Самарской. На прогулку меня водили отдельно от всех. Стоя у забранного решеткой тюремного окошка одиночной камеры, я подолгу смотрел на полосу голубого неба, по которому проплывали облака. Они как бы не давали забыть, что за толстыми тюремными стенами продолжается жизнь.

Однажды мои думы нарушил скрип ключа открываемой двери.

— Выходи,— приказал дежурный надзиратель и, несколько помедлив, добавил: — На свидание...

В мрачной комнате, разделенной на две части железными решетками, я увидел маму.

— Здравствуй, Юра,— сказала она, изо всех сил скрывая свое волнение.— Ты здоров?— спросила ровным, спокойным голосом, когда я приблизился к решетке.

Я хорошо понимал, как нелегко дается ей это внешнее спокойствие.

— Когда ты приехала, мама? Как ты узнала о моем аресте?

— Из газеты «Русское слово»,— ответила она.— Я тут же села в поезд и приехала в Саратов.

— Как ты живешь? Что с Костей? Мне хочется знать о вас все,— не прекращал я свои расспросы.

— О нас тревожиться не надо,— отвечала мама.— Я работаю, Костя заканчивает гимназию. Он собирается стать врачом и уже подал заявление на медицинский факультет здешнего, Саратовского университета. Не знаю, придется ли вам увидаться. Костя приедет сюда осенью, тебя, наверное, здесь уже не будет...

О многом хотелось мне узнать от мамы, но время неумолимо быстро истекло. Я ничего не стал ей говорить, зная, что она понимает меня и разделяет мои взгляды.

— Свидание окончено! — раздался равнодушный голос надзирателя.— Прощайтесь.

Маме, я видел, очень не хотелось уходить, но она взяла себя в руки и, помахав мне рукой на прощание, вышла из камеры.

Я всегда высоко ценил и очень любил маму, но теперь она стала мне еще ближе. Я понял, что мама одобряет избранный мною путь.

Вновь оказавшись в камере, я больше не испытывал ни тоски, ни горечи одиночества. Как и после первого ареста, меня мучил вопрос: кто нас предал? А может, это было результатом гласного надзора? Не хотелось подозревать своих товарищей.

Много лет спустя, уже после Февральской революции, в архиве саратовской охраны было обнаружено донесение ее агента, в котором говорилось: «Милонов являлся главным руководителем собрания рабочих 23 апреля за железнодорожным полотном. Он настаивал на демонстративном выступлении рабочих и студентов в день Первого мая... А во время проводов ссыльных вел себя с властями особенно дерзко и вызывающе...»

Два месяца провел я в одиночной камере Саратовской тюрьмы. За это время дела на фронте шли все хуже и хуже. И в армию стали призывать даже политически неблагонадежных. В связи с этим и меня передали в распоряжение начальника военного гарнизона Саратова.

Короткие дни свободы

— С

той! — сказал сопровождавший меня к начальнику гарнизона рядовой армейский солдат, когда мы завернули в пустынный переулок.— Политический? — спросил он с легким кавказским акцентом.

— Да, большевик! — ответил я.

— Тогда беги! Беги, говорю! И не оглядывайся,— грозно приказал он мне.

«Что это? — пронеслось у меня в голове.— Провокация? Выстрелит в спину, а затем напишет в протоколе: «Убит при попытке к бегству...»

Я не сдвинулся с места.

Конвоир был уже немолодым мужчиной со смуглым небритым лицом, которое делали особенно выразительным большие черные глаза.

— Не бойся меня,— сказал он.— Я рабочий человек из Баку. На войну меня не берут, потому что старый, но и домой не отпускают. В Баку у меня жена. Пять джигитов родила мне. Я знаю, вы, большевики, против войны. Я тоже против... Беги, пожалуйста...

— А что будет с тобой? — спросил я.

— Три дня гауптвахты, а зато ты на воле будешь,— продолжал он.— А я в небо стрелять буду. Не бойся, беги, прошу тебя...

— Спасибо, только я не могу воспользоваться твоей добротой,— ответил я.— Большевики нужны и на фронте. Там я получу оружие, буду среди солдат и помогу им разобратся... Понимаешь?

— Но на войне тебя могут убить, такого молодого.

— Авось не убьют,— улыбаясь, говорю я.— Спасибо тебе, дорогой, никогда не забуду тебя... А теперь пойдем...

Когда солдат привел меня к начальнику гарнизона, тот, посмотрев документы, спросил:

— Политический? Большевик?

— Вы угадали,— ответил я.

Лицо его стало пунцовым, на лбу набухли синие вены.

— Да что они там, в жандармском управлении, с ума сошли?! Большевика в армию направляют! Он мне весь гарнизон перепортит! — сказал он, негодуя.

Все же я был направлен на медицинскую комиссию, которая признала меня годным к воинской службе. Но так как я еще смолodu был сильно близорук, то меня зачислили ратником ополчения второго разряда и отпустили на свободу, взяв, однако, подписку, что при мобилизации этой категории военнообязанных я немедленно явлюсь на призывной пункт.

Оказавшись на свободе, я прежде всего встретился с Михаилом Степановичем Ольминским. Он жил теперь на даче и, как всегда, был бодр, жизнерадостен, от свежего воздуха даже помолодел.

О многом переговорили мы с Михаилом Степановичем. Он посоветовал мне воспользоваться свободой и помочь укрепить подпольный комитет. После ссылки В. П. Антонова и Г. И. Ломова-Оппокова в Сибирь, после ареста Миши Хрынина и Тамаза Камалова саратовская подпольная организация сильно поредела. Но за последнее время в Саратове появились новые ссыльные: И. И. Фокин из Питера, известный под кличкой «Игнат», Тимофей Сапронов и Константин Плаксин из Москвы. Мне удалось связаться с ними, и мы стали работать вместе.

На одном собрании, проходившем за железной дорогой, был избран новый подпольный комитет. В него, кроме меня, вошли И. И. Фокин — «Игнат», Яша Воробьев, Тимофей Сапронов, Илья Решетько. В том же месте, но несколько позже мы собрались, чтобы

выделить делегата на Поволжскую конференцию большевиков. Назначенная на осень 1916 года, она должна была укрепить связи партийных организаций Поволжья и рассмотреть ряд важных вопросов.

После нелегального собрания я пришел к себе на квартиру, бросился на кровать и от усталости крепко заснул. Проснувшись утром, увидел в комнате жандармов. Мне был предъявлен ордер на производство обыска и арест независимо от результатов обыска. Короткими оказались для меня дни свободы...

Прошел положенный срок, и мне объявили приговор. Вместо фронта меня ссылали в Тургайскую область сроком на три года.

На этот раз в ссылку я должен был следовать по этапу.

„Гнилое озеро“

Тургайская область находится на юго-западе Казахстана. Среди бескрайних степей, около станции Джаркуль, приютился поселок Федоровка. В нем я должен был провести целых три года.

«Джаркуль» в переводе с казахского языка означает «Гнилое озеро». Неподалеку от станции и в самом деле находилось заросшее тиной озеро.

В поселке Федоровка произошло событие, изменившее мою личную жизнь. Там я женился на молодой девушке, Катюше Дудиной, работнице Тульского патронного завода. Она также была сослана в Тургайскую область за участие в забастовке.

Я устроился на работу счетоводом в сельскохозяйственном ссудо-сберегательном товариществе, через которое зажиточные крестьяне выписывали сельскохозяйственные машины.

Находясь в ссылке, я стал серьезно заниматься математикой, физикой, языками, надеясь когда-нибудь поступить в технический вуз.

В Федоровке я прожил почти около полугода, когда утром первого марта 1917 года ко мне на работу пришел председатель ссудо-сберегательного товарищества Петро Мажуга. Это был немолодой человек, потерявший на фронте ногу и ходивший теперь на костыле. Мажуга иногда навещался ко мне домой, чтобы потолковать о жизни, порассуждать о том, когда кончится эта проклятая война, которая сделала его калекой.

— Выйдите-ка на минуточку! — поманил он меня пальцем, стоя у порога.

Я вышел на крыльцо.

— Слыхали? — шепотом спросил он меня. — В Петрограде, го-

ворят, царя свергли... Мне наш телеграфист сообщил. Просил пока никому не говорить про это...

Вскоре я выехал в Кустанай. Там я узнал, что в стране объявлена политическая амнистия, и все ссыльные могут возвратиться домой. Они получали при этом денежную помощь на дорогу и собирались в Челябинске, где формировались для их отправки специальные эшелоны. Наш эшелон был вторым из тех, которые увозили домой находившихся в ссылке революционеров.

По пути следования на всех станциях царило радостное оживление. На перронах нас приветствовали толпы народа. Были тут и молодежь, и старики, чиновники и купцы, рабочие и ремесленники.

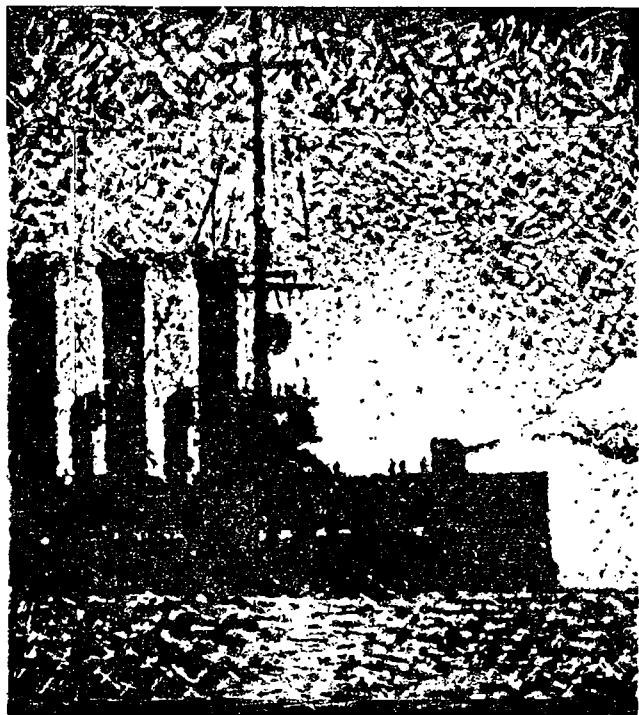
Неподалеку от Самары, на станции Абдулино, я выбежал на перрон и купил у мальчика целую пачку свежих и самых разных газет. Среди них оказалась и самарская буржуазная газетенка «Волжское слово» от 2 марта.

На первой странице бросалось в глаза объявление о новой кинокартине. Тут же газета сообщала о продаже в магазинах копченой и керченской селедки, о том, что кто-то продает дачный участок. И только на второй странице было опубликовано «Воззвание думского комитета и Совета рабочих депутатов Петрограда», которое гласило:

«Граждане! Свершилось великое дело! Старая власть, сгубившая Россию, распалась!»

Об окончании войны, о том, чего ждал народ, газета не обмолвилась ни единым словом.

...Вскоре за окнами вагона показались знакомые домишки пригорода Самары. Еще в дороге я составил себе план: заеду домой, повидаясь с мамой, оставлю в Самаре Катю, которая ждала ребенка, а сам отправлюсь в Питер, в центр революционных событий. Жизнь, однако, внесла свои поправки в мой план. В Самаре развернулись события, которые надолго связали мою судьбу с этим дорогим мне городом.

Часть V

Снова в Самаре
Как я сидел токарем
Доминцевски действующий
Красногвардейцы наводили порядок
В Турьевке и Мемкесее...
Тревожная пора
На пути в Петроград
Транжируем на Выборгскую...
На VI съезде партии
Наше Красное воскресенье
Генерал действующий без сомнений...
В Кеву вошел крейсер "Аврора"
А там временем в Самаре...

Снова в Самаре

На вокзале моим глазам предстала волнующая картина. Тысячи самарцев, главным образом молодежь, встречали революционеров, возвращавшихся из ссылки. Не дав даже ступить на перрон, их подхватывали на руки и несли на привокзальную площадь, где проходил массовый митинг. На улицах Самары пестрели огромные плакаты с политическими лозунгами, на груди почти каждого горожанина красовались алые банты.

Меня на вокзале встретила Маруся Бешенковская и рассказала о том, что происходило в Самаре после Февральской революции.

Об отречении Николая II от престола в городе стало известно 1 марта. На другой день в кинотеатре «Триумф» состоялся общегородской митинг и создан Совет рабочих депутатов. Председателем Совета избрали меньшевика Рамишвили, того самого, который когда-то не явился на нашу массовку за рекой Татьянкой. Через два дня были арестованы губернатор Самары князь Голицын и начальник жандармского управления полковник Познанский.

Первая после свержения самодержавия большая демонстрация в Самаре состоялась 5 марта. Особенно внушительно выглядела колонна рабочих Трубочного завода. Рабочие приветствовали освобожденных из городской тюрьмы политических заключенных.

— В самый разгар демонстрации, — как о каком-то комическом курьезе, сообщала мне Маруся, — на улице среди других показалась колонна самарских купцов, известных буржуев, громко распевавших вместе со всеми «Долго в цепях нас держали, долго нас голод морил...». Вся улица разразилась громким хохотом... В общем, — закончила свой рассказ Маруся, — много пока непонятного... Но прежде всего я познакомлю тебя с товарищем Митрофановым. Он даст тебе поручение.

Встреча с председателем Самарского губернского комитета большевиков Алексеем Христофоровичем Митрофановым произошла в помещении, где до революции находилась одна из наших партийных явок.

У товарища Митрофанова лицо было строгое, в мелких оспенных рябинках. На первый взгляд могло показаться, что он человек угрюмый, нелюдимый. Но такое впечатление было обманчивым — в нем было много искренней задушевности и доброты. Высланный за революционную деятельность, Алексей Христофорович приехал в Самару, когда меня там уже не было, и мы не знали друг друга.

— Значит, так, — сказал председатель губкома, познакомившись со мной, — работать пойдете на Трубочный завод. Там сейчас очень нужны большевистские агитаторы. Вот как нужны! — и Митрофанов выразительно провел рукой по горлу.

Как я стал токарем

Трубочный завод был одним из самых крупных в Самаре и находился на окраине города. Завод был построен в 1911 году немецкой фирмой «Эшер и Вайс», при участии русского инженера Г. С. Соколова. Во время войны он изготовлял дистанционную трубку для артиллерийских снарядов.

При поступлении туда на работу предстояло сдать испытательную «пробу» — выточить на токарном станке стержень спирального сверла. Задача совсем не простая, и я на первых порах растерялся, не зная, как приступить к делу.

— Не робейте, товарищ, — сказал, многозначительно улыбаясь, седоусый мастер, большевик Михаил Егоров, которого я знал еще по подполью. — Помоги ему, Федор, — обратился он к молодому токарю Зубкову. — Это свой человек, очень нужный нам на заводе.

Деталь, выточенная Федором, оказалась отличной, и я был зачислен подручным токаря по металлу. Мне понадобилось всего две недели, чтобы освоить станок и стать токарем.

На Трубочном заводе работало много моих старых знакомых. Я встретился здесь с В. П. Мяги и Н. М. Шверником, избранным председателем заводского комитета, с Георгием Куруловым, которого знал по Саратову. Кроме Феди Зубкова, я подружился еще с тремя молодыми слесарями — Петром Сидельниковым, Федором Суховым и Александром Сиротиним.

Вскоре товарищи избрали меня в партийный комитет завода.

На Трубочном заводе была самая большая в городе большевистская организация, она насчитывала две тысячи членов партии; три четверти большевиков Самары работали на Трубочном заводе. Во время войны положение заметно изменилось: многие большевики, особенно молодые, были призваны в армию, других опытных товарищей арестовали, бросили в тюрьмы или сослали в отдаленные места России. Поредели и ряды кадровых рабочих. На завод стали устраиваться сынки богачей, чтобы получить бронь и таким образом укрыться от военной службы и фронта. Появились на заводе и выходцы из деревни. Состав рабочих на заводе стал неоднородным, в нем сказалась большая прослойка мещан и мелкобуржуазных элементов. Вести среди них политическую работу было теперь трудно, к тому же не хватало опытных пропагандистов, умелых организаторов.

После Февральской революции работа политических партий заметно оживилась, велась открыто. На нашем заводе, кроме большевистской, активно действовали партии меньшевиков и социал-

революционеров (сокращенно их называли эсерами), была также партия анархистов и некоторые другие.

Ежедневно в Самаре теперь происходили митинги и собрания. На них ораторы от каждой партии призывали следовать только за ними, они выдвигали свои программы и лозунги. При невысокой общей культуре и малограмотности людям было трудно разобраться, какая же партия права, кто действительно выражает интересы народа. Многие тогда сочувствовали эсерам, которые на деле отражали интересы лишь зажиточного крестьянства.

Так было и на Трубочном заводе.

Перед большевиками встала трудная задача — разоблачать политику Временного правительства и враждебную народу позицию меньшевиков и эсеров, стоявших за продолжение войны.

Большевики действуют

Первый митинг, на котором мне было поручено выступить с докладом о текущем моменте, состоялся в Аржановском саду. В дни революции он стал удобным местом для митингов и собраний во всем районе, примыкавшем к Трубочному заводу.

Народу на митинг пришло много, мне пришлось взобраться на садовую скамейку и говорить громко, чтобы быть услышанным всеми.

— Мы никогда не доверяли Временному правительству, состоявшему из помещиков, богатых купцов и промышленников. Народу не нужно такое правительство.

— Верно! — поддержали меня из толпы.

Ободренный этим, я продолжал:

— Единственной властью, которая может справиться с поставленными революцией задачами, являются Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Только они положат конец войне, которая нужна капиталистам и таким, как начальник нашего завода, генерал Зыбин. Ради своих барышей, — говорил я, — они заставляют нас работать по одиннадцать часов в сутки, гонят на смерть ваших сыновей и братьев... Мы, большевики, требуем: немедленно покончить с войной, дать землю крестьянам, ввести восьмичасовой рабочий день, установить рабочий контроль над производством!

Едва я закончил говорить, как на скамейку вскочил эсер Цодиков. Красный от гнева, он закричал, обращаясь к рабочим:

— Вы хотите работать только восемь часов в сутки? Прекрасно! Превосходно! А как же ваши сыновья и братья на фронте? Они что

же, должны драться с врагом только восемь часов, а затем на боевую?

Тут Цодиков стал размахивать руками; и казалось, что вот-вот он упадет со скамейки.

— Наши славные воины умирают каждый час, каждую минуту, днем и ночью, утром и вечером! — почти в истерике кричал он. — Смерть неотступно следует за ними по пятам... А мы с вами будем здесь баклуши бить?

Не дав договорить до конца, Цодикова за фалды стаскивает со скамейки мой друг Петр Сидельников и, став на его место, спокойно обращается к собравшимся:

— Верно тут говорил предыдущий оратор, что наши солдаты день и ночь умирают на фронте, кормят вшей в окопах. И мой родной брат убит там, на поле брани. Он был еще молодой, красивый. Да вы все знали его... Вместе работали. И вот я спрашиваю вас: за что убит мой брат? Может, вы мне ответите, господин Цодиков? Сперва нам вбивали в голову, что мы воюем «за веру, царя и отечество». Но теперь даже малые ребята на нашей улице знают, что наших солдат предавали и царь, и царица, и господа министры, и ловкий мошенник Гришка Распутин... До каких же пор нам будут морочить голову? За кого мы должны теперь проливать кровь?

По всему Аржановскому саду эхо повторяет голос Петра Сидельникова. Со всех концов слышны возгласы:

— Долой войну!

— Требуем восьмичасового рабочего дня!

— Вся власть Советам!

Митинг принял резолюцию, в которой поддерживались все наши требования.

Вскоре, несмотря на упорное сопротивление хозяев, на многих предприятиях города был введен восьмичасовой рабочий день. Первым перешел на укороченный рабочий день Трубочный завод.

Авторитет большевиков среди рабочих завода и всей Самары заметно возрос.

В городе образовалась сильная партийная большевистская организация. Губернский комитет партии разместился на Самарской улице, в здании бывшего ресторана «Аквариум». Там были открыты партийная школа, партийный клуб, имевший хорошую библиотеку.

Большевики Самары стали издавать газету «Приволжская правда», которая быстро завоевала популярность среди рабочих.

Спустя месяц после моего возвращения в Самару, 9 апреля, в самом большом кинотеатре города собралась общегородская партийная конференция большевиков.

Настроение у делегатов было радостное, приподнятое. Все поздравляли друг друга с только что полученной радостной вестью. В Петроград после длительной эмиграции вернулся В. И. Ленин.

Алексей Христофорович Митрофанов, открывая конференцию, предложил почтить память товарищей, погибших в царских застенках, на каторге. Склонив головы, все поднялись со своих мест. В зале наступило скорбное молчание.

На конференции был избран новый губернский комитет партии, в состав которого вошел и я. На первом же заседании меня избрали представителем губкома в Совете рабочих депутатов.

В Самару продолжали возвращаться новые товарищи, находившиеся до революции в тюрьмах и ссылках. 17 марта из Туруханской ссылки вернулся товарищ Куйбышев, которого хорошо знали самарские большевики еще по подполью. Он жил тогда в городе под фамилией Адамчик и работал фрезеровщиком в шестой мастерской Трубочного завода.

Я увидел его впервые. Он был молод, красив, ему в то время было тридцать лет.

Валериан Владимирович Куйбышев был избран председателем Самарского Совета рабочих депутатов. Меня тогда же избрали секретарем Совета. Когда некоторое время спустя Совет рабочих и Совет солдатских депутатов объединились, там образовалось крепкое ядро большевиков, куда вошли опытные революционеры, имевшие за плечами хорошую школу подполья, побывавшие в царских тюрьмах и в ссылках. Я имею в виду таких товарищей, как В. П. Мяги, А. П. Галактионов, С. И. Дерябина, Ф. И. Венцек, Е. С. Коган.

Товарищ Куйбышев отличался необыкновенной энергией и был хорошим организатором. Он пользовался глубокой симпатией и большим авторитетом у рабочих Трубочного завода, а также у трудящихся всей Самары.

Красногвардейцы наводили порядок

Был теплый весенний день, когда улицы Самары неожиданно оглушила грубая брань распоясавшихся хулиганов, вопли и крики напуганных обывателей. Начались организованные сторонниками старого режима пьяные погромы. Обычно во главе хулиганов шел какой-нибудь детина, подстрекавший толпу к грабежам и дракам, нападению на мирных жителей. Совет рабочих депутатов, узнав об этих бесчинствах, начал действовать быстро и решительно.

Валериан Владимирович Куйбышев поручил мне привести с Трубочного завода отряд Красной гвардии, который был создан сразу же

после Февральской революции. Тогда рабочие взяли на себя охрану своего предприятия. Отряд насчитывал 1200 человек, и его первым командиром был Петр Сидельников.

— Товарищи! — сказал я, обратившись к красногвардейцам. — Враги революции устроили в городе пьяный погром. Они бесчинствуют на улицах, грабят магазины. Мы должны быстро, решительно положить этому конец и навести в городе революционный порядок.

— Отряд, стройся! — раздался громкий голос Петра Сидельникова. — Шагом марш!

Отряд направился к месту происшествия. У красногвардейцев сверкают штиками новенькие винтовки, на рукавах красные повязки. Рядом со мной во главе отряда шагали мой друг Петр Сидельников, испытанные бойцы Н. А. Вершинин, А. В. Гавриленко, Е. М. Галкин, Ф. Н. Зубков.

Красногвардейцы, быстро усмирив пьяных хулиганов, стали выкатывать из подвалов бочки с вином и выливали его на землю, прикладами винтовок на глазах у всех разбивали бутылки с водкой, коньяком и шампанским. Возле винных лавок и погребов образовались огромные лужи.

Спустя два часа в городе царил полный порядок.

Среди задержанных нами погромщиков главными зачинщиками и подстрекателями оказались бывшие городовые, полицейские и жандармы. Многие из них переоделись в солдатские гимнастерки, чтобы скомпрометировать вернувшихся с фронта.

На очередном заседании Совет рабочих депутатов обсудил происшедшие в Самаре события и постановил: для защиты города создать новые отряды Красной гвардии. Они должны быть организованы на всех предприятиях и стать надежной опорой Совета. Меньшевики и эсеры выступили против этого решения. Но тем не менее запись в отряды Красной гвардии прошла весьма успешно. На заводах, и фабриках, в железнодорожных мастерских рабочие с большим воодушевлением добровольно вступали в ряды Красной гвардии. Не отставали от них и работницы, особенно молодые девушки. Много горьких слез, бывало, проливали мальчишки-подростки, которых по возрасту еще не принимали в отряды.

Помнится случай, о котором рассказал мне начальник Красной гвардии Трубочного завода мой друг Петр Сидельников. Он формировал отряд на Лесопильном заводе. Желавших оказалось так много, что пришлось довольно быстро прекратить запись. В этот момент к нему протолкался невысокий паренек, одетый в длинный, не по размеру, пиджак.

— Дяденька, ты тут самый главный, что ли? — спросил он.

— Допустим, — отвечает ему Петр. — В чем дело?

— Запиши в гвардию...

— Мал ты еще, подрасти немного.

— Как это мал? — возмущается паренек. — Я теперь в семье за старшего. Батьку убили на войне, а мама и сестры не в счет.

— Сколько же тебе лет?

— Семнадцать!

— А если по-честному?

— Шестнадцать!

— Ну, а если совсем по-честному?

— Тринадцать с половиной, но скоро будет четырнадцать. Запиши, пожалуйста.

У Петра не хватило сил отказать, и он взял его в отряд Лесопильного завода.

Вступившие в отряды бойцы Красной гвардии получали оружие и кумачовую повязку, которую положено было носить на левой руке.

Несколько позже при губкоме партии была создана военная организация, председателем которой был избран Александр Александрович Масленников. Я был одним из ее членов. Военная организация была создана для работы среди солдат самарского гарнизона. В это время я встретил бывших офицеров, большевиков П. И. Андронova и Н. А. Тихонравова, моих товарищей по гимназии, с которыми я познакомился на первом занятии нелегального марксистского кружка, руководимого Юрием Павловым. Мы не виделись с начала войны, когда Петр и Николай были мобилизованы на военную службу. Очень радостной и волнующей была наша встреча. В военной организации работали также прапорщики М. Р. Галактионов, С. Я. Тиунов.

Среди большевиков-военных особенно выделялся своим умом и необычайной энергией молодой солдат Василий Блюхер.

Награжденный двумя Георгиевскими крестами за храбрость, тяжело раненный на фронте, Василий Блюхер был направлен городским комитетом партии в 102-й полк, где вел пропаганду среди солдат. Они его уважали, к словам его прислушивались.

После выступления Василия Блюхера на одном из митингов солдаты приняли резолюцию, в которой говорилось: «Мы не отказываемся от того, чтобы отдать свои жизни за дело революции и за интересы пролетариата. Но мы это сделаем с радостным сердцем и гордой уверенностью лишь в том случае, если во главе демократии встанет власть, вышедшая из самых недр ее, власть Советов рабочих и крестьянских депутатов».

После этого митинга, на котором присутствовал и я, мы теснее сошлись с Василием Константиновичем. Он, помню, часто приходил в губком за литературой.

Коренастый, с лучистыми синими глазами, Василий Блюхер был типичным русаком. Каждый раз при встрече с ним я думал: откуда у этого русского парня немецкая фамилия?

Однажды Василий Блюхер, улыбаясь, сказал, перехватив мой взгляд:

- Знаю, о чем вам не терпится спросить у меня.
- О чем же? — прикинулся я ничего не понимающим.
- Откуда у меня немецкая фамилия? Угадал?
- Угадали, — ответил я откровенно.

— Про это все меня спрашивают... А всё от блажи ярославского помещика пошло. Мой прадед, его крепостной, был суворовским солдатом, воевал и против Бонапарта в 1812 году. Домой вернулся после двадцати пяти лет службы. Увидел помещик, что у него вся грудь в медалях, развел руками и говорит:

«Ну, Лаврентий, ты настоящий фельдмаршал Блюхер!»

Блюхером звали немецкого полководца, разбившего Наполеона в битве под Ватерлоо.

С тех пор и стали называть моего прадеда «Блюхер» и никак иначе! От него это перешло на весь наш род: к деду, отцу, а потом и на меня.

Военная организация при губернском комитете партии издавала свою газету «Солдатская правда». Выпускать ее было поручено редколлегии, куда вошли С. Я. Тиунов, А. А. Масленников и я. Работа в «Солдатской правде» сблизила меня с Александром Александровичем Масленниковым, замечательным революционером, прожившим короткую, но яркую жизнь. Он был широко образованным человеком, особенно глубоко изучал труды английского естествоиспытателя Чарлза Дарвина и чешского педагога Яна Амоса Каменского. Александр Александрович превосходно играл на фортепьяно, увлекался математикой и литературой. Любил Гете и Шиллера.

Когда, бывало, в работе встречались трудности, Александр Александрович, подбадривая всех, цитировал известные строки из «Фауста» Гете:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!

В других случаях он напоминал слова Шиллера: «Человек вырастает по мере того, как растут его цели...»

Когда в редакцию приходил Василий Блюхер, Александр Александрович тут же бросал работу, снимал свои большие очки и, смешно прищуриваясь, говорил:

— Здравствуйте, маршал Вперед!

— Почему «маршал Вперед»? — с недоумением спросил Василий Константинович, услышав это в первый раз.

— Так называли нашего знаменитого тезку, фельдмаршала Блюхера, — пояснил Александр Александрович.

Полк, где служил Василий Блюхер, превратился в твердую

опору самарских большевиков. Такой же нашей опорой стал и 133-й пехотный полк, переведенный в начале лета из Тоцких лагерей в Самару. Политическими руководителями полка были большевики — в прошлом уральский рабочий С. Я. Тиунов и бывший студент-астроном С. И. Мельников. Полк прославился тем, что солдаты его отказались выполнять приказ командующего Казанского военного округа доносить на своих товарищей, выступавших против войны.

В Гурьевке и Мелекесе...

Давным-давно, еще во времена крепостного права, в Симбирской губернии широкое распространение получило производство сукна. Местные помещики, используя труд крестьян, создавали суконные фабрики. Их сукна славились на всю Россию, из них шили солдатские шинели. Самыми известными поставщиками такого сукна были фабриканты Виноградов и Кузнецов. За этими тузами шли козыри поменьше, такие, как Арацкий, Шатров, Акчурин, потянувшиеся за большими барышами. В поселке Гурьевка построил суконные фабрики и такая знатная особа, как царский министр Протопопов.

На фабриках работали ткачи самых разных национальностей — русские, татары, чуваша, мордвина. Ловко пользуясь тем, что рабочие говорили на разных языках, хозяева всячески мешали им объединиться и сообща защищать свои права.

Особенно тяжелым был гнет на фабрике, принадлежавшей семье татарских купцов Акчуриных. Ткачи жили в грязных бараках, были обязаны покупать продукты только в местной хозяйской лавке, где те же Акчурины самовольно завышали цены.

В поселке Гурьевка Симбирской губернии, расположенной по соседству с нашей, Самарской, ткачи решили провести свой съезд и обсудить наболевшие дела. Сызранский комитет партии обратился в самарский губком с просьбой направить на этот съезд своего представителя. Послали меня.

Съезд происходил прямо в конторе фабрики. Мне была предоставлена возможность выступить и рассказать о политике Временного правительства. Слушали меня внимательно, одобрительно кивали головами. После доклада суконщики задавали вопросы. Их особенно волновало, как добиться, чтобы фабриканты улучшили условия труда, как заставить их ввести восьмичасовой рабочий день?

Я рассказал гурьевским ткачам об опыте трудящихся Самары, в частности рабочих Трубочного завода, которые в числе первых работали только восемь часов в сутки.

На другой день ткачи Гурьевки свободно и открыто праздновали Первое мая — день солидарности трудящихся во всем мире. Возле конторы Акчуринской фабрики рано утром собралось более 5 тысяч человек. Тут были рабочие Гурьевской, Румянцевской, Измайловской фабрик, а также крестьяне ближайших сел. Радостно было видеть среди пришедших на праздник женщин-работниц. Татарки вплели в свои черные косички алые ленточки, а русские работницы повязали головы кумачовыми косынками. Мужчины несли красные знамена. Рабочие направились к «Дубкам» — молодой роще, посаженной на месте расстрела гурьевских ткачей в 1905 году. Смолкли песни, приспущены знамена, низко склонив головы, рабочие почтили минутой молчания память погибших товарищей.

В этот день рабочие разных национальностей нашли общий язык и впервые поняли, что только в единстве их сила. Хорошо поняли это и хозяева. На фабрике Акчурина без сопротивления был введен восьмичасовой рабочий день.

Из поселка Гурьевка я ненадолго вернулся в Самару, чтобы тут же отправиться в город Мелекесс, бывший тогда одним из промышленных центров Самарской губернии. В Мелекессе находились льно-прядильная и ткацкая фабрики, изготавливались также гранаты для фронта.

Среди рабочих города, как мне сообщили, более ста человек разделяют позицию и взгляды большевиков и хотят создать свою партийную организацию. Надо было им помочь...

В назначенный час я вошел в большой зал народного дома, который был уже переполнен: все первые ряды заняли рабочие, но в конце зала я увидел совсем другую публику. Это были местные торговцы, купцы со своими приказчиками и конторщиками. Нетрудно было заметить, с какой злобой они смотрели на меня, а у многих в руках были толстые палки. Не успел я начать свою речь, как все они, словно по команде, подняли их вверх и стали кричать:

— Долой немецкого шпиона!

На меня двинулась целая орава.

— Осади назад! — послышалось грозное предупреждение рабочих, преградивших дорогу погромщикам.

В зале сразу воцарилась тишина. Все сидевшие на задних скамьях ретировались.

Был уже поздний час, когда я покидал зал. Рабочие, окружив меня плотным кольцом, проводили до самого дома.

На другой день я присутствовал на первом собрании созданной большевистской организации города Мелекесса.

Тревожная пора

Ранным июльским утром домой ко мне прибежал Петр Сидельников. Он был бледен и очень взволнован.

— Что случилось, Петр?

— На, читай! — и он протянул мне выходившую в Самаре буржуазную газету «Волжский день».

Так я узнал о том, что 4 июля 1917 года Временное правительство расстреляло в Петрограде мирную демонстрацию рабочих, солдат и матросов. Вслед за этим вся контрреволюция, в том числе меньшевики и эсеры, обрушила на большевиков и лично на Владимира Ильича Ленина потоки лжи и клеветы.

Для нашей партии началась тяжелая пора.

В клеветническую кампанию против большевиков включилась и самарская буржуазия. Газета «Волжский день», которую принес Петр Сидельников, вышла с заголовком на первой странице: «Ленин и К^о — немецкие шпионы».

Особенно трудно стало работать нам в Совете рабочих и солдатских депутатов. Нашим ораторам не давали возможности выступать, все время мешали, перебивали их на каждом слове. На одном из городских митингов выступала большевичка Е. С. Коган и призвала трудящихся Самары оказать поддержку питерским рабочим. Лидер самарских меньшевиков А. И. Кабцан грубо прервал ее, заявив:

— Не смейте призывать к гражданской войне!

На Троицком базаре наши враги стащили с трибуны заместителя председателя Совета рабочих и солдатских депутатов Алексея Петровича Галактионова. Они чуть было не устроили над ним самосуд, но им помешали оказавшиеся тут рабочие. Реакция обнаглела настолько, что газета «Волжский день» поместила статью прокурора окружного суда, который требовал освободить из-под ареста бывшего начальника жандармского управления Познанского.

В ответ на вражескую клевету наша партия еще более усилила агитацию среди рабочих и солдат. А 18 июля состоялась партийная конференция, избравшая делегатов на VI съезд партии. Ими оказались Евгения Соломоновна Коган и я.

На пути в Петроград

Перед поездкой в Петроград мы побывали в Саратове, где происходила Поволжская партийная конференция большевиков.

В Саратове реакция бесновалась еще более нагло и люто. Заседание Поволжской конференции происходило в здании горкома партии большевиков, а как раз напротив, в помещении Крытого рынка, с утра до вечера шел непрерывный митинг, руководимый эсерами, меньшевиками и кадетами. Там ораторы пытались накалить обстановку до предела, возбуждая самые низменные страсти толпы. С минуты на минуту можно было ожидать погрома и дикой расправы с большевиками. К этому, собственно говоря, и призывали ораторы собравшихся здесь лабазников, торговцев и других постоянных завсегдатаев рынка. В Саратове мы узнали о том, что по дороге из Царицына на пароходе по требованию «чистой» публики были арестованы большевики — В. П. Антонов и С. К. Минин, когда они пытались опровергнуть клевету на В. И. Ленина.

На конференции я встретил своего друга Виктора Бабушкина. Со дня моего последнего ареста и ссылки в Тургайскую область я ничего о нем не знал. Виктор рассказал, что вскоре после моего ареста он был мобилизован в армию и отправлен на фронт. Февральскую революцию встретил в окопах. С войны вернулся в Саратов и теперь работает снова в железнодорожных мастерских, там, где некогда мы с ним организовывали забастовку...

— А «Маяк» наш сейчас совсем заглох,— с грустью сказал Виктор, потом, вдруг оживившись, добавил: — Ты помнишь его вице-председателя, эсера Платонова?

Я кивнул головой.

— Он оказался крупным провокатором.

Сообщение Виктора о Платонове меня ничуть не удивило. Я и раньше считал его подозрительной личностью.

— Не стоит говорить о нем! — махнул я рукой. — Расскажи лучше, где Аня Пытина?

— Здесь, в Саратове... Окончила уже гимназию...

— Все еще любишь?

— Очень,— вздохнув, признался мой друг.— А вот сделать ей предложение пока не решаюсь.

— Смотри, холостяком останешься,— пошутил я.

— А ты-то как?

— Я уже женат... Жду дочку, чтобы назвать ее в честь мамы Антониной.

С Виктором мы снова встретились только спустя три года. Он был уже женат на Анне Пытиной, имел маленького сына Алешку.

Пройдут годы, Виктор Бабушкин станет профессиональным писателем и на титульном листе своей книги «Простые люди», подаренной мне, напишет: «Моему учителю и другу Юрию Константиновичу Милонову, открывшему нам, кружковцам, великую истину о прибавочной стоимости».

В Питер мы ехали через Москву. Воспользовавшись тем, что наш вагон должны были с Казанского вокзала перегнать на Николаевский, чтобы прицепить его к петроградскому составу, мы с Е. С. Коган решили зайти в Московский комитет партии.

Штаб московских большевиков находился тогда в здании гостиницы «Дрезден» на Скобелевской, ныне Советской, площади. Там мы встретили Андрея Сергеевича Бубнова. Он был нам знаком еще по Самаре, где Андрей Сергеевич на несколько дней остановился по дороге из ссылки. Товарищ Бубнов рассказал нам о тревожном положении в городе, о позорных действиях эсеров и меньшевиков.

Затем мы пешком прошли через весь город и, усталые, голодные, пришли на Николаевский вокзал. Состав был уже подан, и на перроне я увидел группу московских делегатов. Среди них выделялась знакомая седая голова Михаила Степановича Ольминского. Рядом с ним, кроме А. С. Бубнова, стоял Георгий Ипполитович Ломов-Оппоков, которого я в последний раз видел на саратовской пристани, когда его отправляли в сибирскую ссылку.

Места наши оказались в разных вагонах, но как только поезд тронулся, мы с Евгенией Соломоновной сразу перебрались к москвичам. За разговорами незаметно прошла короткая летняя ночь. На рассвете, когда наш поезд сделал остановку на станции Бологое, я купил на перроне все петроградские газеты. В них сообщалось, что А. Ф. Керенский стал главой Временного правительства и получил полномочия лично назначать министров своего кабинета.

— Реакция переходит в наступление,— сказал Михаил Степанович Ольминский, просматривая одну газету за другой.

Травим на Выборгскую...

И вот я вновь в Петрограде. Как давно я не был в этом городе, о котором у меня сохранилось столько незабываемых воспоминаний. С волнением вышел я на залитый солнцем Невский проспект. Главная магистраль и гордость столицы походила в эти дни скорее на казарменный плац с марширующими взад и вперед солда-

тами, отрядами юнкеров и конными патрулями. Повсюду на страницах расклеенных газет можно было прочитать наглые угрозы и гнусную клевету в адрес нашей партии и ее вождя.

По улицам сновали подозрительные личности в штатском и заглядывали в лица прохожих. Нетрудно было догадаться, что они ищут Ленина.

Не задерживаясь, сели в трамвай и направились на Выборгскую сторону по одному из двух указанных в газете «Рабочий и солдат» адресу.

Проезжая мимо Инженерного замка, я сквозь чугунную, узорчатую решетку видел, как за оградой проводил военные занятия женский «Батальон смерти». Толстые девицы, одетые в защитного цвета гимнастерки, сшитые не по размеру, никак не могли научиться шагать в ногу, все время сбивались, ломая строй. Смешное зрелище представляло собой это воинство Керенского.

Выборгская сторона выглядела совсем по-другому. Мы словно оказались в другом городе. Здесь было спокойно, и партия чувствовала себя под надежной защитой рабочих крупнейших питерских заводов.

Мы без труда нашли здание районной думы на Сампсониевском проспекте, где шла регистрация делегатов VI съезда партии. Председатель оргкомитета Яков Михайлович Свердлов лично знакомился с каждым прибывшим на съезд большевиком. Он подробно расспрашивал о положении на местах, попутно делал заметки в своей записной книжке. Побеседовал он и с Е. С. Коган и со мной.

Встреча и беседа с Яковом Михайловичем произвела на меня огромное впечатление. Я видел его впервые, но сразу почувствовал в нем незаурядного партийного деятеля, человека неукротимой энергии, большого личного обаяния. Чуть прищуренные глаза смотрели на собеседника сквозь стекла пенсне, а сам он внимательно и чутко прислушивался ко всему, что ему рассказывали. Мягкий красивый басок и первое дружеское рукопожатие располагало к искренности и доверию.

Яков Михайлович не ограничивался знакомством и беседами с делегатами, он заботился об их бытовом устройстве — о питании, ночлеге, лично устраивая каждого на квартиры в семьях рабочих. Меня, например, он направил в семью молодоженов, оказавших мне трогательное внимание. Ни о чем меня не расспрашивая, молодая чета сделала все, чтобы я чувствовал себя у них как дома.

На VI съезде партии

О VI съезде нашей партии написано и рассказано много и достаточно подробно. Я не стану поэтому повторяться, а вспомню лишь отдельные эпизоды и детали, рисующие его атмосферу. Много лет прошло с тех пор, а память хранит каждое мгновение этого исторического события, ставшего предвестником великой нашей победы.

Решение провести съезд партии в момент, когда она подвергалась неслыханной травле и грубому гонению, было само по себе дерзким вызовом реакции и самому Временному правительству.

Утром 26 июля делегаты начали собираться у здания религиозной протестантской общины — Сампсониевского братства. Другого подходящего помещения для съезда арендовать не удалось, ибо владельцы больших залов не хотели иметь дело с большевиками.

Многие делегаты пришли задолго до назначенного часа. Был здесь и Яков Михайлович, следивший за тем, чтобы все было подготовлено. Ему помогали молодые коммунисты, быстро и точно выполнявшие все его поручения.

Открыл съезд старейший из его делегатов, Михаил Степанович Ольминский. Признаюсь, что ко всеобщему подъему и боевому настроению, владевшими делегатами, у меня прибавилась еще и личная радость. Радость и гордость испытывал я оттого, что съезд открывает мой старший товарищ и учитель.

— Это второй съезд нашей партии, проходящий в России, — напомнил М. С. Ольминский. — Он проходит в условиях, когда многие наши товарищи большевики, как и при царизме, заключены в петербургских «Крестах» и в других тюрьмах.

Ропот и возмущение пронесли по залу.

После этого один из делегатов зачитал письмо солдат Петроградского гарнизона, которые по воле Керенского стали тюремными узниками.

Они писали: «Мы, одни из первых политических заключенных «свободной» России, шлем наш товарищеский привет съезду РСДРП(б). Мы смело и бодро смотрим в будущее — ведь там уже близко торжество рабочего класса...»

В зале раздались дружные аплодисменты.

В работе VI съезда принимали участие делегаты, имевшие за плечами большой опыт революционной работы, хотя и разное по стажу пребывание в партии. Михаил Степанович Ольминский представлял, например, тех, кто были основателями нашей партии, другие являлись активными участниками революции 1905 года, были и те, кто пришел в трудные годы реакции, твердо верившие в победу революции. К самым молодым относились те, кто стал членом партии больше-

виков в годы войны или сразу после свержения самодержавия, но уже успевшие на деле проявить себя.

На съезде часто происходили волнующие сцены. То и дело встречались близкие друзья, которые долгие годы не видели друг друга. Многие расстались на каторге, другие в последний раз виделись в тюремной камере либо на явочной квартире. Помню, как в столовой завода «Парвиаинен», где обедали делегаты съезда, Феликс Эдмундович Дзержинский напомнил Емельяну Ярославскому, что последний раз он виделся с ним на V Лондонском съезде, десять лет тому назад.

Встретил и я на съезде своих старых друзей, с кем работал в саратовском подполье, — Владимира Павловича Милютина, Мишу Розенштейна и Якова Воробьева. К сожалению, это была моя последняя встреча с Яковом. Год спустя он погиб на одном из фронтов гражданской войны.

Обращало на себя внимание и то, как просто и буднично были одеты делегаты: одни в старых, вылинявших на солнце солдатских гимнастерках, подпоясанных ремнями, другие в френчах, напоминавших форму работников Союза земств и городов. Рабочие обычно были в темных косоворотках, перехваченных черным шнуром с кисточками на концах.

В первый день работы съезда начался сбор денег на приобретение партийной типографии для московской газеты «Социал-демократ». Первый взнос сделал мой саратовский товарищ Сергей Уралов, за ним тут же последовали Костя Плаксин и я.

VI съезд, которым руководил, находясь в подполье, В. И. Ленин, вошел в историю тем, что нацелил партию на вооруженное восстание. На нем с докладом о деятельности ЦК партии выступил Я. М. Свердлов. Его речь произвела огромное впечатление на делегатов. Яков Михайлович был прекрасным оратором, он убеждал слушателей ясностью формулировок, четкостью доказательств, продуманностью аргументов. У него был сильный, приятный голос, и он им умело пользовался, слушать его доставляло большое удовольствие.

Делегаты принимали активное участие сперва при обсуждении повестки дня, затем в прениях по основному докладу. Многие брали слово по нескольку раз. Мне, в частности, тоже довелось неоднократно выступать — по моему предложению в повестку дня съезда был включен пункт об усилении работы партии в профсоюзах.

Перед одним из заседаний съезда в зале появился высокий, стройный Иван Федорович Флеровский, делегат от Кронштадта. Он принес с собой большую пачку, завернутую в какую-то буржуазную газету, по-флотски крепко перевязанную. Флеровский, развязав веревку, стал раздавать делегатам тоненькую, еще пахнущую типографской краской, брошюру В. И. Ленина «К лозунгам». В этой брошюре Владимир Ильич разъяснял очень важный вопрос о вооруженном

восстании. Он писал, что мирный переход всей власти в руки Советов возможен был лишь тогда, когда в стране царило двоевластие: власть Советов и власть Временного правительства. Теперь, после 4 июля, вся власть оказалась в руках Временного правительства. Большевики и эсеры капитулировали перед ним, превратили Советы, в которых они имели большинство, в подсобный орган контрреволюции. «...Власть,— писал В. И. Ленин,— нельзя уже сейчас мирно взять. Ее можно получить, только победив в решительной борьбе...»

Задачи партии большевиков — собрать силы и готовить их к вооруженному восстанию, к переходу власти в руки пролетариата.

В. И. Ленин на съезде не присутствовал, так как в это время находился в подполье. Однако его влияние на работу съезда чувствовал каждый из нас, он был фактическим руководителем нашей работы.

Все главные документы съезда — доклады, тезисы резолюции — исходили от Владимира Ильича.

Неожиданно работа съезда была нарушена. Буржуазная кадетская газета «Речь» сообщила, что съезд имеет постоянную связь с Лениным. Спустя два дня правительство Керенского издало постановление, в котором военному, морскому, а также министру внутренних дел предоставлялось право не допускать собрания и съезды, которые «могут представлять опасность в военном отношении или в отношении государственной безопасности». Стало известно также, что власти собираются предъявить съезду ультиматум: сообщить, где находится Ленин, а в случае отказа съезд будет распущен, а его президиум арестован.

Учитывая серьезность угрозы, работу съезда было решено ускорить и перенести с Выборгской стороны к Нарвской заставе. Постановили также, не дожидаясь окончания работы съезда, провести выборы в Центральный Комитет.

Закрывал съезд Виктор Павлович Ногин, который за свои сорок лет побывал уже в 50 тюрьмах России и семь раз отбывал ссылки.

— На долю нашей партии,— сказал он,— выпала счастливая задача быть не только пропагандистом идей социализма, но вплотную подойти к практическому претворению в жизнь начала нового устройства общества... А посему, товарищи, за работу!

Заключительное заседание VI съезда затянулось допоздна. Поэтому многие делегаты, в том числе и я, остались ночевать в зале заседания. Кто был постарше, расположились на сдвинутых вместе стульях, а кто помоложе, прямо на полу, подстелив лишь старые газеты. Моим соседом оказался москвич В. Н. Подбельский, с которым мы в ту ночь познакомились и подружились.

На следующий день делегаты съезда поодиночке, соблюдая пре-

достоверность, заходили в редакцию газеты «Рабочий и солдат», находившуюся на одной частной квартире, и получали от Марии Ильиничны Ульяновой пачки газет с резолюцией съезда.

Не задерживаясь ни дня в Питере, я сразу вернулся в Самару.

Наше Красное воскресенье

Стоял теплый солнечный август. В Струковском саду, спускающемся своими дорожками прямо к Волге, разгуливала нарядная публика. Женщины в кисейных и маркизетовых платьях чинно прохаживались, защищаясь зонтиками от палящего солнца. Мужчины в чесучовых пиджаках и соломенных шляпах живо обсуждали последние новости и громко, на чем свет стоит, ругали большевиков. Впечатление такое, будто ничего в России не произошло, что не было никогда ни красных бантов, ни высокопарных речей о свободе, равенстве и братстве. Особенно радовало местную буржуазию сообщение о созыве в Москве так называемого Государственного совещания.

Это было совещание представителей крупной буржуазии и помещиков, генералов, меньшевиков и эсеров, созванное Временным правительством для того, чтобы мобилизовать все контрреволюционные силы России для уничтожения Советов. ЦК РСДРП(б) разоблачил Государственное совещание как заговор против народа. По выражению В. И. Ленина, на этом совещании Керенский хотел провести свою «коронацию», наподобие той, которая происходила при восхождении на престол царей, королей и разных там императоров.

В номере от 8 августа газета «Рабочий и солдат» опубликовала призыв партии к организации массовых протестов рабочих, крестьян и солдат против задуманной Керенским «коронации».

Московские рабочие, следуя этому призыву, провели в день открытия совещания, 12 августа, всеобщую забастовку, по всему городу состоялись организованные Московским комитетом партии многочисленные митинги. В тот день бастовало более 400 тысяч трудящихся заводов и фабрик. Прекратили работу и служащие Московской электростанции. Государственное совещание открылось при тусклом свете стеариновых свечей.

По примеру московских рабочих в Самаре объявили забастовку железнодорожники, рабочие заводов — Трубочного и Игнатьева, лесопилок. Забастовали все рабочие булочных города. Руководили забастовкой большевики.

Воскресным утром 13 августа в Аржановском саду собрались тысячи рабочих. Играл военный оркестр, собравшиеся пели революционные песни. Явились и солдаты Самарского гарнизона; многие приходили строем, целыми ротами.

Появление солдат вызвало всеобщее ликование рабочих, их горячо приветствовали аплодисментами, призывали объединиться с народом и вместе с ним защищать завоевания революции. Видно было, какое радостное и боевое настроение это вызвало у солдат, как хорошо они чувствовали себя в гуще близких им людей, единомышленников.

Начался митинг, и взбудораженная, гудевшая, как морской прибой, толпа народа мгновенно притихла. В наступившей тишине далеко были слышны голоса выступавших один за другим большевистских ораторов. К народу обратились с речами товарищи В. В. Куйбышев, А. А. Масленников, Г. И. Сафаров, Н. П. Теплов, Е. С. Коган. Они говорили о том, что больше всего тогда интересовало собравшихся: о текущем моменте, о том, чего добивается Керенский, созывая Государственное совещание, и куда ведет политика Временного правительства. Народ хотел знать, когда же кончится ненавистная война. Солдат возмущало введение на фронте смертной казни.

На все эти вопросы ясно и доходчиво отвечали только большевистские ораторы. Позиция большевиков находила у собравшихся полное понимание. Рабочие решительно отказывались признать позицию меньшевиков и эсеров. Это можно было видеть по тому, как с треском проваливались их ораторы. Их освистывали, обрывали на полуслове, гнали с трибуны, как только они начинали защищать политику Керенского, оправдывали продолжение войны и введение смертной казни.

Обстановка на митинге была накалена до крайности.

О настроении рабочих и солдат в Самаре говорит небольшой эпизод, который произошел тут же, в Аржановском саду.

К месту митинга подъехал автомобиль с эсеровскими ораторами, очевидно для подмоги тем, кто уже провалился со своими речами. Рабочие и солдаты, полные негодования, дружно преградили путь автомобилю и хотели расправиться с прибывшими эсеровскими ораторами. Но большевики не допустили расправы. Мы вели открытую и честную борьбу и старались избегать каких-либо эксцессов и провокаций, не давать повода врагам выставять себя героями и мучениками, пострадавшими от толпы.

После митинга в Аржановском саду рабочие, высоко подняв красные знамена и распевая революционные песни, проводили солдат до самых казарм. Прощаясь, солдаты крепко пожимали рабочим руки, по-братски обнимались с ними.

Такого боевого подъема Самара не видела с первых дней Февральской революции. На другой день газета «Приволжская правда» писала: «Это был наш день! Наше Красное воскресенье!»

Генерал остался без солдат...

В бывшей резиденции губернатора после Февральской революции размещался Самарский совет рабочих и солдатских депутатов.

В конце сентября во время очередного заседания Совета совместно с представителями полковых и заводских комитетов дверь зала открылась, и на пороге показалась группа рабочих-железнодорожников. Один из них обратился к Алексею Петровичу Галактионову, который вел заседание, и сказал:

— Дело, стало быть, такое, товарищи! На станцию Самара-товарная ночью прибыл эшелон с вооруженными солдатами. Вам про это что-нибудь известно?

— Да, мы знаем об этом,— ответил Галактионов.— Но Совет никакого эшелона с солдатами не ждет.

— Эшелон этот,— сказал железнодорожник,— мы поставили на запасной путь и пока ходу ему не даем. Генералу, который прибыл с эшелоном, это не понравилось, он ругается, грозит всякими карами. У него в тамбурах установлены пулеметы, да и солдаты все под ружьем. Генерал, видать, свирепый, от него всего можно ожидать... Вот мы и пришли к вам посоветоваться, что нам дальше делать? Задерживать состав или пусть движется по назначению?

Группа депутатов Совета во главе с А. П. Галактионовым немедленно отправилась на железнодорожную станцию, где на запасных путях стоял воинский эшелон. Его командиром был комиссар Временного правительства, генерал царской армии Коровиченко.

Генерала пригласили на заседание Совета, где его спросили:

— Куда путь держите?

— В Ташкент,— надменно ответил генерал.

— С какой целью?

— Направляемся по распоряжению Временного правительства,— ответил Коровиченко.

Самарскому Совету было уже известно, что в Ташкенте Совет рабочих и солдатских депутатов фактически завладел всей властью в городе. Поэтому было не трудно догадаться, что карательная экспедиция генерала Коровиченко направлялась по приказу Временного правительства в Ташкент для разгрома Совета и расправы с большевиками.

При обсуждении этого вопроса на заседании Совета председатель спросил:

— Кто за то, чтобы запретить эшелону генерала Коровиченко следовать дальше?

Большинство депутатов Совета подняли руки.

Теперь мы были уверены, что карательная экспедиция будет

сорвана, и тут же отправились на заводы, на фабрики и воинские казармы, чтобы рассказать рабочим и солдатам о действиях Временного правительства и своей победе при голосовании в Совете.

Вечером, однако, нас ждал неприятный сюрприз. Эсеры и меньшевики созвали новое заседание Совета. На этот раз они оказались в большинстве и приняли позорное решение — отправить воинский эшелон Коровиченко в Ташкент, послав вместе с ним представителя Самарского Совета. Он-де будет следить за выполнением обещания генерала не выступать против рабочих Ташкента.

Зная, каким авторитетом среди самарских рабочих пользуется Валериан Владимирович Куйбышев, они выдвинули его кандидатуру для сопровождения эшелона.

— От имени партии большевиков и от своего лично, — с гневом ответил Валериан Владимирович, — я категорически отказываюсь от выполнения такой позорной роли...

Тогда меньшевики и эсеры предложили эту постыдную миссию провизору одной из самарских аптек, эсеру Хаиту.

До глубокой ночи заседал губком партии вместе с представителями военной организации. Присутствовали солдаты 102-го запасного полка, в том числе В. К. Блюхер и М. Р. Галактионов. Обсуждали, какие следует предпринять меры, чтобы не допустить расправы над ташкентскими товарищами.

— Да что тут долго рассуждать! — сказал один из солдат. — Предлагаю сделать так: как только эшелон отойдет от станции, наша четвертая артиллерийская бригада даст по нему залп и разнесет его в щепки...

— Нет, товарищи! — сказала Е. С. Коган. — Мы не дадим никому повода для провокаций. Об этом предупреждал нас в своем письме VI съезду партии Владимир Ильич Ленин.

— А что, если мы, под видом поездной бригады, пошлем вместе с эшелом наших агитаторов? — предложил В. К. Блюхер. — Уверен, что по дороге они найдут общий язык с солдатами и растолкуют им, что к чему...

Это предложение было принято.

Перед отправкой эшелона на запасном пути в точно назначенный час появились в промасленных куртках кочегары и смазчики. Постукивая молоточками, они прошлись по всем вагонам, доложили, что все в порядке и можно давать отправление. Раздался свисток паровоза, эшелон тронулся, и выездная бригада на ходу вскочила на подножки вагонов.

Эшелон прибыл в Ташкент, но солдаты наотрез отказались стрелять по рабочим и выполнять приказы Коровиченко. Генерал оказался без армии. Тогда с группой офицеров он ворвался в здание ташкентского Совета рабочих депутатов и поднял стрельбу. В завязавшей перестрелке генерал-каратель был убит, а офицеры разбежались.

В Неву вошел крейсер «Аврора»

В Самаре октябрь 1917 года был теплым. По утрам, когда я выходил из дома, по всему городу раздавались звонкие голоса мальчишек-газетчиков. Размахивая свежими номерами «Приволжской правды», они громко сообщали последние новости:

— Крестьяне вывезли хлеб из имения помещика Орлова-Давыдова!

— В Чагринском женском монастыре мужики отобрали 5 тысяч пудов хлеба!

— На Трубочном заводе рабочие записываются в Красную гвардию!

Настроение трудовой Самары тех дней лучше всего выразила наша городская партийная конференция: «Бой близок... Скоро рабочая, солдатская и крестьянская Россия скажет свое последнее слово!» — говорилось в ее резолюции.

22 октября состоялось объединенное собрание Самарского губернского и городского комитетов партии. Оно проходило в бывшем торговом помещении на улице Льва Толстого, в доме № 22, куда после июльских событий из «Аквариума» пришлось перебраться Самарскому губкому.

Это было очень важное собрание, на нем решался вопрос о власти.

Многие подробности того далекого дня, конечно, позабылись, стенограммы мы тогда не вели, да и стенографисток у нас не было. Только через десять лет после победы Октябрьской революции в партийном архиве города был найден черновик протокола того собрания, на котором председательствовал товарищ Масленников. Как видно из записей в черновике этого протокола, почти все выступавшие на собрании предлагали немедленно приступить к реальным действиям: закрыть реакционную газету «Волжский день», обложить местную буржуазию принудительным займом, задержать провокаторов, арестовать самарского комиссара Временного правительства и начальника гарнизона, ликвидировать очереди за хлебом и продуктами и тем самым завоевать популярность и поддержку народа.

Таково было решение самарских большевиков накануне Второго Всероссийского съезда Советов в Петрограде.

Вечером 25 октября состоялось заседание Исполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В. В. Куйбышев читал полученное по прямому проводу из Питера сообщение, доставленное работавшим на почте большевиком М. П. Максяковым. В сообщении говорилось, что Второй съезд Советов откроется в 5 часов вечера. Временное правительство заседает в Зимнем дворце, а Воен-

но-революционный комитет находится в Смольном. Все мосты разведены, в Неву вошел крейсер «Аврора».

На этом поступление телеграмм прекратилось.

Желая быстрее узнать дальнейшие подробности о событиях в Питере, Совет направил своих комиссаров на телеграфы — на городской солдата 102-го полка И. Т. Козырькова, а на железнодорожный меня.

Чиновники правительственного телеграфа и почты, враждебно настроенные к большевикам, забастовали. В городе продолжал действовать лишь телеграф, находившийся на железной дороге.

Работавшие там большевики дали мне в помощь телеграфиста, члена партии, который обслуживал буквопечатающий аппарат «Бодо», в то время считавшийся еще новинкой.

Первым делом я по прямому проводу связался с Петроградом.

Моим собеседником по ту сторону провода оказался министерский телеграфист.

— В чьих руках власть, каково положение в городе? — спросил я.

— В министерстве никого нет, — ответил он. — Электричество погасло, и я работаю при свече... На улицах какие-то толпы народа... Слышны выстрелы... Я больше ничего сказать не могу...

Было ясно, что на другом конце связи сидит перепуганный обыватель, ничего не понимающий в начавшихся событиях.

Я попытался связаться с Москвой, где телеграф находился в руках Викжеля — Всероссийского исполнительного комитета профсоюза железнодорожников. В то время руководство этого профсоюза полностью состояло из эсеров и меньшевиков и занимало двурушническую позицию. И вот к аппарату подошел человек, назвавшийся членом Исполнительного комитета Викжеля, и заявил, что их профсоюз придерживается нейтралитета.

— Что происходит в Питере? — спросил я.

На телеграфной ленте появился ответ: «Ничего не знаю. С Петроградом связи нет».

Было ясно, что член Исполкома нагло врет.

«Викжеляют», — подумал я.

Так тогда, по имени этой организации, называли тех, кто вместо четкой политической позиции всячески вилял и двурушничал.

«Что же делать? От кого узнать правду о том, что происходит в столице?» — размышлял я. Принялся запрашивать все города, находившиеся на железнодорожной линии Самара — Москва. Сперва я связался с Рязанью, Сызранью, Пензой, потом с городами, находящимися в противоположной от Москвы стороне — Уфой, Челябинском. Отовсюду получаю один и тот же ответ: «Не знаем... Нам ничего не известно...»

Всю ночь я провел на телеграфе, но ничего определенного узнать не сумел. Вдруг, когда я и телеграфист уже изрядно устали, на ленте аппарата появились слова:

Андрея Сергеевича я знал лично. Поэтому, когда вслед за его телеграммой поступило викжелевское сообщение, что предыдущей телеграмме верить не следует, я не обратил на него внимания — подпись Бубнова была для меня убедительна.

А как вращались в Самаре...

Пока я находился в аппаратной железнодорожного вокзала, 25 октября было экстренно созвано совместное заседание исполкомов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На нем, как мне потом рассказали участники, обсуждалось сообщение о событиях в Петрограде. Страсти разгорелись до предела, обсуждение шло бурно и шумно. Ораторы от партий выступали по несколько раз.

Большевики предложили все распоряжения Временного правительства считать недействительными и передать власть в Самаре в руки Советов.

Против этого выступили меньшевики и эсеры. Со своей стороны они предложили образовать «Комитет в защиту революции» из представителей Советов и всех политических партий.

— Это будет «Комитет против революции», — иронически заметил Валериан Владимирович Куйбышев.

Никакого решения на этом заседании принято не было, и прения перенесли на следующий день.

26 октября на заседание Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов пришла масса народа. Явились делегации с заводов, представители солдатских комитетов, железнодорожники.

Несмотря на то что зрительный зал кинотеатра «Триумф» был достаточно большим, он все же не смог вместить всех желавших присутствовать. По предложению большевиков заседание перенесли в театр «Олимп», самое большое помещение в Самаре. Но и «Олимп», вмещавший полторы тысячи человек, оказался переполненным, и мне с большим трудом удалось пробиться к товарищу Куйбышеву и передать ему полученную ленту. Он вышел на край сцены и сказал:

— Товарищи! У меня в руках телеграмма, подписанная Андреем Сергеевичем Бубновым. В Петрограде победила революция... Власть перешла в руки Советов!..

Слова Куйбышева были встречены громом аплодисментов и возгласами: «Ура! Ура!»

— Кто за передачу власти Советам, прошу поднять руку,— предложил Валериан Владимирович Куйбышев.

За власть Советов проголосовало 411 депутатов, за уже свергнутое правительство Керенского отдали свои голоса всего лишь 141 человек.

Под сводами переполненного театра «Олимп» было провозглашено:

— Единственной властью в стране демократия Самары признает власть Советов!

В ответ раздавались радостные вогласы:

— Да здравствует Советская власть!

— Да здравствует Ленин!

Никакая сила, казалось, не сможет успокоить ликующих людей, понимающих исторический смысл происшедшего у них на глазах события.

После того как буря ликования постепенно улеглась, был избран революционный комитет во главе с товарищем В. В. Куйбышевым.

Часть VI

Комиссар труда
Кому сколько вложено?
"Международный конфликт"
Нарушенные обещания

Комиссар Юрда

После установления в Самаре советской власти, которое произошло без единого выстрела, мы сразу перешли к текущим делам. А дел оказалось много, и почти каждым из них приходилось заниматься впервые. Для ревкома наступила горячая пора.

В Самаре находился воинский гарнизон, он насчитывал несколько тысяч вооруженных солдат и офицеров. Часть офицерского состава была враждебно настроена к большевикам, и поэтому ревком решил прежде всего взять под свой контроль действия командного состава и самого начальника гарнизона, генерал-майора Савич-Заболоцкого. К нему были назначены комиссаром беспартийный, но сочувствовавший большевикам прапорщик С. И. Мельников и помощником комиссара рядовой В. К. Блюхер, член партии большевиков. Вслед за этим была разоружена казачья сотня, охранявшая Трубочный завод. Но казаки заявили, что будут честно служить новой власти, и на второй день им вернули оружие.

Была закрыта буржуазная газета «Волжский день» — печатный орган кадетской партии.

Нелегко расставалась со своими привилегиями местная буржуазия — самарские фабриканты и заводчики, банкиры и чиновники. Они не оставили надежду саботажем и голодом ослабить, а потом и свалить новую власть.

В первые же дни ревкому срочно понадобились деньги для помощи женщинам-солдаткам, оставшимся без кормильцев, инвалидам и демобилизованным, прибывшим с фронта солдатам.

На очередном заседании ревкома В. В. Куйбышев внес предложение провести в жизнь постановление губкома партии и обложить самарскую буржуазию принудительным займом в размере 5 миллионов рублей.

Предложение было принято, и на другой день в ревком были вызваны 36 самых богатых капиталистов Самары. Явилось, однако, только 18. Тем, кто пришел, было объявлено решение ревкома о займе. Им разъяснили, для каких целей предназначаются эти деньги. Но они категорически отказались представить новой власти заем.

— Ну что же! — предупредили их. — Раз уговоры на вас не действуют, мы будем вынуждены прибегнуть к другим мерам...

В тот же день самые известные в городе буржуи были арестованы как злостные саботажники. Среди них оказались брат местного меньшевика Кунина, крупнейшего на Волге лесопромышленника, владельца самой большой в городе булочной Неклютин, хозяин пивоваренного завода Вакано и другие.

Неделю спустя некоторые из арестованных согласились предо-

ставить заем и были освобождены. Тогда и остальные поспешили внести деньги.

Проба сил закончилась нашей победой.

Вскоре меня назначили комиссаром труда.

Комиссариат труда разместился в здании бывшего «Русского для внешней торговли банка» на Дворянской улице. Старая, солидная вывеска банка еще оставалась на своем видном месте, но рядом с ней, на массивной дубовой двери, был прикреплен белый лист бумаги с тщательно выведенной от руки надписью:

КОМИССАРИАТ ТРУДА.

У работников комиссариата появился просторный кабинет, а в нем большой стол с зеленым сукном. Только вот застать кого-нибудь из нас в этом кабинете, да и во всем комиссариате, было невозможно. Не имея опыта, работники комиссариата, как я, так и мои помощники Петр Сидельников и Федор Сухов, стремились все увидеть своими глазами, принимать решения на месте и лично проверять их выполнение.

С первых дней перед нами встал вопрос: с чего начинать работу?

Подумали, обменялись мнениями и пришли к единодушному решению: надо начать с учета всех частных предприятий Самары — заводов и фабрик, пекарен и магазинов, вплоть до кустарных мастерских. В городе были заводы Игнатьева и Зимина, фабрика по производству гранат и фабрика макаронных изделий Кеницера, хлебопекарня Неклютина, обувные предприятия Рябчикова и Чавушянца и многие другие.

Когда учет и знакомство с положением дел на предприятиях Самары было завершено, случилось непредвиденное: хозяева, по явному сговору, стали свертывать производства, а то и закрывать свои предприятия.

— Денег у нас теперь нет,— заявляли они.— Платить жалование нечем...

Под этим предлогом началось массовое увольнение. Профсоюзы потребовали, чтобы всем уволенным хозяева выплатили выходное пособие в размере двухмесячного заработка. От выплаты пособий хозяева категорически отказались.

Комиссариат поддержал требование профсоюзов.

Первое столкновение произошло с владельцем крупнейшей в городе мельницы Башкировым. Туда, в качестве представителя комиссариата, направился Петр Сидельников.

— Вам придется удовлетворить справедливое требование профсоюза,— сказал он Башкирову.

— А вы кто такой будете, чтобы давать мне советы? — спросил Петра Сидельникова владелец мельницы.

— Я говорю с вами от имени комиссариата труда,— с достоинством ответил Петр.

— Я не признаю ваше право вмешиваться в мои дела,— резко сказал Башкиров.

Расстерявшись от такой наглости, Петр повернулся и отправился в комиссариат.

— Башкиров денег не дает...

— Как это — не дает?

— Говорит, что не признает нас — и все!

Мы решили доказать Башкирову свое право, принудить его удовлетворить требования рабочих и наложили арест на его счет в банке.

Башкиров, лишившись возможности тратить хотя бы копейку без разрешения комиссариата, не стал больше упираться и выплачивал всем уволенным двухмесячное пособие.

Кому сколько помещено?

В газете ревкома «Солдат, рабочий и крестьянин» от 13 декабря 1917 года было помещено сообщение о том, что в целях борьбы с голодом и безработицей в ближайшее время имущие классы будут обложены особым налогом.

На другой день ко мне в кабинет вошел взволнованный Петр и сказал:

— Грузчики на бирже собрание устроили. Требуют все деньги, которые будут получены от буржуазии, отдать им...

Волжские грузчики были нелегким народом. Состав их был неоднородным и довольно пестрым. Тут можно было встретить и пьяниц, которые, не успев заработать, пропивали все до копейки. Тут же подвизались и пришедшие из деревни за длинным рублем. Попадали в эту среду и чернорабочие, не имевшие никакой квалификации, и демобилизованные солдаты.

Узнав, что ревком обложил местную буржуазию особым налогом, они потребовали все полученные деньги разделить только между ними.

— Товар и продовольствие разгружаем мы,— заявили они,— значит, и деньги наши.

Вместе с Петром мы отправились на собрание, происходившее в помещении городской биржи. Там творилось нечто невообразимое. Грузчики старались перекричать один другого, но никто никого не слушал.

Казалось, успокоить этих взбудораженных людей невозможно. Но я все-таки решил попробовать.

— Тише, товарищи! — сказал я во весь голос. — Вы сперва

послушайте, а потом будем решать, кому что и сколько положено. Криками вы ничего не добьетесь!

Грузчики притихли.

— Деньги эти не ваши,— продолжал я.— Они — народные!

— А мы и есть народ! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Народ, да не весь,— ответил я.— Вы говорите, что деньги эти вашим горбом заработаны, так как товары и продовольствие разгружаете вы. А кто производил этот товар? Выходит, эти деньги не вам одним принадлежат. Поэтому, кому и сколько нужно выдать, решать будет народная власть.

— Теперь мы сами себе власть, и сами решать будем,— раздавались голоса грузчиков.

— Не выйдет по-вашему,— возразил я.— Народная власть установила твердый революционный порядок. И нарушить его никому не будет позволено.

Толпа начала шуметь.

— Не вы одни испытываете нужду,— продолжал я.— Разве дети рабочих Трубочного завода и железнодорожников не голодают? Всеми деньгами распоряжается только ревком.

Толпа притихла.

Выступил секретарь профсоюза Е. Е. Лазарев и поддержал меня.

— Правильно! Решать надо по совести! — слышались отдельные голоса.

Неожиданно в зале появился прежний комиссар труда, меньшевик С. Белов. Он был ненавистен грузчикам потому, что до Октябрьской революции при всех конфликтах принимал сторону нанимателей. Грузчики, увидев моего предшественника, поняли, что он пришел, чтобы агитировать против новой власти. И тут весь свой гнев и недовольство они обратили на него. Меньшевик едва унес ноги.

Грузчики выразили доверие ревкому и признали его право распределить все полученные от буржуазии деньги по своему усмотрению.

...Когда мы возвращались к себе в комиссариат, Петр признался мне:

— Я очень перепугался, Юрий. Ведь они, чего доброго, могли и убить тебя... Тебе страшно было?

— Конечно... Но я был уверен, что смогу убедить их... И, как видишь, не ошибся...

Не успели мы уладить один конфликт, как возникла новая неприятность с владельцами промышленных предприятий.

На окраине Самары находился кожевенный завод, принадлежавший Ушакову. На заводе делали солдатские и офицерские ремни, портупеи, сбрую для лошадей. Во время войны завод работал на полную мощность, и недостатка в заказах не было.

По непонятным причинам предприятие вдруг стало работать с

большими перебоями. На вопросы рабочих хозяин отвечал: не хватает сырья, нет сбыта.

Под конец Ушаков объявил: денег в кассе нет, выплачивать заработную плату нечем.

И тогда вступил в свои права рабочий контроль.

— Мы хотим проверить состояние дел на заводе,— заявили члены комиссии рабочего контроля.

— На заводе хозяин я, и никому не позволю вмешиваться в мои дела,— надменно ответил Ушаков.

— Вы забыли, какая теперь в стране власть,— напомнили ему рабочие.

— Власти нынче часто меняются, а хозяева были и останутся,— самоуверенно заявил заводчик.

Поняв, что с Ушаковым разговаривать бесполезно, члены комиссии рабочего контроля обратились за помощью в комиссариат труда.

— Закон о рабочем контроле принял ВЦИК,— сказал я пришедшим товарищам.— Его никто не имеет право отменить. Растолкуйте это Ушакову и действуйте. Будет и дальше сопротивляться, сообщите в комиссариат.

Комиссия рабочего контроля наперекор протестам хозяина произвела на заводе основательную проверку: заглянула в бухгалтерские книги, подсчитала наличность в кассе и обнаружила на складе большое количество необработанной кожи. Выяснилось также, что на изделия завода по-прежнему имеется большой спрос. Теперь, правда, требовались не португези и офицерские ремни, а хомуты, уздечки, вожжи и постромки. Предприятие может, как и раньше, работать на полную мощность.

Ушаков продолжал упираться и свертывал производство. Тогда рабочие созвали собрание и постановили: отобрать у хозяина завод и передать его государству.

Среди промышленников Самары оказались и такие, кто понял, что возврата к прошлому быть не может, и не стали обострять отношения с новой властью.

Именно так поступил хозяин военного завода Игнатьев. Он был человеком весьма образованным и крупным инженером-практиком.

Сразу после окончания мировой войны военное производство в стране стало свертываться. Игнатьев выступил на собрании рабочих и заявил, что он больше не в состоянии обеспечить рабочих ни работой, ни заработком.

Выслушав речь хозяина, рабочие приняли решение «взять завод в собственность Российской республики». А Игнатьеву, как специалисту, они предложили должность инструктора-инженера.

В. Ф. Игнатьев принял предложение рабочих и честно выполнял свои новые обязанности.

„Менюнарядный конфликт“

В Самаре имелось отделение известной во всем мире американской фирмы швейных машинок «Зингер». По примеру других предприятий рабочие самарского отделения этой фирмы ввели и у себя рабочий контроль за производством.

Администрация воспротивилась этому, и в комиссариат труда явился иностранец в сопровождении молодой переводчицы.

Небрежно кивнув головой, он сразу начал что-то раздраженно и быстро говорить по-английски.

Я предложил ему сесть и спокойно изложить свои претензии. Иностранец оказался вице-консулом Соединенных Штатов Америки и пришел в комиссариат труда, чтобы выразить протест в связи с действиями рабочих. Подчеркнув, что визит его является официальным, вице-консул заявил, что фирма «Зингер» не потерпит вмешательства в ее коммерческие дела и что это дело может обернуться международным конфликтом.

Я попросил спутницу вице-консула Соединенных Штатов Америки перевести мой ответ ему как можно точнее и дословней.

— Фирма «Зингер» является иностранной, — сказал я, — но отделение ее находится в России, работают там русские рабочие. Они совершили революцию, установили свою власть и свои законы. Они обязательны и для фирмы «Зингер».

— Но это же скандал! Америка не потерпит вмешательства в дела ее фирмы! — с угрозой в голосе предупредил меня вице-консул.

— В таком случае, — спокойно и вежливо заметил я, — мы вынуждены будем, действуя именем революции, национализировать самарское отделение американской фирмы...

Вице-консул заявил, что будет жаловаться на мои действия правительству.

Он действительно послал гневное письмо губернскому комиссару А. П. Галактионову, обвинив меня в незаконном вмешательстве в дела иностранной фирмы.

Письмо, однако, было отклонено как необоснованное. Вскоре самарское отделение американской фирмы «Зингер» было национализировано.

Нарушившие обещание

В конце мая 1918 года я возвращался из Москвы, куда ездил на Второй Всероссийский съезд комиссаров труда. Наш поезд подходил уже к Пензе, как вдруг неподалеку от станции остановился.

— Что случилось? — спрашивали пассажиры. — Почему мы остановились?

— Дальше пути нет, — объяснил проводник. — Белочехи бунтуют, против Советской власти выступили.

Кто же они, эти белочехи? Как оказались в глубине России?

Во время первой мировой войны, когда Чехия и Словакия еще входили в состав Австро-Венгерской империи, чехов и словаков наравне со всеми призвали в армию и послали на фронт. Они, однако, не захотели сражаться против своих братьев-славян и целыми полками вместе с офицерами сдавались в плен русским. Царское правительство намеревалось использовать пленных чехов и словаков против Германии и сформировало специальный чехословацкий корпус. Командовали им офицеры, выходцы из буржуазных и помещичьих семейств. Корпус насчитывал пятьдесят тысяч вооруженных солдат. Эту силу иностранные и русские империалисты решили направить против Советской власти.

Когда наша страна вышла из войны, находившиеся в России чехи и словаки обратились к Советскому правительству за разрешением вернуться им на родину через Дальний Восток. После того как высшее командование корпуса обещало не выступать против республики рабочих и крестьян, не оказывать поддержку ее врагам, им такое разрешение было дано. Но оказавшись в глубине России, командование корпуса нарушило обещание, обмануло своих солдат и подняло мятеж против Советов, начало помогать контрреволюции.

Не все, однако, чехи и словаки дали себя обмануть.

В Самаре также находились чехословацкие военнопленные. Наиболее сознательные из них вели пропагандистскую работу среди солдат, сочувствовали русской революции. Был в Самаре и чешский военнопленный Ярослав Гашек, написавший впоследствии свой знаменитый роман «Похождения бравого солдата Швейка». Следует упомянуть также Иосифа Поспишила и Франца Шебеста, сформировавших из чехов, словаков и сербов красногвардейский отряд, который в трудную минуту героически сражался против наших врагов.

Поезд наш стоял более суток среди степи. Наконец он тронулся и медленным ходом добрался до Сызрани. Белочехи находились уже между Сызранью и Самарой. Но путь по Волге оставался еще свободным. Я воспользовался им и на пароходе через сутки, 6 июня, приехал в Самару.

В городе слышна была отдаленная артиллерийская стрельба, частые разрывы снарядов. Бой с белочехами шел на подступах к городу. Поэтому, не заходя домой, я направился прямо в губком, помещавшийся теперь на Заводской улице, в доме бывшего владельца пекарни Неклютина.

В губкоме я нашел председателя исполкома А. А. Масленникова и члена городского комитета партии Георгия Курулова, моего друга по Саратову и по Трубочному заводу.

Положение в городе, как мне сказали, было очень серьезным.

В конце 1917 года по просьбе В. И. Ленина самарский ревком отправил на борьбу с мятежным атаманом Оренбургского казачьего войска Дутовым особый отряд в 500 красногвардейцев под командованием В. К. Блюхера. Отсутствие этого отряда теперь дало себя знать. Красная Армия только создавалась, у нее еще не было ни достаточных сил, ни опыта для ведения борьбы с превосходящими и хорошо обученными силами белочехов.

Ревком объявил город на осадном положении; был создан революционный штаб, который обратился к рабочим с призывом вступать в Красную Армию. За три дня в рабочие отряды влилось свыше двух тысяч человек.

В бою, развернувшемся неподалеку от Самары, на станции Липяги, несмотря на упорное сопротивление, отряды Красной Армии были разбиты чехами, а их командир М. С. Кадомцев, героически дравшийся в первых рядах, убит.

Белочехам, наступавшим на Самару, активно помогали эсеры и меньшевики. Они вели разнузданную агитацию против Советской власти и даже передали белочехам план города. Поднявшая голову тайная офицерская организация устраивала взрывы и поджоги.

Несмотря на чрезвычайно тяжелое положение, большевики Самары решили бороться до конца.

Я рассказал товарищам, что в Сызрани видел подходившие из Москвы части Красной Армии и предложил такой план: по Волге связаться с командованием этих частей и добиться высадки в Самаре десанта.

План был одобрен, и провести эту операцию поручили мне.

Получив в свое распоряжение небольшой пароход «Соколик», принадлежавший раньше купцу Соколову, я с небольшим отрядом матросов направился к пристани.

— Юрий, погоди,— услышал я позади голос Георгия Курулова.— Обыватели распустили слух, будто вся власть в Самаре сбежала и бросила город на произвол судьбы. Прошу тебя, пройдишь по Хлебной площади. Там всегда много народу... Люди увидят тебя и скажут: вот, мол, комиссар труда вернулся из Москвы, значит, положение еще не очень серьезное.

Вместе с Георгием я отправился на Хлебную площадь, где занимала позиции наша артиллерия. Площадь действительно была в этот

момент многолюдной. Мы прошлись по ней, и я поспешил на пристань.

В Сызрань мы добрались уже поздним вечером. Яркий сноп ослепительных лучей сторожевого прожектора, рассекая темень, освещал мост через Волгу.

В штабе Красной Армии я встретился с представителями командования находившейся там группы войск. Среди них были А. Ф. Мясников и В. В. Кураев. Доложив им о создавшейся в Самаре обстановке и наших планах защиты города, я передал товарищам просьбу самарского губкома о помощи. Выслушав меня, они обещали послать на помощь Самаре воинские части.

Не задерживаясь больше ни минуты, я поспешил на «Соколик», немедленно взявший курс на Самару.

Ночь была теплой и темной, ничто не нарушало тишину.

7 июня ранним утром мы подходили к Самаре. Со стороны города доносилась частая стрельба из орудий. Всходило яркое багряное солнце. На улицах города было безлюдно.

Едва держась на ногах от нервного напряжения и двух бессонных ночей, я доложил губкомовцам о результатах своей поездки.

— Идите домой, Юрий, и отоспитесь,— сказали мне товарищи.

Дома я быстро уснул. Проснулся лишь на другой день утром от громкой пулеметной стрельбы. Катя вышла на улицу, чтобы разведать, что там происходит. По мостовой шли солдаты, одетые в незнакомую военную форму. Катя поняла, что это белочехи. Они, как позже стало известно, ворвались в Самару, прорвав оборону в районе железнодорожного вокзала; город оказался блокированным со всех сторон. Уйти из него теперь можно было только по Волге.

Часть VII

Все пути перекрыты
Удачной маскировкой
Второй обывск
Угрозилковы у власти...
Павло и товарищи
Вновь обретенная свобода

Все пути перекрыты

Надо было немедленно пробираться к пристани.

Но как это сделать?

Квартира, в которой мы жили уже много лет, находилась в самом центре города, на бывшей Дворянской улице. Попасть на пристань можно было только одним путем: пройти через Панскую и Предтеченскую улицы, а они были самые многолюдные. Показаться мне в этот момент там было опасно — вместе с другими товарищами я много раз выступал на общегородских митингах и враги хорошо знали всех нас в лицо.

Все же я решил рискнуть. Катя пошла меня проводить. Но только мы вышли из дома, как увидели, что со стороны Предтеченской улицы шагают белочешские патрули. Катя мгновенно втокнула меня в подъезд.

Все пути к пристани оказались перекрыты, и мне не оставалось никакого другого выхода, как временно укрыться в своей квартире. В ней я хорошо знал потайные места, где в свое время хранил нелегальную литературу. Когда меня первый раз арестовали, то жандармы при обыске ничего не смогли найти. Хотелось надеяться, что и на этот раз меня никто не сможет там обнаружить.

В квартире как ни в чем не бывало продолжалась обычная жизнь.

Все домашние хранили полное спокойствие, продолжали заниматься своими делами. Катя кормила девятимесячную дочку Тосю; мама, как всегда, отправилась в столовую «Общества трудящихся женщин», которой она заведовала.

Не прошло и часа, как раздался настойчивый звонок у входной двери. Катя пошла открывать. В прихожую тут же ввалилось несколько солдат с офицером во главе.

— Где большевистский комиссар? — спросил офицер из белогвардейской контрразведки.

— Не знаю, — ответила невозмутимо Катя. — Он еще вчера ушел из дома и больше не возвращался.

— Двоим стать у двери и никого не выпускать! — скомандовал офицер солдатам. — Остальные приступайте к обыску.

Солдаты вели себя нагло, шарили по всем углам, заглядывали под кровати, передвигали мебель. Один из них обратил внимание офицера на стоявший в прихожей большой, обитый железом сундук. Он оказался запертым.

— Где ключ? — строго спросил офицер.

— У свекрови, — спокойно ответила Катя. — А она на работе.

— Немедленно доставить ключ сюда! — приказал офицер.

Ему почему-то казалось, что именно в этом сундуке прятался большевистский комиссар. Солдаты расхаживали по квартире, выхо-

дили на черную лестницу, но никто из них не догадался заглянуть в мой тайник.

Некоторое время спустя вернулась Катя с ключом. Офицер принялся открывать сундук. Он поднял крышку и тут же стал громко чихать. В сундуке лежали пересыпанные нафталином и аккуратно уложенные мамой все наши зимние вещи — пальто, валенки, шали, теплые платки.

Офицер яростно выбрасывал все содержимое сундука, подозрительно осматривая каждую вещь. Тут уже начали чихать и солдаты, от этого проснулась маленькая Тося и принялась громко плакать.

Пустошив сундук до самого дна и ничего при этом не обнаружив, белогвардейский офицер выругался и сказал со злобой:

— Он все равно от нас не уйдет!

Агенты контрразведки плотно окружили наш дом; ни днем, ни ночью они не спускали с него глаз. Я оказался в осаде, отрезанный от внешнего мира, потеряв связь со своими товарищами.

Удачная маскировка

В это трудное время большую помощь оказала мне мама. Она все время держалась мужественно, была собранной, спокойной. Нелегко, конечно, давалось ей это спокойствие. Она тревожилась обо мне, ее волновала судьба моего брата Кости, о котором не было никаких вестей.

После Февральской революции Костя, студент медицинского факультета Саратовского университета, оставил учебу и вернулся в Самару, вступил в партию большевиков и работал в городском военкомате. Еще до моего возвращения из Москвы он вместе с отрядом особого назначения на пароходе «Фельдмаршал Суворов» отправился в Казань сопровождать золото, хранившееся до этого в самарской конторе Государственного банка. Там, в Казани, должен был храниться золотой запас Советской республики. Уполномоченным по эвакуации золота был назначен председатель губкома А. Х. Митрофанов.

Мама умом и сердцем разделяла убеждения своих сыновей, всегда чем могла помогала нам и проявляла при этом удивительную находчивость, незаурядную смелость. И на этот раз она придумала для меня очень удачную маскировку: желая отвлечь внимание белогвардейцев от нашего дома, она временно сдала самую большую комнату в нашей квартире «Обществу трудящихся женщин», которое устроило там швейную мастерскую. Расчет мамы был правильный: кому могло прийти в голову, что в квартире, где всегда полно народа,

будет находиться большевистский комиссар, которого разыскивают по всему городу?

Швейная мастерская оказалась между тем не только остроумной маскировкой, но и превратилась для меня в источник обширной информации о том, что происходило в городе. Каждое утро закройщицы и швеи, прежде чем приступить к работе, обменивались новостями и слухами. Мои домашние внимательно прислушивались к этим разговорам и передавали их мне. Так я узнал, что Валериану Владимировичу Куйбышеву удалось выехать из Самары еще до занятия города белочехами. Из рассказов мастериц стало известно и об участии наших товарищей, о том, как был взят белогвардейцами в плен и подвергнут гнусным издевательствам Александр Александрович Масленников.

До глубины души потряс меня рассказ о расправе с Франциском Ивановичем Венцеком. Враги растерзали его прямо на улице, на глазах у толпы.

Какой это был замечательный человек! Сын польского патриота, участника восстания 1863 года, высланного из Варшавы в далекий Самарканд, Франциск Венцек еще юношей вступил в партию большевиков, вел нелегальную работу в Москве, Туле и Калуге. В Самару он приехал вместе со своей женой С. И. Дерябиной.

Всегда деятельный и неутомимый, товарищ Венцек принимал активное участие в борьбе за Советскую власть. Живя и работая в Самаре, он часто выступал на Трубочном заводе. После победы Октября он был назначен председателем революционного трибунала Самары. Трудно было примириться с тем, что его не стало. Одна из мастериц рассказывала, что в момент внезапного захвата города белочехами товарищ Венцек, вместе с другими руководящими работниками Самары, находился в клубе коммунистов. Оттуда они пытались поодиночке покинуть город. Но как только товарищ Венцек показался на улице, он был тут же опознан и схвачен агентами контрразведки.

Также горестно было мне, когда я узнал о гибели Ивана Ивановича Штыркина, хозяина книжной лавки «Книговед». В душе моей всегда жило чувство благодарности к этому человеку, допустившему меня в «святая святых» его лавки, в комнату, где я впервые взял в руки книгу В. И. Ленина, где встретился с Я. А. Андреевым, рекомендовавшим меня в партию.

Незадолго до Октября Иван Иванович Штыркин был избран председателем «Союза квартиранимателей». Он больше не торговал книгами, а воевал с домовладельцами, не позволяя им спекулировать жилой площадью, повышать квартирную плату. Потом, став заведующим жилищным отделом городского Совета, Иван Иванович заставлял местную буржуазию уплотниться и освободить лишнюю площадь для тех, кто ютился в подвалах или жил большими семьями в тесноте.

И. И. Штыркина знала и любила вся трудовая Самара, зато буржуи люто ненавидели этого «жилищного комиссара». И вот они дождались случая, когда смогли отомстить этому благородному и справедливому человеку: они схватили его на улице, затащили в Соборный сад и учинили над ним самосуд.

Самару нельзя было узнать. На улицах лежали неубранные трупы убитых, все тюрьмы были переполнены до отказа. В Постниковом овраге, где когда-то проводились маевки, теперь по ночам раздавались выстрелы. Там расстреливали большевиков и советских активистов.

Второй обыск

Я, разумеется, рассчитывал, что останусь в своем доме недолго, твердо надеясь, что на помощь Самаре успеют подойти полки Красной Армии. Меня не покидала уверенность, что Самара вот-вот будет освобождена от врагов. Но проходили недели, а мои надежды не оправдывались.

Белочехи взяли Сызрань, а потом, повернув на Восток, стали продвигаться все дальше и дальше. Обстановка с каждым днем становилась тревожней и опасней.

Как-то среди дня, когда я находился в своем укрытии, к нам на квартиру явился белогвардейский офицер и приказал:

— Всем оставаться на месте! Нам стало известно, что большевистский комиссар Милонов скрывается в этом доме. Предупреждаю, что всякая попытка к бегству будет пресечена, расстрел последует на месте. Я отправляюсь за отрядом, и мы произведем самый тщательный обыск. Предупреждаю еще раз — из дома никому не выходить. Весь квартал оцеплен.

Вскоре офицер пришел с отрядом солдат. Обыск на этот раз был более тщательным и долгим. Комиссара, однако, обнаружить не удалось. Когда отряд с раздосадованным офицером ушел и все немного улеглось, мама спросила меня:

— Ты знаешь, кто руководил обыском? Ни за что не догадаешься.

— Кто же? — спросил я нетерпеливо.

— Прапорщик Сарнецкий!

— Владька? Не может этого быть! — сказал я. — Может, ты обозналась?

— Нет, я не ошиблась, это был он, собственной персоной.

С Владькой Сарнецким я четыре года сидел на одной парте. Это

Потом стало известно, что Ёська в трудную пору был отважным разведчиком. По заданию подпольщиков он перешел линию фронта и пробрался в город Симбирск, где тогда находился самарский ревком. Там-то он и встретил моего брата Костю, и тот передал ему письмо для мамы.

После этого случая мама частенько видела Ёську в кондитерской, где работала. Ничего не подозревая, она думала, что мальчик заходит туда только для того, чтобы полакомиться. Но когда Самара была освобождена, товарищи рассказали, что кондитерская была местом, где встречались самарские подпольщики. Соблюдая правила конспирации, Ёська не посмел спросить у мамы обо мне.

После письма, доставленного Ёской, я еще больше стал верить, что подпольщики где-то рядом. Моя вера вскоре получила подтверждение, почти официальное.

Комуч, желая скрыть свою контрреволюционную сущность и зная, что после революции Советы пользовались в народе большой популярностью, решил провести выборы в свой Совет рабочих депутатов. В него, разумеется, не должны были быть избраны коммунисты. Большевики, однако, были избраны в Совет. Об этом можно было догадаться, читая внимательно газету «Волжский день». В начале августа газета сообщила о первом заседании вновь избранного Совета рабочих депутатов и что на нем выступал представитель фракции, назвавшей себя «беспартийные крайние левые».

«Что это за фракция такая?» — недоумевал я с особым вниманием перечитал требования депутатов этой фракции. Она энергично настаивала на том, чтобы «...превратить Советы в органы политической власти, прекратить аресты рабочих, освободить всех политических заключенных, установить на предприятиях восьмичасовой рабочий день и рабочий контроль».

У меня уже не было сомнения, что под названием «беспартийные крайние левые» в Совете работают большевики.

Что было делать? Выйти из дома нельзя — возле него днем и ночью дежурили контрразведчики. Как сообщить товарищам о себе?

Решил тут же написать им письмо. Но как передать его? Мне в этом помогла Катя, которая однажды сообщила, что увидела на улице Марию Оскаровну Авейде.

Мария Оскаровна была активной большевичкой, вела большую работу с молодежью, членами агитаторской группы. Ей-то я и решил передать свое письмо. Зашив в рукав своего пальто, Катя отнесла его Марии Оскаровне.

О том, что письмо дошло до товарищей, подтвердила много лет спустя тогдашняя самарская подпольщица Фаня Шуцкевер, которая рассказала о нем в своих воспоминаниях, опубликованных на страницах журнала «Пролетарская революция».

Вновь обретенная свобода

Вечер 6 октября 1918 года никогда не изгладится в моей памяти. Услышав гул отдаленной артиллерийской канонады, я радостно воскликнул:

— Наши идут! Красная Армия приближается к Самаре!

— Тебе это показалось, — вздохнув, ответила мама.

Домой вернулась взволнованная Катя.

— В городе идут повальные обыски, — сообщила она. — Вчера из Самарской тюрьмы отправили в Сибирь более двух с половиной тысяч заключенных. Среди них будто бы видели Марию Оскаровну Авейде и Серафиму Ивановну Дерябину.

Лишь через год мы узнали, что Мария Оскаровна Авейде, вместе с другими коммунистами, была расстреляна белогвардейцами в Екатеринбурге, на Урале, Серафиме Ивановне удалось бежать из белочешского лагеря. Но прожила она, к сожалению, не долго. Заболев чахоткой, Серафима Ивановна Дерябина умерла еще молодой.

Утром где-то совсем близко вновь послышалась сильная канонада. Теперь уже ясно было, что стреляют из орудий и пулеметов. А под вечер в Самару вступили передовые части Красной Армии: сперва на улицах показалась конница, за ней шла пехота. Их встречал ликующий трудовой народ.

Не прошло и получаса, как я уже был среди своих друзей и товарищей. Радостной, сердечной и в то же время печальной была наша встреча. Радостно было встретить многих живыми и горестно вспомнить погибших, зверски убитых товарищей — Венцека, Штыркина, Масленникова и других коммунистов.

Но много горевать нам не полагалось, надо было приниматься за работу. Тут же состоялось заседание, на котором был создан временный ревком, взявший на себя власть в городе. Товарищи оказали мне доверие, избрав его председателем.

В ночь на 9 октября в Самару прибыл из эвакуации губернский ревком, а в два часа того же дня состоялось собрание всех советских и партийных работников. На нем присутствовали как вернувшиеся товарищи, так и те, кто оставался во время оккупации Самары. Как председатель временного самарского ревкома, я передал его полномочия губернскому ревкому.

Немедленно возобновилось издание газет «Солдат, рабочий и крестьянин» и «Приволжская правда». В их первых номерах был опубликован приказ политического комиссара 4-й армии Г. Д. Линдова, в котором сообщалось о том, что «...вся гражданская власть в Самаре и губернии переходит к губревкому». Председателем его стал А. П. Галактионов. Были вновь восстановлены все губернские отделы ревкома, и я был назначен заведующим отделом труда.

В честь освобождения Самары на другой день состоялась боль-

шая городская демонстрация, а в театре «Олимп» многолюдный митинг, на котором трудящихся Самары приветствовал А. П. Галактионов.

В театре «Олимп» после моего выступления ко мне подошел коренастый молодой человек, со смуглым лицом и черными горящими глазами. Он протянул мне крепкую руку и представился:

— Гай!

Он был оживлен, весел и с восхищением рассказывал о бойцах своей дивизии, в рядах которой было много самарцев, рабочих Трубочного завода, сражавшихся геройски и отличившихся своей храбростью и отвагой.

Никогда в Самаре осень не была такой красивой, как в том незабываемом 1918 году! Под нежарким октябрьским солнцем отливали золотом листья деревьев Струковского парка. По его аллеям, счастливые и радостные, прогуливались жители Самары. Повсюду слышался смех, раздавались веселые песни, играл духовой оркестр.

Три дня праздновала Самара свое освобождение. В городе повсюду проходили митинги, на которых трудящиеся от всего сердца благодарили Красную Армию, прославляли ее подвиги и героизм, проявленные в многочисленных кровопролитных боях.

Часть VIII

Дел было много
В долине на Советской улице
Запавшая война
Самарцы готовят отпор Кенгаку
По плану товарища Фрунзе
Первые нити заводы
Покорения Волги
Пример бескорыстный
Инженер Кривичанковский
и архиепископ Симеон
Все лучшее — детям!
Приезд коммунистических
Рабочих — слово, рожденное
революцией
С книгой и винтовкой

Вскоре я был избран председателем Губернского комитета партии. Забот и хлопот у меня теперь появилось много. Губкому до всего было дело, его председатель должен был поспевать всюду, чтобы поднимать людей на новые и важные дела: надо было как можно скорее ликвидировать урон, нанесенный правительством Комуча, продолжать строить новую жизнь.

Из всех дел, которыми мне приходилось в ту пору заниматься, хочу остановиться подробнее на работе с молодежью и рассказать о том, как создавалась в Самаре первая комсомольская ячейка.

Мы имели уже достаточно преданных и отважных помощников партии — юношей и девушек из агитаторской группы, которые замечательно проявили себя на работе в учредилковском подполье.

Вот некоторые из множества примеров отваги и преданности нашей молодежи, ее бесстрашия, о которых рассказали мне позднее Костя Громов и Иосиф Галкин.

При отступлении из Самары группа бойцов Красной Армии пробивалась к своим частям и была вынуждена скрываться в ближайших от города лесах. Оставаясь в своей красноармейской форме, они могли быть легко замечены и схвачены. И тогда на помощь им пришли члены агитаторской группы — Костя Громов, Шура Булышев, Бася Василевская, Катя Куликова и Женя Шнейдер. Соблюдая исключительную осторожность и конспирацию, они обходили дома надежных людей, собирали у них штатскую одежду для скрывавшихся в лесу красноармейцев. Переодевшись, те смогли перейти линию фронта и вновь соединиться с частями Красной Армии.

Во время правления Комуча тюрьмы Самары были забиты арестованными рабочими, которые подозревались в сочувствии большевикам. Их семьи остались без кормильцев и терпели большую нужду. Узнав об этом, члены агитаторской группы стали приносить им на дом деньги из партийной кассы, которая хранилась у большевички Марии Оскаровны Авейде, известной в городе домашней учительницы. Под видом учеников подростки с учебниками в руках приходили к своей учительнице и некоторое время спустя уходили от нее. У каждого в подкладке курточки или пальто были зашиты деньги.

Деятельность Марии Оскаровны не оставалась незамеченной, и белогвардейская контрразведка арестовала учительницу. Тогда ученики обратились в Комуч с просьбой освободить учительницу.

Они ссылались на то, что приближаются экзамены и нет возможности найти ей замену. Были использованы также связи с влиятельными людьми города, которые добились освобождения М. О. Авейде из тюрьмы.

Разведка, однако, продолжала наблюдение за учительницей. На ее квартире круглые сутки дежурил белочешский легионер, не разрешавший Марии Оскаровне отлучаться из дома. Но и в таких условиях она поддерживала связь с подпольем. Связным был Костя Громов, самый «прилежный» ученик Марии Оскаровны. Он не пропускал ни одного «урока». Каждое утро, в точно назначенный час, Костя являлся к Марии Оскаровне выкладывал на стол учебники и тетрадку, готовясь начать писать диктант и решать задачи по арифметике.

Только диктант и задачи были не из учебников. Чтобы стоявший за дверью комнаты белочех не услышал разговора, Костя писал на бумажке все, что хотели сообщить Марии Оскаровне подпольщики. Учительница внимательно прочитывала написанное. Затем она сама писала то, что Костя должен был тут же, при ней, выучить наизусть и слово в слово передать подпольному комитету. Исписанные странички тетрадки в конце урока уничтожались.

Жила в Самаре одна замечательная девушка — Катя Бочкарева. Она была помощницей Маруси Бешенковской, заведующей клубом коммунистов в доме Неклютиной. Катюша не отказывалась ни от какого дела, исполняла самые разнообразные обязанности — была и уборщицей, и буфетчицей, и сторожихой, а если надо было, то и курьером...

Когда белочехи захватили город, Кате удалось унести и спрятать красное знамя губкома. Все четыре месяца, пока в Самаре хозяйничали учредилорцы, она хранила его у себя дома под полом. А когда город был освобожден, Катя явилась в губком, который теперь находился в здании бывшего Волжско-Камского банка, достала из холщового мешка аккуратно сложенное красное знамя и передала его нам.

И снова Катя каждое утро приходила на работу в губком, где скромно и безотказно выполняла обычные свои обязанности — подметала полы, протирала влажной тряпкой столы, стулья, табуретки, заваривала в большом жестяном чайнике морковный чай для организованного здесь буфета.

...В то утро, как всегда, Катя занималась своим делом. Вдруг она услышала за окном чеканные шаги марширующих колонн. Девушка подошла к окошку и увидела, что перед ним выстроился отряд самарских рабочих-добровольцев, отправлявшихся на фронт. По сложившейся традиции, они прибыли к зданию губкома, чтобы услышать напутственную речь кого-либо из руководящих его членов.

На этот раз отряд пришел слишком рано, когда в губкоме еще

никого из руководителей не было. Между тем добровольцам надо было к сроку явиться на вокзал и погрузиться в эшелоны.

«Что делать? — заволновалась Катя. — Не должны бойцы Красной Армии уйти на фронт без доброго пожелания и пламенной речи. Так не положено...»

Не раздумывая долго, Катя взяла в руки спасенное ею красное знамя, быстро вышла на балкон и обратилась к добровольцам с вдохновенной речью.

Подошедшие члены губкома успели услышать только последние слова девушки.

— Держитесь стойко, товарищи! — говорила, обращаясь к добровольцам, Катя. — Помните, что вы защищаете свою родную, кровную Советскую власть!..

Окончив речь, Катя своим высоким чистым голосом запела «Интернационал», и гимн этот все, как один, подхватили бойцы отряда.

Мы были восхищены поступком девушки. Несколько дней спустя Валериан Владимирович Куйбышев спросил ее:

— Катюша, почему ты не вступаешь в партию?

— Да я бы с радостью, — ответила она, смутившись. — Только некому дать мне рекомендацию.

— Ну за этим дело не станет, — улыбаясь, сказал Валериан Владимирович и обратился к нам: — Товарищи, дадим Катюше рекомендацию? Думаю, она это заслужила.

— Конечно! — дружно ответили мы.

Такие вот девушки и юноши стали ядром первой комсомольской ячейки в Самаре.

В доме на Советской улице

В начале зимы по всей Самаре были расклеены большие афиши, извещавшие, что 8 декабря 1918 года в городском кинотеатре «Триумф» состоится митинг молодежи. К семи часам вечера зал кинотеатра стал заполняться юношами и девушками. Были приглашены и мы, старшие товарищи. Когда партер, ложи, а затем и балкон были заполнены, к собравшимся с приветственным словом обратился В. В. Куйбышев. Он выразил уверенность, что самарская революционная молодежь станет надежной сменой старому поколению большевиков.

С особым воодушевлением говорил член Реввоенсовета 4-й армии, участник освобождения Самары Г. Д. Линдов, принадлежавший к

поколению, которое вступало в партию в начале века. Он долгие годы жил в эмиграции, окончил во Франции медицинский факультет, был близко знаком с В. И. Лениным. Человек энциклопедических знаний, образованный и остроумный, Гавриил Давыдович был замечательным оратором, умел зажечь сердца своих слушателей.

— Придет время, и мы, старики, уйдем со сцены,— сказал Г. Д. Линдов в своей речи.— Таков закон жизни. Но мы оставим вам уже проложенные стальные рельсы. Ведите же по ним паровоз революции вперед и дальше. Боритесь яростно и смело, не давайте никому свалить под откос паровоз революции. Я верю, что вы будете жить в новом, прекрасном здании социализма, в обществе свободного труда и братства...

Громкие, дружные аплодисменты были ответом на слова оратора.

Долго после этой речи никто из ребят не решался выйти на трибуну. Наступила томительная пауза.

Но вот на сцену поднялся еще неизвестный нам рабочий паренек лет шестнадцати, назвавшийся Петром Беловым. Неожиданно для всех он произнес горячую речь, которую закончил так:

— Мы обещаем вырастить из наших рядов надежную смену машинистов, способную повести локомотив революции к заветной цели — коммунизму.

После митинга, прямо в фойе театра, началась запись желающих вступить в комсомол. В полном своем составе комсомольцами стали и члены агитаторской группы. Руководителем самарского комсомола был избран бывший подпольщик, рабочий-кожевенник Костя Левитин.

Теперь целыми днями ребята пропадали в клубе коммунистов, который находился в первом этаже здания губкома партии. Они устраивали там дискуссии и диспуты, выступали с докладами, спорили. Шум в клубе не утихал до поздней ночи.

Пришлось подумать о том, чтобы выделить для молодежи отдельное помещение.

Комсомольцы облюбовали себе бывший купеческий особняк на Советской улице, недалеко от губкома партии. Особняк оказался большой, комнат в нем было много, но владелец, убегая вместе с учредителями, прихватил с собой всю обстановку. Остались одни голые стены, но ребят это не очень огорчило. Они принялись энергично обставлять свой дом, собирая мебель где только можно было. Для начала они получили несколько столов и табуреток от губкома партии, потом принесли мебель из брошенных бежавшей буржуазией квартир.

Табуреток и стульев все еще было недостаточно, и на собраниях многие усаживались прямо на полу, поджав ноги.

Молодежь собрала в клубе хорошую библиотеку. Ей в этом помогло то обстоятельство, что в Самаре работала коллегия по

изъятию культурных ценностей из брошенных домов и особняков. В нее входили известные ученые, такие, как академик В. Н. Перетц, профессор А. Б. Багрий и другие видные искусствоведы, специалисты-архивариусы. От комсомола в эту комиссию вошли Костя Громов, Женья Шнейдер и Леня Поливник. Они отобрали немало хороших книг не только для городских библиотечных фондов, но и для своей клубной библиотеки.

В день официального открытия комсомольского клуба ребята вновь пригласили нас, «стариков», из губкома партии, хотя самому «старому», Гавриилу Давыдовичу Линдову, было неполных сорок лет. Валериану Владимировичу Куйбышеву — тридцать.

На открытии клуба выступил все тот же Г. Д. Линдов, который только что вернулся из Москвы, где встречался с В. И. Лениным. Особый взрыв радости и энтузиазма вызвало сообщение Линдова о том, что здоровье Владимира Ильича после тяжелого ранения идет на поправку, что он чувствует себя хорошо, а его левая рука уже начинает действовать.

Затем выступил Валериан Владимирович Куйбышев, поздравив комсомольцев с открытием их собственного клуба. Зная, что В. В. Куйбышев пишет стихи, комсомольцы дружно попросили его прочитать что-нибудь из собственного сочинения. Он уступил просьбе молодежи и прочитал стихотворение, названное им «Море жизни».

С этой поры члены губкома были частыми гостями в комсомольском клубе. Мы любили встречаться с молодежью и регулярно выступали там с лекциями, проводили беседы, обсуждали с юношами и девушками прочитанные книги, декламировали стихи и все хором пели народные и революционные песни.

Нередко такие встречи, начинавшиеся в комсомольском клубе рано вечером, продолжались потом за чашкой чая у меня дома и длились почти до рассвета. За интересными разговорами и спорами мы, бывало, не замечали, как быстро проходило время.

Светло станет в окнах, и только тогда мы спохватывались, что надо расходиться.

Наши первые комсомольцы занимались в своем клубе не только просветительством. Многие из них были бойцами частей особого назначения, которые сокращенно назывались ЧОН. Они несли караульную службу, охраняли военные склады, банки, электростанцию и элеватор, вылавливали самогонщиков. На предприятиях комсомольцы строго следили за тем, чтобы точно выполнялся декрет об охране труда подростков.

Но враги опять помешали нам...

Чапанная война

Произошло это в начале марта 1919 года. Поступила тревожная весть: в Сенгилеевском уезде Симбирской губернии чапаны подняли восстание. Надо было принимать быстрые и решительные меры. Я созвал всех членов губкома и горкома партии, военных и других руководящих работников Самары, чтобы сообща обсудить создавшуюся обстановку и наметить план ликвидации мятежа.

Кто же такие были эти чапановцы и почему они так назывались?

Чапаном у нас на Волге называют длинный, до полу, тулуп из дубленой овчины. Такие тулупы носили зимой в наших краях только зажиточные крестьяне.

Молодая Советская Республика нуждалась в хлебе и продовольствии. В городах, крупных промышленных центрах рабочие голодали. А богатые крестьяне умышленно прятали зерно, муку, картошку. Поэтому Советская власть в январе 1919 года ввела так называемую обязательную продразверстку.

Местным сельским Советам было предоставлено право давать зажиточным крестьянам твердое задание: продать государству определенное количество зерна. В городах рабочие создавали специальные продовольственные отряды, направляли их в богатые хлебом местности, чтобы реквизировать у кулаков спрятанные излишки.

Добытое продотрядами зерно эшелонами отправлялось в города, население которых получало тогда по восьмушке хлеба в день. Одна Самарская губерния отправила в Москву и Петроград с октября 1918 года 47 миллионов пудов зерна.

Враги революции, белогвардейцы, воспользовались недовольством зажиточной части крестьянства продразверсткой и принялись активно подбивать их на вооруженное восстание против Советской власти. И те поддались на вражескую провокацию.

Подробности того, как это произошло, мы узнали потом из рассказов товарищей, которые принимали участие в ликвидации мятежа.

... 6 марта на рассвете жители села Новодевичье были разбужены оружейной стрельбой. Не успели люди понять, в чем дело, как в избы к беднякам и сельским активистам стали врывать в своих длинных тулупах чапаны с револьверами и винтовками. Избивая прикладами, они выгоняли мужчин, перепуганных женщин и детей на улицу, а оттуда вели на базарную площадь. В центре села, где обычно крестьяне решали на своих сходках общественные дела, на повозке стоял с раскрасневшимся от самогонки лицом мужчина средних лет в распахнутом чапане и высокой, лихо заломленной папахе.

Это был бывший царский офицер Долинин. Обращаясь к согнанным на площадь людям, он заявил:

— Власть коммунистов свергнута! Предлагаю всем мужчинам, способным носить оружие, вступить добровольно в ряды моей крестьянской армии. За оружие, мужики! Смерть продотрядовцам!

Кулаки только этого и ждали. Не надеясь, что ряды их пополнятся добровольцами, они насильно сгоняли под ружье крестьян и начинали охотиться за бойцами рабочих продотрядов, вылавливали и зверски расправлялись с ними.

Перебравшись по льду через Волгу, мятежники захватили город Ставрополь, где учинили кровавую расправу с коммунистами и советскими работниками. Ворвавшись в здание клуба коммунистов, они в ярости выбили там все стекла в окнах, облили стены керосином и подожгли здание. Захваченных врасплох коммунистов чапаны раздели догола и, связав им руки, по горло закопали в сугробах обледеневшего мартовского снега.

По приказу Долинина, ставшего комендантом Ставрополя, чапаны порвали все телеграфные провода, связывавшие город с Самарой, захватили телеграф, поставили возле каждого телеграфиста вооруженных бандитов. Восставшие немедленно связались с Уфой, где в то время находился адмирал Колчак, и со дня на день ожидали его прихода.

Долинину удалось сколотить отряд в две тысячи человек. Вооружившись винтовками и обрезами, а многие просто вилами и топорами, чапаны двинулись на Самару.

В Самаре был создан военно-полевой штаб, сформирован коммунистический батальон, который немедленно выступил, чтобы преградить путь мятежникам. Оставшиеся в городе коммунисты по два часа в день после работы занимались военной подготовкой. Железнодорожная линия, соединявшая станции Кинель и Батараки, по которой шли эшелоны с хлебом и войсками, была объявлена на осадном положении.

После моего выступления перед коммунистами 1-го городского района Самары с подробным рассказом о начавшемся мятеже, они все, как один, объявили себя мобилизованными и потребовали послать их на подавление мятежа.

Военными действиями по поручению военно-полевого штаба непосредственно руководил И. М. Швердин, помощник командира самарского рабочего полка, который насчитывал четыреста бойцов, в основном рабочих Трубочного завода. На разгром мятежников выступил также кавалерийский эскадрон.

На исходе дня 8 марта полк под командованием И. М. Швердина прибыл в село Курумоч, неподалеку от Ставрополя. Выслав вперед разведку, Швердин установил, что части чапанов расположились в селе Старая Бинарадка. На рассвете 250 бойцов самарского рабо-

чего полка ворвались в село, выбили оттуда кулаков и перешли в наступление.

На подмогу Шевердину губком выслал специальную агитаторскую группу, отобрав в нее лучших пропагандистов города. Среди них был молодой паренек Николай Кочкуров, ставший впоследствии известным советским романистом, писавшим под псевдонимом «Артем Веселый». Роман «Россия, кровью умытая» — одно из значительных его произведений.

После выступления нашего агитатора перед военнопленными мятежниками они направили в адрес губкома партии письмо, в котором заявили: «Мы шлем проклятие тем, кто обманым путем заставил нас совершить позорный поступок... Мы все хотим искупить свою вину перед рабочими и крестьянами-бедняками и просим отправить нас на фронт, драться с заклятыми врагами Советской власти».

Авантюра царского офицера Долинина длилась недолго. Так называемая «чапанная война» продолжалась всего семь дней.

Самарцы готовили удар Колчаку

Весной 1919 года над Самарской губернией нависла новая серьезная опасность. Адмирал Колчак, создавший с помощью империалистов Англии, Франции и Америки большую, хорошо вооруженную армию, захватил всю территорию Западной Сибири и под Уфой начал новое наступление. К середине апреля колчаковцы владели территорией в триста тысяч квадратных километров, что равнялось, например, всей территории Италии. Враг находился приблизительно в ста верстах от берегов Волги. Встречая ожесточенное сопротивление, он рвался к Самаре. В своих планах уничтожения Советской власти Колчак придавал большое значение захвату этого города.

Самарская губерния находилась на стыке важнейших коммуникаций, водных и железнодорожных путей сообщения. Она обеспечивала связь со Средней Азией и Уралом, Сибирью и нефтяными промыслами Баку. Поэтому контрреволюция бросила все силы для захвата такого стратегического плацдарма, каким была Самара.

«Все на разгром Колчака! — призывал народ ЦК партии большевиков. — Все на помощь Восточному фронту!»

К отражению опасного врага стали готовиться и мы, самарские большевики. Нас тогда в городе было более трех тысяч. Вся деятельность губкома и советских организаций Самары была подчинена теперь борьбе с Колчаком.

Повсюду шла запись добровольцев в Красную Армию. Более половины коммунистов города и губернии взялись за оружие. На митингах и собраниях рабочие заявляли о своей готовности немедленно вступить в Красную Армию, встать на защиту своего города.

— Не видать Колчаку берегов нашей Волги! — заявили на митинге рабочие Трубочного завода.

— Все на Восточный фронт! — было сказано и в постановлениях рабочих многих самарских заводов.

На заседании самарского губкома было принято решение организовать Первый коммунистический самарский полк. Части Красной Армии, находившиеся в Самаре, постоянно пополнялись коммунистами, губком партии много внимания уделял политической работе среди бойцов. По просьбе командующего 4-й армией Михаила Васильевича Фрунзе председатель Самарского губисполкома В. В. Куйбышев был назначен членом Реввоенсовета этой армии.

Самара снова стала прифронтовым городом, а вся губерния была объявлена на военном положении. Вокруг города шло строительство оборонительных рубежей. В эти полные тревог дни к нам, помню, пришел одетый в военную гимнастерку невысокого роста человек. Это был начальник 6-го полевого строительства Восточного фронта, военный инженер Дмитрий Михайлович Карбышев. Он обратился к нам за помощью. Ему нужны были рабочие и разные строительные инструменты — лопаты, кирки, ломы, а также повозки для ускорения оборонительных работ. Дмитрий Михайлович попросил у нас, кроме того, немного ситца, спичек и керосина.

На наш вопрос, зачем ему нужны ситец и спички, Карбышев ответил:

— Надо поощрять крестьян, которые хорошо работают.

Не раз еще Дмитрий Михайлович Карбышев обращался к нам за помощью, в которой мы ему никогда не отказывали, давали все, что могли.

Вскоре мы с ним сдружились, и я узнал, что он был подполковником царской армии и в числе первых перешел на сторону Советской власти.

Дмитрий Михайлович в свое время с отличием окончил военно-инженерную академию, проявил себя талантливым инженером, специалистом по строительству фортификаций. Участвуя в русско-японской войне, он был награжден пятью боевыми орденами. Перед первой мировой войной Дмитрий Михайлович строил два укрепленных форта Брестской крепости. Он был образованным человеком, остроумным собеседником и однажды сказал мне, что избранную им профессию фортификатора предопределила его фамилия. Он объяснил это так:

Н. Ленинъ.

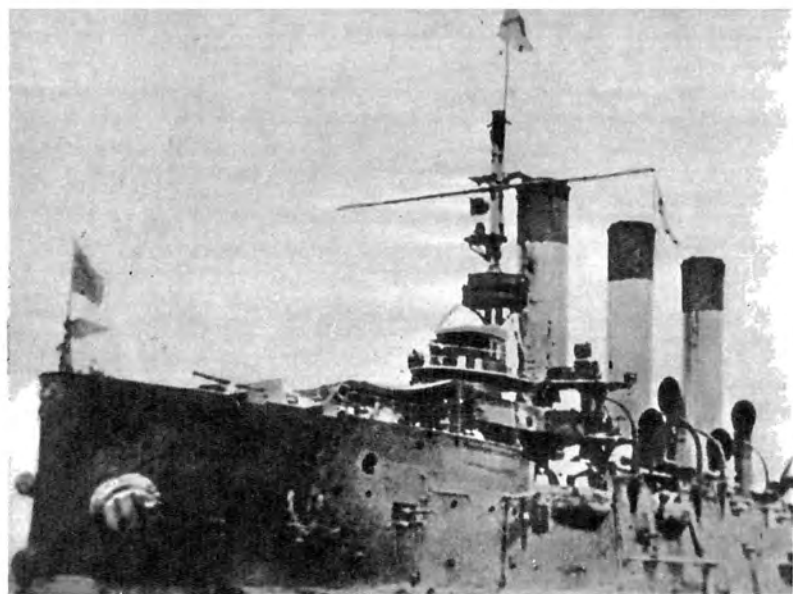
Къ лозунгамъ.

Цена 15 коп.

Издание Замоскворѣцкаго Комитета
Р. С. Д. Р. П.
М. Серпуховка 28. Тел. 5-65-35.

МОСКВА.
Издатель "ЗАРЯ" Солянка д. 8, Тел. 3-39-72.
1917 г.

Эту брошюру В. И. Ленина
«К лозунгам» раздавали
делегатам VI съезда
РСДРП(б).

Легендарный крейсер
«Аврора».

Театр «Олимп». Здесь
была провозглашена
Советская власть в
Самаре в октябре
1917 года.

Франциск Иванович
Венцек — председатель
ревтрибунала в Самаре.
Зверски убит
белогвардейцами в июне
1918 года.

КАЗАНСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ И ГОРОДСКОЙ СОВЕДЫ.

Он защищает Всемирный Социалистический Революционер

Он защищает Российский Советский Революционер

Он защищает Революционный Рабочий-Крестьянский Красный Армию

Радиограмма из Москвы:

САМАРА ВЗЯТА НАШИМИ ВОЙСКАМИ!

Пало осинное глыздо „учредительной“ контр-революции
и унесло с собою всю мерзость, обман и издѣватель-
ство над трудящимися массами!

**ВОЛГА ВОЯ ОЧИЩЕНА ОТ НАЙМИТОВ
АНГЛО-ФРАНЦУЗСКАГО КАПИТАЛА
НАСТАЛА ОЧЕРЕДЬ ЗА УРАЛОМ!**

Союзным рабочим и крестьянам:

МЫ ПОБЕДИМ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЮ!

Вопрос: Какими силами? Ответ: Красной Армией и Красным Флотом.

Листовка Казанского Совета рабочих и красноармейских депутатов о взятии Самары 1918 год.

Листовка Казанского
Совета рабочих и
красноармейских
депутатов о взятии
Самары. 1918 год.

Иосиф Галкин.

Костя Громов.

Женя Шнейдер.

Катя Бочкарева.

Члены агитаторской группы Самары. 1918 год.

Мария Оскаровна
Авейде — член
Самарского подпольного
комитета РКП(б). Вела
работу среди агитаторской
группы молодых
подпольщиков Самары.

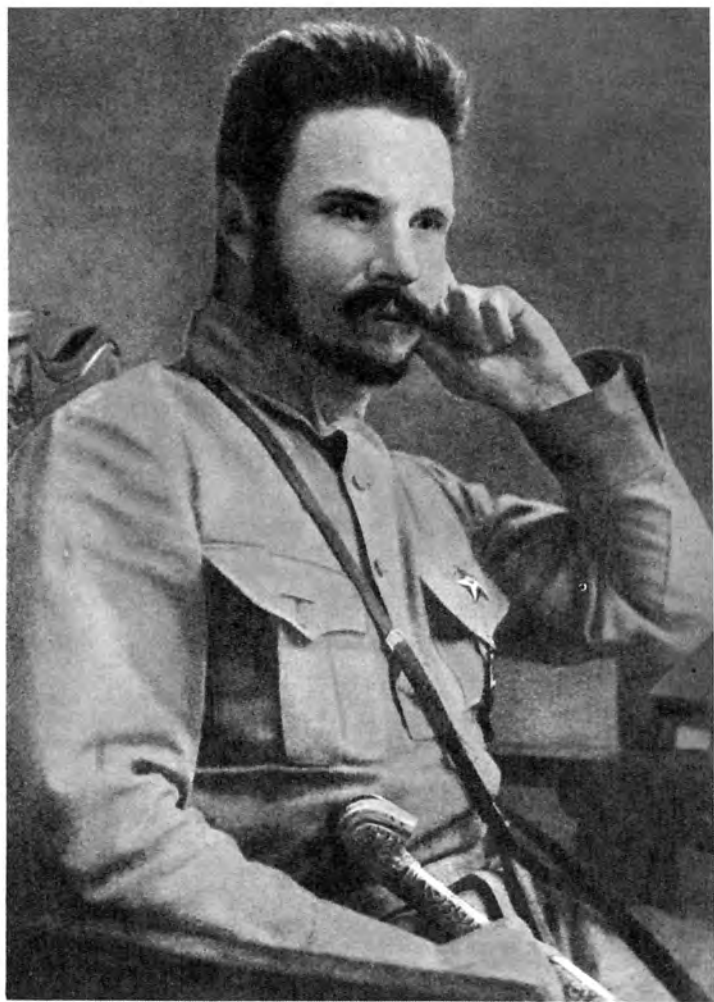

Гавриил Давыдович
Линдов — член
Реввоенсовета 4-й армии,
участник освобождения
Самары от белочехов.

Первый Самарский
Коммунистический полк.
Апрель 1919 года.

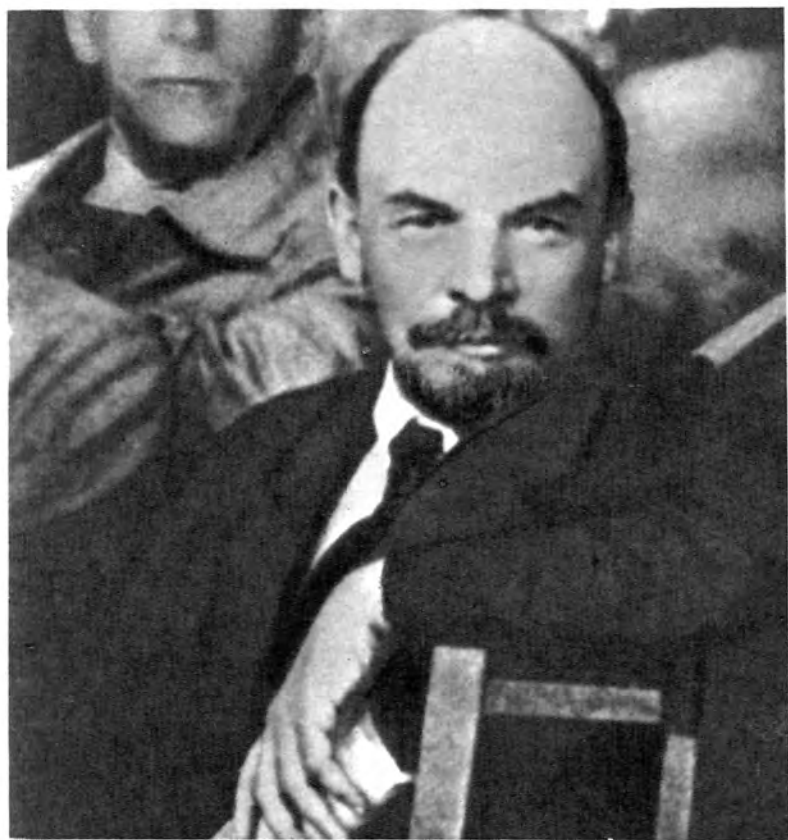
Михаил Васильевич
Фрунзе. 1919 год.

Глеб Максимилианович
Кржижановский
в Самаре.

Владимир Ильич Ленин выступает с балкона Моссовета на митинге протеста против убийства вождей германского пролетариата К. Либкнехта и Р. Люксембург. Москва, 19 января 1919 года.

Владимир Ильич Ленин. Снимок сделан во время
X Всероссийской конференции РКП(б) (фрагмент).
Москва, май 1921 года.

Надежда Константиновна
Крупская в первые годы
Советской власти.

Анатолий Васильевич
Луначарский — народный
комиссар просвещения.

Обложка книги
Ю. К. Милонова
«Революция в технике».

Юрий Константинович
Милонов на заводе имени
А. А. Масленникова
(бывшем Трубочном).
Куйбышев, 1967 год.

— «Карбыш» по-татарски означает «крот». А крот, как известно, все время роет лапами свою норку.

Тяжело и горько было узнать, что в годы Великой Отечественной войны этот прекрасный человек был зверски замучен фашистами. Они в лютый мороз вывели его на площадь концлагеря и начали из шланга поливать холодной водой до тех пор, пока он не превратился в ледяную глыбу. Но смерть свою генерал Карбышев встретил геройски, как истинный патриот Родины.

По плану товарища Фрунзе

В комнате у прикрепленной к стене оперативной карты стоял М. В. Фрунзе и подробно объяснял нам, собравшимся на секретное заседание, план будущей Бугурусланской военной операции, положившей начало разгрому Колчака. С Михаилом Васильевичем Фрунзе я познакомился в конце января 1919 года, сразу после того, как он прибыл в Самару. Он был обаятельным человеком, производил незабываемое впечатление на каждого, кто встречался с ним.

Со слов Валериана Владимировича Куйбышева мы знали его легендарную биографию и глубоко уважали Михаила Васильевича, как видного деятеля партии, участника революционного движения. Несмотря на все пережитое, он сохранил жизнерадостность и доброту, отзывчивость и мягкую улыбку. А ведь за свои неполные тридцать три года он около восьми лет провел на каторге. Дважды был приговорен царским судом к смертной казни. Будучи еще студентом Петербургского политехнического института, М. В. Фрунзе начал бороться с царским самодержавием. Он становится опытным подпольщиком «Арсением», руководителем иваново-вознесенских рабочих, участником знаменитой первомайской массовой на берегу реки Талки в 1905 году.

Когда за участие в первой русской революции царский суд приговорил М. В. Фрунзе к смертной казни, он в камере смертников продолжал читать английские книги и учить грамматические правила итальянского языка. Смертная казнь была заменена каторгой. Но где бы ни был Михаил Васильевич — в тюрьме, ссылке или на каторге, он не прекращал готовиться к грядущим революционным битвам: изучал военное дело, историю военного искусства и особенно труды немецкого военного теоретика Клаузевица.

По плану, который докладывал Фрунзе, войска Красной Армии должны были продолжать отступление и тем самым создать у противника впечатление, что они совсем уже выдохлись и не способны

отразить натиск неприятельских сил. Михаил Васильевич важное место отводил самарскому сводному полку, предназначенному для лобового удара, а дивизия под командованием В. И. Чапаева, находившаяся в Бузулуке, получила задание одновременно ударить с тыла в левый фланг противника. Удар должен был быть нанесен в тот момент, когда в заволжские степи приходит весна, тает снег, вскрываются реки. Земля в это время становится рыхлой и вязкой, дороги размыты, а ручьи и овраги бурлят весенним половодьем.

Предвкушая легкую и скорую победу, колчаковцы по размытым весенней распутицей дорогам продвигались к Самаре. И чем дальше они месили грязь, тем больше тратили сил.

Белогвардейцы находились в сорока верстах от Самары. Генералы и офицеры ждали того мгновения, когда перед ними засверкают золотые купола городских церквей, покажутся кроны деревьев Струковского сада, высокий городской элеватор. «Осталось,— думали они,— сделать только один бросок, и мы — у цели...»

В тот самый момент, когда колчаковцы уже чувствовали себя победителями, в головную колонну их войск внезапно, со стремительной силой врезался наш сводный самарский рабочий полк. Завязался тяжелый кровопролитный бой. В этот момент командир самарского рабочего полка, бывший царский офицер, перешел на сторону колчаковцев. Но тут, как рассказывали участники этого яростного сражения, они услышали звонкий голос комиссара полка И. С. Башаева, взявшего командование полка на себя.

— За мной, товарищи самарцы! Вперед! — приказал он и, сорвав с головы безкозырку, подбросил ее в воздух, да так, чтобы все видели.

Лихой матросский жест воодушевил бойцов, и они рванулись вперед, обгоняя своего бесстрашного комиссара.

Враг не ожидал такого натиска, он не выдержал удара красных бойцов и обратился в бегство. Тут-то и сыграли свою роль весенняя распутица и бездорожье, на которые и рассчитывал товарищ Фрунзе. Колчаковские войска увязали в грязи, в панике бросали пулеметы и пушки, оставляли обозы. В тыл им ударила знаменитая 25-я дивизия В. И. Чапаева.

Враг, ошеломленный и духовно сломленный, покатился на Восток. За две недели непрерывных боев Красная Армия разбила три белогвардейских корпуса и продвинулась вперед на 150 верст.

Колчаковцы уже не могли остановиться, и Красная Армия гнала их до самого Омска.

В мае 1919 года вся территория Самарской губернии была полностью очищена от врага. И на этот раз навсегда.

Первые энтузиасты покорения Волги

Однажды к председателю губернского совнархоза Г. С. Соколову явилась группа инженеров, чтобы изложить ему смелую, годами выношенную идею покорения Волги и строительства на ней гидроэлектростанции. Среди пришедших молодых инженеров были путейцы К. В. Богоявленский и А. Ф. Лениников, горняк А. В. Богоявленский, электрик М. И. Гаврилов и энергетик, окончивший Петербургский электротехнический институт, Е. В. Лукьянов.

Я уже рассказывал о моем давнем увлечении техникой и особенно ее историей. Поэтому на обсуждение проекта строительства гидроэлектростанции пригласили и меня. Проект заинтересовал и увлек нас необычайно. Предложение группы инженеров показалось дельным и Г. С. Соколову, большевику с 1903 года, одному из строителей знаменитого Трубочного завода.

Беседа с инженерами затянулась; мы тщательно взвешивали перспективы проекта, идея которого зародилась давно и даже имела свою историю.

... Волга — самая большая река Европы. Ее длина — почти четыре тысячи километров, а вместе с притоками это составит более чем восемьдесят три тысячи километров. Если взглянуть на географическую карту России с высоты птичьего полета, то бассейн Волги простирается перед нашим взором в виде большого развесистого дерева, ветви которого раскинулись на тысячи километров каждая. Территория, по которой протекает Волга, в два раза больше таких стран, как Германия и Франция, вместе взятые.

«Главной улицей России» зовут эту удивительную реку. Начинается ее течение от маленького прозрачного ключа у деревни Волго-Верховье Тверской области. Течет Волга почти через всю Россию с севера на юг, разливаясь все шире и шире, пока ее пресные воды не сольются с каспийскими солеными. На приволжских землях проживает почти одна четверть населения нашей страны, для которых Волга издавна была и осталась рекой-кормилицей.

Случаются, однако, времена, когда на приволжские земли приходит беда, и Волга оказывается бессильной, не может помочь человеку, не может выручить крестьянина. Это происходит тогда, когда из среднеазиатских пустынь начинает дуть злой суховей.

Страшная пора наступает на Волге. Летнее голубое небо становится сизо-серым, пыль, тучей подымаясь к небу, заслоняет солнце, и люди говорят: «Мгла пришла». Столбы пыли, проносясь по заволжским степям, несут смерть и гибель всему растущему. Жара до-

стигает пятидесяти градусов, и людям становится трудно дышать, птицы, еле двигая крыльями, мечутся с раскрытыми клювами над почерневшей степью в поисках питья и пищи.

Длится сухой всего два-три дня, но этого достаточно, чтобы выращенная трудом земледельца пшеница превратилась в сухую солому.

Давно уже ученые, инженеры и полеводы задумывались над тем, как отвести эту напасть, как преградить путь суховеям? И они поняли: помочь волжской земле можно только, прорыв на полях сеть каналов и наполнив их водой из Волги.

Мысль правильная, но как ее осуществить?

Приволжские земли лежат значительно выше уровня реки, и для того, чтобы напоить их, надо создать искусственное водохранилище и таким образом поднять уровень воды в Волге.

Где взять для этого энергию? Строить электростанции на привозном угле — очень дорогая затея, она не скоро окупится. Самый верный выход — перекрыть Волгу плотиной, построить гидроэлектростанцию, турбины которой приводились бы в движение силой падающей волжской воды. Еще в 1910 году эту идею высказал талантливый инженер К. В. Богоявленский. Сам волжанин, родившийся в Самаре, Константин Васильевич пешком исходил берега Волги, подолгу задумывался, сидя на каменном утесе возле Жигулей.

Он знал наизусть весь путь, по которому ровной широкой полосой текла голубая река, и лишь между Ставрополем и Самарой она резко меняла направление, сворачивала сначала на восток, потом на запад, образуя в этом месте дугу, названную Самарской Лукой.

«Нельзя ли,— подумал молодой инженер,— выпрямить Волгу? Взять и построить на Самарской Луке гидроэлектростанцию? Тогда сразу можно будет решить несколько важных задач: получать электроэнергию и укоротить судоходный путь. Вместо того чтобы 160 верст плыть вокруг Жигулей, пароход обогнет Жигули по реке Усе, проделав всего лишь 30 верст».

К. В. Богоявленский еще до революции сделал все расчеты, разработал проект и принес его на рассмотрение в «Русское общество инженеров». Но там не поддержали этой революционной технической идеи.

Пример бескорыстия

В комнате горела маленькая электрическая лампа, за окном стояла непроглядная мгла, а мы как зачарованные слушали увлекательный рассказ молодых инженеров и уже видели перед собой залитую яркими электрическими огнями Самару, слышали веселый ритм машин, работавших на электроэнергии Волжской ГЭС. Трудно было не вдохновиться смелой, скажу прямо, по тем временам дерзкой идеей, и мы стали помогать нашим землякам.

Инженеры, назвавшие себя «Комиссией по электрификации реки Волги в районе Самарской Луки», оказались скромными, бескорыстными людьми; они просили помочь им материалами и выделить деньги для оплаты рабочих, проводивших топографические и буровые работы.

В Самаре в тяжелом 1919 году были закрыты многие предприятия, а некоторые, действовавшие, работали в половину своей мощности. Плохо обстояло дело с жилищами для рабочих, не хватало школ, больниц, население города испытывало нужду и голод. Рабочие получали 200 граммов хлеба в день.

Трудно было всем.

Мы понимали, как важна и грандиозна задача, выдвинутая молодыми инженерами. В их проектах и планах виделось будущее экономическое развитие всего Поволжья, Самары и других городов и сел губернии. И как ни трудно нам было, мы не могли отказать энтузиастам в помощи и предложить им отложить свой проект до лучших времен. Поэтому им было выделено на доработку проекта гидроэлектростанции 73 тысячи рублей.

Обсуждая с инженерами всякие подробности, я все время ждал, когда же они заговорят об оплате их собственного труда. Они говорили обо всем, предусмотрели каждую мелочь. Но ни одним словом не обмолвились о получении ими зарплаты. Я выжидательно смотрел на К. В. Богоявленского. Он понял мой немой вопрос и сказал без всякой рисовки:

— Мы отказываемся от оплаты нашего труда. Будем работать бесплатно...

Не скрою, мы были восхищены и глубоко взволнованы таким ответом.

Губернский комитет партии решил привлечь внимание населения Самары и всей губернии к проекту строительства гидроэлектростанции на Волге. Важно было показать людям, как за трудностями и невзгодами сегодняшнего дня встают контуры будущего, во

ия которого мы призывали к борьбе и труду, к жертвам и подвигам.

Мы мобилизовали наших лучших агитаторов и пропагандистов и пошли к народу, на заводы и фабрики города, где выступали с докладами и лекциями, рассказывая о будущем нашего края.

В декабре 1920 года на VII Самарском губернском съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов я выступал с докладом на тему: «О восстановлении промышленности и роли Самарской губернии в общей системе народного хозяйства республики». В нем я большое место уделил строительству электростанции на Волге, которая позволит широко использовать еще скрытые богатства нашего края.

— Наша Самарская губерния, — напомнил я, — богата залежами торфа и сланца, для использования которых нужно много электроэнергии. Гидроэлектростанция позволит создать в наших местах большие сельские хозяйства и систему орошения полей, на которых будут произрастать в любых погодных условиях рожь и пшеница. Рядом с этими хозяйствами вырастут заводы сельскохозяйственного машиностроения, молочные и маслобойные предприятия.

Я остановился в своем докладе и на такой тогда еще совсем не затронутой, но важной проблеме, как охрана природы, и призывал насаждать в наших краях новые молодые леса, сильно вырубленные в годы топливного кризиса.

Когда в газетах была опубликована информация о строительстве гидроэлектростанции, план этот встретил горячую поддержку в народе. С мест стали поступать письма, в которых назывались все новые и новые кладовые богатств Самарской губернии. Помню письмо, полученное от крестьянина деревни Русская Селитьба Ивана Григорьевича Никулина. Он сообщал, что ему «известно в Самарской губернии местонахождение пластов соли и нефтяной источник. Нефтяной источник находится в шести-семи верстах от деревни Раковка, — писал он. — Могу в любое время указать место этого источника».

Самарский совнархоз обратил внимание на это письмо и тут же предложил волостному исполкому «... ввиду важного государственного значения подобных открытий, разрешить Никулину производить в пределах волости и селениях поисковые работы и оказывать ему всяческое содействие».

Инженер Кржижановский и архиепископ Симеон

Мне было известно, что Глеб Максимилианович Кржижановский принадлежит к числу тех большевиков, которые вступили на путь революционной борьбы еще в конце прошлого века, что он был членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», является личным другом В. И. Ленина и находился с ним в далекой сибирской ссылке. Вот почему, когда Глеб Максимилианович появился у нас в губкоме, я очень обрадовался возможности с ним познакомиться лично. Он был по-юношески строен, с тонкими чертами несколько удлиненного лица. Весь облик его — высокий лоб, живые внимательные глаза — делал Глеба Максимилиановича чем-то похожим на великого итальянского ученого Галилео Галилея.

В Самару Кржижановский приехал по личному поручению Владимира Ильича Ленина, в связи с работой над планом электрификации России, который тогда составлялся.

Я рассказал приехавшему гостю о наших самарских инженерах-энтузиастах и об их идее покорения Волги.

Оказалось, что Г. М. Кржижановский сам коренной самарец, окончил в нашем городе реальное училище. Работая потом начальником железнодорожного депо, он выполнял важные партийные поручения, был руководителем искровского центра в Самаре.

Став инженером, Глеб Максимилианович совершенно самостоятельно выступил с идеей строительства на Самарской Луке гидроэлектростанции. Но это, как оказалось, задевало интересы владельца земель на Самарской Луке графа Орлова-Давыдова. Поэтому помещики и духовенство разом восстали против проекта Кржижановского.

Недавно в архиве было обнаружено письмо самарского архиепископа Симеона, в котором он писал графу Орлову-Давыдову: «На ваших потомственных исконных владениях прожектеры «Самарского технического общества» совместно с богоотступником инженером Кржижановским проектируют постройку плотины и большой электростанции. Явите милость, Ваше сиятельство, своим прибытием сохранить божий мир в жигулевских владениях и разрушить крамолу в зачатию».

Тогда мы не знали этого письма, но Глеб Максимилианович, выслушав мой рассказ о самарских инженерах и о трудностях, с которыми они раньше встречались, заметил:

— Колесо истории остановить нельзя. И повернуть его вспять никому не удастся. Революцию в общественной жизни и революцию в технике остановить невозможно, за ними завтрашний день...

После разговора в губкоме партии Г. М. Кржижановский вместе с женой Зинаидой Павловной и инженером Е. В. Лукьяновым совершил поездку по Волге, осмотрел предполагаемую площадку для строительства гидроэлектростанции и поспешил вернуться в Москву. Там ему предстояло выступить на VIII Всероссийском съезде Советов с историческим докладом о Государственном плане электрификации России, получившем в народе название ГОЭЛРО. Владимир Ильич Ленин, подчеркивая значение этого плана, назвал его второй программой партии.

Я тоже был избран делегатом на VIII Всероссийский съезд Советов, но присутствовать на нем мне, к сожалению, не пришлось. В губернии кулаки вновь стали призывать крестьян к бунту против Советской власти. Надо было срочно выехать на место.

Однако я внимательно следил за работой съезда Советов, читал газеты, в которых подробно описывалось, как в холодном, плохо освещенном зале Большого театра делегаты съезда сидели в теплых пальто, ватниках и валенках, и заворуженно слушали о том, что Россия вскоре покроется сетью электрических станций, и электрический свет осветит каждую крестьянскую избу, даст тепло и энергию заводам и фабрикам, создаст возможность совершить коренную реконструкцию промышленности, развить народное хозяйство страны.

Великий план электрификации страны вселил надежду и в сердца самарцев. Мы верили, что придет день, и дерзкий проект инженеров-энтузиастов воплотится в жизнь, у Самарской Луки будет сооружена гидроэлектростанция, которая превратит нашу Волгу-матушку в реку-труженицу.

Все лучшее — детям!

На узловую станцию Самара-пассажирская днем и ночью прибывали переполненные народом поезда. Отсюда они направлялись на Урал, в Сибирь, в Среднюю Азию. Места в каждом прибывшем поезде буквально штурмовали голодные и измученные толпы людей. Потерявшие надежду втиснуться в вагон, взбирались на его крышу, стояли в тамбуре или висели на ступеньках. Все стремились попасть в глубинные края России, где надеялись обменять одежду на хлеб, пшено или хотя бы на жмых.

Больней всего было смотреть на детей, потерявших во время войны родителей, лишенных семейного очага, ставших бездомными и беспризорными. Как воробы, они пристраивались сверху или в ящи-

ках вагонов, находили любую щелочку и, забравшись туда, разъезжали из одного конца страны в другой.

Ребята стремились в теплые места Средней Азии, в Ташкент, о котором рассказывались легенды, как о городе хлебном и сытом. Очень часто беспризорники попадали под влияние хулиганов и воров, вовлекавших детей в свои шайки и вооруженные банды.

Детей этих надо было снять с поезда, отправить в специально оборудованный банный вагон, накормить и определить в детские дома.

Решением губкома партии устройство беспризорников было поручено заведующему отделом народного образования В. Д. Сокольскому, члену губкома.

...Трудно передать мое волнение, когда впервые я пожал руку Владимиру Дмитриевичу. Передо мной был легендарный «товарищ Борис» — один из организаторов Новороссийской республики.

После падения республики В. Д. Сокольскому удалось скрыться в Иране, где в городе Энзели он преподавал русский язык. После Февральской революции вернулся в Россию, некоторое время работал в Баку, вел борьбу с мусаватистами — азербайджанскими националистами. В начале 1919 года Владимир Дмитриевич во главе продотряда отправился в район добывать хлеб для рабочих Баку. В пути на отряд напали кулаки, завязался бой, в котором Сокольский был тяжело ранен. Едва поднявшись с постели, Владимир Дмитриевич приехал на лечение в Самару, где работал его брат Леонид.

В. Д. Сокольский теперь целиком посвятил себя созданию новой советской школы, для которой сам писал программы по различным предметам, подбирал учителей, готовых сотрудничать с Советской властью.

Много души и заботы отдавал он беспризорным детям. Ему удалось сплотить вокруг себя группу педагогов-сподвижников, привлечь ряд работников Отдела народного образования и воодушевить всех на это благородное дело. Такими энтузиастами педагогами были Полина Петровна Шнейдер, Екатерина Ивановна Ширяева, Лилия Осиповна Александровская.

Недалеко от Самары, на берегу Волги, в густом сосновом бору находились дачи сбежавших самарских купцов и промышленников. Место это называлось «Красная глинка», и дачи здесь были добротные, построенные одна другой богаче. Губернский отдел народного образования использовал их по постановлению губисполкома под детские дома. В них детям были созданы все условия для нормальной жизни и обучения. Строго выполнялся декрет Совнаркома,

подписанный Лениным, согласно которому продовольственный паек для детей был увеличен до пайка взрослого рабочего. Полина Петровна и Лилия Осиповна, бывало, приходили и требовали положенные им продукты: картофель, муку для болтушки и чтобы обязательно была «пшша», как в то время называлось пшено, а также полная норма конопляного масла. И если, бывало, мы не сразу могли удовлетворить эти требования, они с укором напоминали нам:

— Вы забываете указания товарища Ленина: «Все лучшее — детям!».

Екатерина Ивановна и Лилия Осиповна однажды обнаружили в подвале какой-то аптеки бочку рыбьего жира. Как же они обрадовались!

По утрам все воспитанники детского дома выстраивались на линейке, и Екатерина Ивановна деревянной ложкой подносила каждому положенную ему порцию рыбьего жира, а изголодавшиеся ребята с удовольствием проглатывали это лекарство.

Трудно было накормить ребят, но еще труднее было их одеть.

И тогда наши активистки обратились к самарским женщинам с призывом: «Помогите одеть беспризорных детей!»

Помощь эта не заставила себя долго ждать. Трудящиеся женщины, сами терпевшие нужду, приносили белые простыни, цветастые наволочки, а то и одежду, оставшуюся после убитого на фронте сына или мужа.

Перекрасив материал в синий цвет, а часто оставив его белым, женщины-воспитательницы шили для детдомовцев специальную форму: синие трусы и белые рубашки.

Приезд коминтерновцев

В июле 1920 года губкому стало известно, что в Самару прибывают гости — делегаты Второго конгресса Коминтерна. Перед открытием заседаний конгресса их решили познакомиться с жизнью тружеников Советской России.

6 июля к самарской пристани причалил пароход «Белинский» с группой делегатов — коминтерновцев, представлявших одиннадцать стран. Сопровождал иностранных гостей видный деятель международного профсоюзного движения С. А. Лозовский. На пристани коминтерновцев встречали трудящиеся города Самары, рабочие предприятий, молодежь. Красноармейский оркестр заиграл «Интернационал», и его подхватили все, кто собрался на берегу Волги, — гости и хозяева. Пролетарский гимн пели на русском, французском, итальянском и немецком языках.

Гости были искренне взволнованы такой встречей. Перед самарцами выступил французский коммунист Марсель Кашен. Он был среднего роста, с длинными усами, на вид лет пятидесяти, но уже седой. Сразу обращало на себя внимание его приветливое лицо и добрые глаза. Марсель Кашен стал впоследствии одним из ведущих деятелей Французской коммунистической партии и ее главой, директором газеты «Юманите». Он был первым во Франции сенатором-коммунистом, избранным рабочими.

— Мы, французские коммунисты,— сказал он,— потомки парижских коммунаров, выражаем свое искреннее восхищение героизмом и стойкостью русского пролетариата, которые он показал в своей справедливой борьбе.

Рядом с Кашеном стоял молодой мужчина в военном френче и желтых крагах, с явной офицерской выправкой. Это был Жак Садуль, в недавнем прошлом сотрудник военного ведомства Франции и атташе при французской военной миссии в Петербурге. Знакомство с Лениным оказало на него сильное влияние, и молодой офицер проникся верой в идеи Великого Октября. Он отказался служить в рядах французской армии и добровольно вступил в Красную Армию. Французское правительство заочно приговорило Жака Садуля к смертной казни.

— Вив революсион рюс! (Да здравствует русская революция!) — крикнул на родном языке Жак Садуль.

— Ура! — раздалось в ответ.

Затем гости осматривали город, побывали на элеваторе, в то время самом высоком сооружении Самары. После этого на том же пароходе «Белинский» они отправились на «Красную глинку», чтобы посмотреть, как живут в детских домах бывшие беспризорники.

Когда пароход «Белинский» пришвартовался к пристани, там уже выстроилась целая колонна ребят. Дети были босы, но их тщательно вымытые в реке ноги отливали бронзовым загаром. На ребятах были синие длинные, до колен, трусы и белые с отложным воротником рубашки. Впереди всех двенадцатилетний мальчуган гордо держал в руке трепетавший на ветру красный флаг.

Не успели делегаты сойти на берег, как раздалась дружная детдомовская песня:

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Кую мы к счастью ключи,
Вздымайся выше наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи...

Дети плотной гурьбой обступили гостей.

Они стали дарить им сделанные своими руками подарки — тряпочные куклы, выпиленные лобзиком ажурные дощечки, а де-

вочки преподнесли каждому делегату свежую, собранную утром лесную землянику.

Особую симпатию ребят завоевал Марсель Кашен. Они окружили его и долго не отпускали от себя.

Вечером детдомовцы провожали гостей обратно в Самару.

Пароход уже отплыл от берега, а над Волгой все еще слышна была звонкая песня:

Мы кузнецы страны рабочей,
Мы только лучшего хотим,
И ведь недаром мы тратим силы,
Недаром молотом стучим...

Рабкрин — слово, рожденное революцией

Он стоял передо мной с опущенной головой, глубоко огорченный, и молча протягивал мне запечатанный конверт с краткой надписью: «В губком, товарищу Милонову». В конверте находилась записка, говорившая, что «Съезд металлистов Самары выражает губкому возмущение присылкой в качестве своего представителя второстепенного работника в полудетском возрасте... Мальчик не виноват — его послали, и он выполнил свое дело».

Мальчиком этим был Иван Курицын, которого я давно и хорошо знал. Он появился в губкоме весной двадцатого года, и, несмотря на разницу в возрасте — Ваня был на восемь лет моложе меня, — мы с ним быстро сошлись и подружились. Иван был невысокого роста, худенький и всем своим обликом напоминал тринадцати-четырнадцатилетнего подростка. Но человеком он оказался смекалистым, горячо гнался к знаниям, что больше всего мне в нем нравилось. Я взял над ним шефство, помогал советами, снабжал нужными книгами, всячески поощрял его любовь к чтению.

Шесть месяцев Иван Курицын учился в самарской совпартшколе, которая давала необходимые партийным работникам знания. После ее окончания он был направлен на работу в Самарский губком партии инструктором.

И вот он стоит передо мной, ожидая упрека или крепкого нагоняя. Но я решил разобраться, что же произошло на съезде? Чем провинился Иван Курицын?

В те годы работники губкома очень часто выступали с докладами перед рабочими и крестьянами, произносили речи на митингах и съездах, где первым пунктом повестки дня обязательно стоял вопрос «О текущем моменте». Докладчик должен был рассказать о важней-

ших событиях, происходивших в стране и во всем мире, доложить о положении на фронтах гражданской войны и о борьбе с голодом. Если выступивший говорил откровенно, не обходил острые, наболевшие вопросы, успех ему был обеспечен.

Губком партии, придавая большое значение съезду металлистов, большая часть делегатов которого были рабочие Трубочного завода, послал туда своего представителя. Строго говоря, выступить на таком съезде должен был либо сам председатель губкома партии, либо председатель губернского исполкома Совета рабочих депутатов. Но кто-то решил послать докладчиком на съезд Ивана Курицына, не имевшего еще достаточного опыта выступлений перед такой большой и серьезной аудиторией.

Иван понимал всю важность этого поручения. Он серьезно готовился к докладу, прочитав конспекты лекций, сохранившиеся у него со времен учебы в совпартшколе. И вот он взошел на трибуну съезда и стал оглушать своих слушателей громкими фразами. С неподдельным пафосом громил он мировой капитал и с искренней уверенностью предсказывал неизбежную его гибель уже в ближайшем времени, как и окончательную победу революции во всем мире.

Делегаты терпеливо слушали оратора. Никто до конца доклада не перебивал его ни репликами, ни аплодисментами. Ивану не было задано ни одного вопроса, и он был очень рад этому. «Вот как я все здорово им объяснил,— гордо подумал Курицын.— Всем все ясно, никому ни о чем и спрашивать не понадобилось».

Когда же он сошел, наконец, с трибуны, председатель съезда дал ему конверт, который просил передать губкому...

Я не стал упрекать Курицына, так как понял, что он был не виноват в том, что произошло.

— Запомни, Ваня,— спокойно сказал я своему оробевшему другу,— перед рабочими никогда не следует щеголять книжным языком.

Я надел пальто и немедленно отправился на съезд металлистов.

— Товарищи! — обратился я к делегатам с трибуны съезда.— Прошу извинить губком партии за неудачное выступление молодого оратора. Даю вам слово, что больше такое не повторится.

После обстоятельного доклада делегаты буквально забросали меня вопросами, долго не отпуская с трибуны.

Случай с Ваней Курицыным лишний раз показал нам, как молодежи надо много и упорно учиться. После победы революции в партию влилась целая армия замечательных юношей и девушек. Они героически сражались на фронтах гражданской войны, работали в продотрядах и рядах ЧОНа, не раз доказывали свою преданность идеям революции и Советской власти. На новом этапе, когда гражданская война окончилась и наступила пора большой, упорной и будничной работы,

одной храбрости и отваги было уже недостаточно. Теперь молодежи нужно было как можно больше знаний.

Двадцатые годы вошли в историю нашего Советского государства не только победой в гражданской войне, переходом к мирному строительству, но и началом культурной революции. В русской речи появились новые слова, которых не найти было ни в одной энциклопедии: «ликбез», «рабфак», «Рабкрун».

Тогда-то и был открыт в Самаре Рабоче-крестьянский коммунистический университет, сокращенно названный «Рабкруном». В нем молодые большевики получали всесторонние и глубокие знания, повышали свою культуру, что помогло им впоследствии стать умелыми партийными, советскими работниками, крупными хозяйственниками.

С книгой и вышивкой

Осенью 1920 года в газете «Коммуна» на первой полосе было сообщено об организации в Самаре «Рабоче-крестьянского коммунистического университета». В сообщении излагались цели университета, его программа.

Не трудно было сообщить об организации университета, значительно трудней оказалось начать в нем занятия. Все приходилось начинать на голом месте. Ни опыта, ни традиции в этом деле не было. Разработка программы лекций, подбор преподавателей и лекторов — все пришлось делать самостоятельно. Я по совместительству был назначен ректором университета, и огромная доля этой тяжелой работы легла на мои плечи. Мне, конечно, много и энергично помогали другие товарищи: заведующий Губернским отделом народного образования Романовский, а также назначенный заведующим учебной частью Рабкруна товарищ Павлюкевич. Среди преподавателей были большевики с дореволюционным стажем, проходившие курс науки в камерах московской Бутырки, в одиночках петербургских «Крестов» или в далеком и холодном «нарымском университете».

16 января 1921 года, ровно в девять часов утра двери самарского Рабоче-крестьянского коммунистического университета были открыты, и триста студентов заполнили его большую аудиторию в здании бывшего коммерческого училища. Первую лекцию — «Программа Российской коммунистической партии большевиков» прочитал я, как ректор и председатель педагогического совета Рабкруна.

Многим преподавателям Рабкруна удалось стать подлинными

«властителями дум» молодежи. Таким был, например, товарищ Павлюкевич.

Заведуя учебной частью, он одновременно читал курс математики. Обычно курс этот представляется студентам чем-то сухим и скучным, но Павлюкевич читал его с таким блеском, что самые трудные математические формулы оказывались увлекательными и понятными.

Любимцем рабкруновцев был и товарищ Гинзбург, прекрасный знаток политэкономии и блестящий лектор.

Пришлось и мне взяться за преподавание. Я читал лекции на такие темы: «Программа РКП(б)», «Введение в изучение экономики», «Организация личности работника».

Много трудностей пришлось преодолеть нашему новому детищу. Надо было не только найти подходящее помещение для университета и общежития, но и обеспечить их топливом, организовать питание. Мы добились, что каждый студент получал в день по 200 граммов хлеба и миску пшенной каши.

Хуже обстояло дело с отоплением. Замерзшие водяные радиаторы вынудили обзавестись «буржуйками», как тогда назывались маленькие железные печи. Накалялись они быстро, но так же быстро и остужались. К утру в комнатах температура падала чуть ли не до нуля.

Добрым словом хочется вспомнить нашего завхоза товарища Бузицкого. Он как о родных детях заботился о рабкруновцах.

Наши студенты принялись за науку с большим энтузиазмом и прилежанием.

Они работали по четырнадцать часов в сутки. После окончания занятий студенты спускались к себе в общежитие, расположенное в полуподвальном этаже, и долго вели там горячие споры и диспуты, обсуждая материал лекций.

«Жизнь воспитывает лучше, чем отвлеченная теория», — говорит древняя мудрость. Поэтому мы проводили со студентами беседы после лекций и практические занятия по вечерам. Помню, какой живой интерес рабкруновцев вызвало сообщение, что на Волге предполагается построить гидроэлектростанцию. Перед ними выступил Е. В. Лукьянов с рассказом о проекте строительства, а К. В. Богоявленский совершил с рабкруновцами экскурсию на место, где предполагалось воздвигнуть мощную ГЭС.

Мы стремились к тому, чтобы наши студенты стали впоследствии активными пропагандистами и участниками строительства на Самарской Луке.

Студенты Рабкруна были одновременно и самой дисциплинированной воинской частью города Самары, бойцами отряда особого назначения.

Каждому из них была выдана винтовка с полным комплектом боевых патронов. В распоряжении отряда имелись и два станковых пулемета.

Один день в неделю отводился изучению военного дела. Это им очень пригодилось.

В начале весны 1921 года кулаки Тамбовской губернии, руководимые эсером Антоновым, подняли мятеж против Советской власти.

Происходило это недалеко от нас, и существовала опасность, что мятеж, как и во время «чапанной войны», может перекинуться на территорию Самарской губернии. Занятия в университете временно прекратились. Все рабкруновцы, бойцы отряда особого назначения, были направлены в угрожаемый район, чтобы при необходимости дать отпор мятежникам. Вместе с винтовками рабкруновцы несли в своих походных мешках кто грамматику русского языка, кто учебники по физике и химии, а кто произведения Льва Толстого и Пушкина.

Участвовали наши студенты и в работах по восстановлению разрушенного гражданской войной городского хозяйства. Каждую неделю они выходили на субботники, и это стало их непременным долгом.

Рабкруновцы расчищали от заносов и наледи железнодорожные пути, разгружали вагоны и баржи, получая после работы по сто граммов хлеба. Об участии в субботнике и получении пайка — 100 граммов хлеба — делалась отметка в комсомольском билете.

Трудно было всем.

Преподаватели читали лекции в холодных аудиториях, не снимая пальто или шинель, у слушателей стыли руки, а в чернильницах-непроливайках замерзали чернила. Но я не могу вспомнить ни одной жалобы, ни одного недовольного слова как со стороны рабкруновцев, так и преподавателей. Все переносили голод и холод мужественно и стойко.

Молодежь, конечно, больше всего нуждалась в одежде. А одеты ребята были плохо.

Многие из них донашивали старые, вылинявшие гимнастерки, латанные и перелатанные брюки. Сапоги и ботинки у многих давно, как говорится, «просили каши».

Руководство губкома партии и ректорат Рабкруна много раз пытались получить для студентов новое обмундирование. Мы обращались к самому высшему командованию самарского военного округа, но каждый раз получали отказ. Нам напоминали, что даже красноармейцы на фронте нередко ходили в бой в лаптях. При «Совете Труда и Обороны» существовала даже Чрезвычайная Комиссия по снабжению Красной Армии лаптями, которая сокращенно называлась «Челоклап».

В Самару прибыл однажды чрезвычайный уполномоченный «Совета Труда и Оборона». Узнав об этом, рабкруновцы решили у него попытать счастья. Они заручились у меня письмом от имени руководства Рабкруна и отправили к уполномоченному одного из самых активных и бойких среди них, но и самого маленького ростом, Ивана Курицына. Когда уполномоченный увидел перед собой мальчика в старой гимнастерке и сбитых ботинках, сердце его дрогнуло, и, как это ни трудно ему было, он приказал выдать для студентов Рабкруна триста комплектов полного красноармейского обмундирования — шинели, гимнастерки, белье, брюки и ботинки с обмотками.

Тогда же был экипирован и преподаватель, читавший курс политической экономии, товарищ Гинзбург. Гимнастерка и шинель на нем буквально истлели, но он ни разу не обращался к нам за помощью.

Жизнь в Рабкруне не обходилась, конечно, и без смешных, забавных историй. Помню случай, связанный с получением обмундирования.

Среди рабкруновцев был один студент. Учился он старательно, отдельные положения и формулировки выучивал наизусть, был начетчиком. Не знаю почему, но ему очень нравилось выражение «Ничто в мире не пропадает, а только видоизменяется». Он повторял эту премудрость по всякому подходящему и неподходящему поводу.

Отучить его от этой назойливой привычки помогло одно приключение.

Холодной ранней весной ребята вернулись с очередных военных занятий голодные, замерзшие и промокшие до нитки. В комнате «философа» имелась большая русская печь, она поглощала много дров, и топили ее очень редко. На этот раз решено было затопить, чтобы просушить одежду и как следует согреться. Он поспешил первым положить на печку свою шинель, поверх нее накидали свои шинели остальные.

Утром рабкруновцы стали разбирать свои высушенные шинели и когда добрались до последней, то обнаружили, что от нее остались одни полы да рукава — все остальное сгорело.

Горе нашего «философа» было беспредельно. Рабкруновцы сочувствовали товарищу, но не упустили случая и подшутить: «Шинель твоя не сгорела, — утешали они его, — она лишь видоизменилась».

Шуткой, конечно, дело не ограничилось. Рабкруновцы решили все же помочь своему товарищу, который в холодные мартовские дни остался без теплой одежды. Они снова отправили в штаб округа Ивана Курицына, где от души посмеялись над незадачливым студентом, а потом все-таки выдали новую шинель.

Когда состоялся первый выпуск самарского Рабкруна, я уже работал в Москве и не мог присутствовать на его торжестве.

Многие из бывших рабкруновцев стали потом учеными, инженерами, изобретателями, советскими и партийными работниками. Иван Курицын после окончания Рабкруна был избран секретарем губкома комсомола, а затем участвовал в строительстве первой советской электростанции в Кашире. Впоследствии он заведовал тарифным отделом ВЦСПС и, наконец, был наркомом продовольствия в Казахстане.

Часть IX

Миллионы копикатов убитых
 Владимир Ильич Ленин,
 Каким я его видел
 Чуждый мир техники

Миллионы каминами угнетены

Осенью 1921 года Центральный Комитет партии отозвал меня в Москву и направил на работу в Главполитпросвет. Нынче мало кто помнит это еще одно рожденное революцией слово. Расшифровывалось оно так: «Главный политический просветительный комитет». Он был создан при Народном комиссариате просвещения, и перед ним была поставлена важная задача — государственная пропаганда коммунизма.

Бессменным председателем Главполитпросвета со дня его основания была Надежда Константиновна Крупская. На должность ученого секретаря Центральный Комитет партии назначил меня. Так я стал работать под ее руководством.

Надежде Константиновне — жене Владимира Ильича Ленина — было тогда чуть более пятидесяти лет, но выглядела она, как мне казалось, моложе. Ее портреты, которые знает народ, по-моему, не передают как следует тогдашнего облика этой подтянутой женщины с гладко зачесанными, уже седеющими волосами. Особенно не в силах оказалось запечатлеть на фотографиях доброту и ласковость, которые всегда светились в ее больших глазах. Манера привечать человека, внимательно слушать, вести беседу говорили об ее демократичности и прекрасном воспитании, полученном еще в детстве. Ее низкий по тембру голос звучал мягко и всегда доброжелательно. Она разговаривала с людьми всегда ровно и спокойно, относилась к ним уважительно, внимательно выслушивала, терпеливо объясняла, если кто-либо чего-то не понимал.

Благодаря Надежде Константиновне в Главполитпросвете господствовала деловая и в то же время по-настоящему творческая атмосфера. Надежда Константиновна была буквально душой этого учреждения. Она глубоко вникала во все дела, заботилась о создании новых школ и кружков ликбеза, о работе клубов, изб-читален и библиотек.

Большое значение Надежда Константиновна придавала самообразованию. По ее инициативе в Главполитпросвете была создана комиссия помощи самообразованию, на работу в которой, в качестве председателя, перешел и я.

К людям, сумевшим путем самообразования накопить большие знания, стать образованными и культурными, Надежда Константиновна питала особенную симпатию, восхищалась ими. Она сама в этом была удивительным и ярким примером.

В юности Надежда Константиновна была слушательницей знаменитых тогда Бестужевских высших женских курсов, одновременно посещала историко-филологическое и математическое отделения. Она много и упорно занималась самостоятельно, став поистине энцикло-

педически образованным человеком; блестяще знала языки, русскую, западно-европейскую и всемирную литературу, изучала историю, а также философию и географию, была в курсе всего нового, что появилось в науке, политике, искусстве и литературе. Я был однажды буквально озадачен, когда в беседе со мной Надежда Константиновна, зная мой интерес к технике и точным наукам, заговорила о работе великого русского математика Лобачевского, обнаружив при этом глубокое знание предмета.

Надежда Константиновна в самом начале работы нашей комиссии написала обстоятельную статью, призывая народ к самообразованию. В первом номере журнала «Молодая гвардия» за 1922 год появилась новая рубрика: «ЧТО ЧИТАТЬ И ЧЕМУ УЧИТЬСЯ?»

Под этой рубрикой была помещена статья Н. К. Крупской «Как надо читать?». В ней давались практические советы людям, занимающимся самообразованием. Эти советы не устарели и могут быть весьма полезны и нынешнему читателю. Надежда Константиновна, например, придерживалась такого принципа: лучше читать немного, но основательно, вдумываясь в прочитанное, чем проглатывать без разбора что попадет в руки. Она советовала после прочтения книги непременно подумать и дать себе отчет, что в прочитанном понравилось, а что нет. Во второй ее статье, напечатанной под этой же рубрикой, Надежда Константиновна обратила внимание на важную роль кружковых занятий, рекомендовала заниматься группами, напомнив девиз древних мудрецов: «Уча — учимся».

После опубликования журналом «Молодая гвардия» статей Н. К. Крупской в комиссию помощи самообразованию хлынул огромный поток писем. Нам писали люди самых разных возрастов и профессий, мужчины и женщины. Все без исключения интересовались одним и тем же: как быстрее стать образованным человеком?

Работать с Надеждой Константиновной было легко и радостно. Нередко перед выходными днями она собирала в своем кабинете всех сотрудников и вела с нами интересные беседы на самые разные темы. Иногда она вспоминала свою юность, рассказывала, что, будучи еще молодой девушкой, обратилась к Л. Н. Толстому с просьбой посоветовать, как следует ей жить, чем заняться, чтобы приносить людям больше пользы...

Надежда Константиновна следила за всеми новинками современной литературы и искусства.

— Товарищ Милонов,— спросила она меня однажды,— вы уже видели новую работу скульптора Жукова?

Я знал работы этого мастера, видел его скульптуры. После революции талант мастера как бы заново расцвел, стал плодотворней. Он создал интересную скульптурную группу, назвав ее «Октябрь». Работа скульптору, по-моему, удалась и производила сильное впечатление.

— Да, я уже видел новую работу Жукова,— ответил я Надежде

Константиновне.— Она мне понравилась. Но когда вы успели ее посмотреть?

— Чтобы увидеть прекрасное,— ответила Надежда Константиновна,— всегда найдется время.

Наступили трудные, тревожные дни — тяжело заболел Владимир Ильич Ленин.

Зайдешь, бывало, в кабинет Надежды Константиновны, и уже по выражению ее глаз все становилось понятным: если они были потухшими, а сама она выглядела усталой и бледной, без кровинки в лице — значит, Владимиру Ильичу сегодня хуже.

Иногда мы набирались храбрости, спрашивали:

— Как Владимиру Ильичу сегодня чувствует себя?

И с тревогой ждали ответа...

Наши вопросы к Надежде Константиновне не были обычным любопытством или данью вежливости. Состоянием здоровья Владимира Ильича мы, как и весь народ, искренне тревожились.

*Владимир Ильич Ленин,
каким я его видел*

Впервые я увидел Владимира Ильича Ленина в мае 1918 года на Втором Всероссийском съезде комиссаров труда. С первого момента появления Ленина на трибуне он сразу приковал к себе внимание всего зала.

Много раз мы видели его портреты, и все же ни один из них не может полностью передать истинный образ живого Ленина, силу его воздействия на окружающих. Она заключалась в особом умении Владимира Ильича разговаривать с людьми, будь это с трибуны съезда, в беседе с группой товарищей или с отдельным человеком. Его речь всегда отличалась доступностью изложения, необычайной логикой, ясностью и убедительностью аргументов. Речь Ленина понимал любой рабочий и крестьянин. И еще одна черта отличала Владимира Ильича от других ораторов: когда он говорил, казалось, что он обращается к тебе непосредственно, именно тебя старается убедить.

Второй съезд комиссаров труда обсуждал состояние промышленности. Владимир Ильич в тот раз говорил о тяжелом положении хозяйства Советской России, доставшегося ей в наследство после трехлетней империалистической войны. В своей речи Ленин уделил особое внимание всемерному усилению дисциплины труда, без которой нельзя будет поднять хозяйство страны. «Пользуйтесь, товарищи комиссары труда,— говорил он,— каждым своим свиданием на

любом заводе и фабрике, своими свиданиями с любой делегацией рабочих, пользуйтесь возможностью объяснить это положение, чтобы они знали, что нам предстоит либо гибель, либо самодисциплина...»

В этом выступлении Владимир Ильич раскрыл свое умение в любой момент точно определить основную задачу и находить единственно правильное ее решение.

Попробую хотя бы на одном примере показать это.

В своей брошюре «Очередные задачи Советской власти», опубликованной примерно за месяц до нашего съезда, Владимир Ильич писал, что исторический процесс представляет собой цепь общественных явлений и событий, которые очень сложно, но очень прочно связаны друг с другом. И поэтому надо уметь найти в этой цепи то особое звено, ухватившись за которое всеми силами, можно удержать всю цепь.

И вот в своей речи на нашем съезде Владимир Ильич показал, как надо находить это особое звено в исторической цепи. Он говорил, что если на данном этапе этим звеном является установление в стране трудовой дисциплины, то следующим, вторым, звеном, к которому нужно перейти, — выработать у каждого рабочего сознание, что он представляет собой хозяина не только на своем заводе, но и является ответственным представителем всей страны. И, наконец, третье звено — это победа над всяческим хаосом и дезорганизованностью.

В дальнейшем мне приходилось неоднократно видеть и слышать, как товарищ Ленин применял этот замечательный метод исследования и практического действия: и при обосновании плана электрификации России, и доказывая, почему продразверстку необходимо заменить налогом, и во многих других случаях.

Мне довелось видеть и слышать Ленина более двадцати раз.

Я слышал его речь в январе 1919 года на открытии Второго Всероссийского съезда профсоюзов. Тогда, помню, я внимательно всматривался в лицо Владимира Ильича, боясь найти в нем какие-либо серьезные изменения, происшедшие после совершенного на него покушения. Но Владимир Ильич выглядел таким же бодрым, энергичным и крепким, как и в предыдущий раз. Начав свой доклад стоя на трибуне, Ленин затем сходил с нее, приближался к самому краю сцены и произносил речь, как бы беседуя со слушателями.

Мне приходилось видеть Ленина блестящим полемистом, участником острой дискуссии, разгоревшейся на X съезде партии. Владимир Ильич с необыкновенной силой логики и горячей убежденностью отстаивал на съезде свои взгляды. Никогда не забуду, с какой страстью и в то же время с величайшей терпеливостью и тактом он разъяснял ошибавшимся, в чем они были не правы.

Довелось мне слышать Владимира Ильича и на X Всероссийской партийной конференции в мае 1921 года, уже после окончания граж-

данской войны, когда он призывал коммунистов учиться хозяйствовать.

В памяти моей сохранился облик Владимира Ильича в минуты глубокой печали, охватившей его в день, когда он узнал о злодейском убийстве немецких революционеров Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Вместе с трудящимися Москвы в траурной демонстрации по этому поводу участвовали и мы, делегаты Второго съезда профсоюзов. Демонстрация и митинг проходили на площади перед зданием Моссовета. С презрением и гневом говорил Владимир Ильич о предателях рабочего класса социал-демократах Германии, взявших на себя позорную роль палачей лучших сынов немецкого народа.

Видел я В. И. Ленина и в неофициальной обстановке, в минуты короткого отдыха. Это было на концерте, данном для делегатов Второго съезда профсоюзов, в Колонном зале Дома Союзов. В концерте участвовали лучшие артистические силы тогдашней Москвы, знаменитые деятели нашего искусства — Качалов, Нежданова, Гельцер.

Почетным гостям — Владимиру Ильичу и Алексею Максимовичу Горькому — были отведены места в глубине сцены, так, чтобы все сидевшие в зале могли их видеть. Я обратил внимание на то, с каким истинным наслаждением слушал Владимир Ильич дивный голос А. В. Неждановой. Помню, как, улыбаясь, В. И. Ленин в такт со всем залом долго аплодировал знаменитой балерине Е. В. Гельцер. Когда же на сцену вышел артист Московского Художественного театра В. И. Качалов, Ленин с удивительным вниманием слушал монолог из популярной тогда пьесы Леонида Андреева «Анатэма».

— «Восстань земля! Восстань земля! И припоаясь мечом, человек!» — читал артист, и эти слова прозвучали революционным призывом.

Во время паузы между номерами Владимир Ильич наклонялся к Алексею Максимовичу Горькому, что-то говорил ему — наверное, обменивался впечатлениями. Вдруг из зала раздался возглас, подхваченный всеми зрителями:

— Просим выступить Максима Горького!

Алексей Максимович смутился, стал поглаживать свои усы.

Улыбаясь, Владимир Ильич дружески подталкивал его.

Алексей Максимович подошел к рампе и своим негромким баском с нижегородским говорком сказал:

— Я верю в то дело, которое творит народ России. Я желаю ему большого успеха...

Владимир Ильич вместе со всеми аплодировал писателю.

С тех пор прошло много лет. Но каждый раз, когда я вспоминаю Ленина, он возникает в моей памяти улыбающимся и горячо, весело аплодирующим на концерте в Колонном зале Дома Союзов.

...В Москве меня ждала большая радость. После долгой разлуки я встретился с братом Костей.

Всю гражданскую войну он провел на фронтах, сражаясь в рядах Красной Армии. Но когда мы с ним встретились, он уже учился в Институте красной профессуры. После его окончания Костя много лет преподавал философию в Горьковском университете.

Работая в Москве, я частенько встречался с Михаилом Степановичем Ольминским, организатором и первым руководителем «Истпарта», собирателем бесценных документов для партийного архива. Мне помнится его убедительная речь на X партийном съезде, где он призывал всех делегатов собирать дореволюционные листовки, нелегальные газеты, писать воспоминания, чтобы передать новому поколению правду о том, как боролись большевики и как победила в России Великая Октябрьская революция.

С чувством глубокой симпатии и благодарности я вспоминаю М. С. Ольминского, давшего мне рекомендацию в «Общество старых большевиков»...

Радостно было мне встретиться в Москве с Сергеем Ивановичем Мицкевичем, возглавлявшим в то время Музей Революции. Мы особенно сблизились с ним, когда я стал позже директором Исторического музея.

Под руководством Глеба Максимилиановича Кржижановского мне привелось работать во Всесоюзном совете инженерных научно-технических обществ; мы вспоминали нашу встречу и беседы в Самаре.

В ту пору в Москве я познакомился со многими интересными людьми — с Фридрихом Вильгельмовичем Ленгником, талантливым инженером, старым соратником В. И. Ленина еще по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», и с народным комиссаром просвещения Анатолием Васильевичем Луначарским. Встречался я и со старейшим большевиком, профессором Федором Николаевичем Петровым.

Все эти товарищи отличались беспредельной преданностью идеям революции, принципиальностью, душевным благородством. Они вызвали искреннее уважение своей подлинной интеллигентностью и широкой образованностью.

В Москве у меня наконец появилась возможность основательно заняться своим заветным делом — изучением истории техники.

Заняться ею надоумили меня мои политические учителя Маркс и Ленин. В первом томе «Капитала» Карл Маркс выразил мысль о необходимости создать новую отрасль исторической науки — «критическую историю технологии», то есть историю техники. И я загорелся желанием всерьез заняться этой наукой. Желание мое стало непреодолимым, когда в работе В. И. Ленина «Аграрный вопрос и критика Маркса» я прочитал, что экономист должен всегда смотреть вперед, в сторону прогресса техники.

Что же это за наука — история техники? Что она изучает? История техники так же интересна и увлекательна, как и всеобщая история развития человеческого общества и мировой культуры.

Еще в 1918 году я написал небольшую брошюру под названием «Сельское хозяйство и коммунистическая революция в России». В ней речь шла об одной из первых в нашей стране Ключниковской крестьянской коммуне, созданной после победы Октябрьской революции. На ее опыте была сделана попытка показать роль таких коммун в преобразовании земледельческой техники.

Небезынтересна судьба моей первой книжки. Она вышла из печати в Самаре как раз в то время, когда город захватили белочехи. Учредилловцы тут же уничтожили весь ее тираж, и она считалась навсегда потерянной. Много лет спустя, работая в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Шедрина в Ленинграде, я случайно обнаружил единственный экземпляр этой книги.

В 1922 году в Москве вышла моя вторая книга — «Революция в технике». С радостью я узнал, что она под номером 6075 числится в личной библиотеке В. И. Ленина. Как правило, Владимир Ильич собирал в своей библиотеке лишь те книги, которые его интересовали.

Круг моих исследований постепенно расширялся. Я переходил от одной отрасли к другой и в 1932 году, уже будучи директором Института красной профессуры, техники и технической политики, занялся историей строительной техники. А это, естественно, подвело меня и к истории архитектуры. Интересно было проследить, как на протяжении веков менялась взаимная зависимость материала, конструкции и архитектурной формы.

Мое внимание привлекли многочисленные катастрофы, в результате которых разрушались, а иногда и гибли, исчезая навсегда, прекрасные здания и сооружения.

Многие, наверное, слышали легенду про Вавилонскую башню, достигшую якобы своей вершиной до самого неба. Но по воле разгневанного бога, как гласит легенда, эта башня вдруг рухнула.

В средние века также неожиданно, перед самым завершением стройки, обвалился купол Софийского собора в Константинополе — одного из шедевров мировой архитектуры. Уже в новые времена обрушились красивые мосты, перекинутые через реку Тей в Англии и реку Бирс в Швейцарии.

Все эти катастрофы произошли, конечно, не по злой воле бога, как это утверждает, например, легенда о Вавилонской башне, и не случайно — они явились результатом технических просчетов. Вавилонская башня рухнула из-за непрочности строительного материала.

Тяжелый сырцовый кирпич, из которого она строилась, не выдержал тяжести всего сооружения, и оно рассыпалось, как карточный домик. Купол Софийского собора обвалился в результате целого ряда конструктивных ошибок.

Знать истинные причины архитектурных катастроф необходимо каждому, кто решил посвятить себя такому замечательному делу, как сооружение зданий.

В. Г. Белинский сказал однажды: «Найти причину зла — почти то же, что найти против него лекарство». Об этих его словах я часто напоминал своим студентам, когда в 1925 году читал курс лекций по «Истории техники» в Ленинградском институте инженеров транспорта, а потом и в Московском инженерно-строительном институте, где возглавлял кафедру истории техники.

Всего мною написано более восьмидесяти работ по истории техники. Они выходили отдельными книгами, печатались в научных сборниках и журналах. Недавно вышли из печати «Всемирная история архитектуры» и книга «Техника в ее историческом развитии», где, наряду со статьями других авторов, помещены и мои статьи. Как члену национального объединения историков науки и техники, мне довелось участвовать в Международных конгрессах и симпозиумах. В 1965 году я выступал с докладом на XI конгрессе по истории науки, происходившем в Варшаве и Кракове, а в 1972 году докладывал на XIII конгрессе в Москве. Во время этих научных форумов у меня завязались связи со многими зарубежными коллегами, мы обмениваемся письмами, публикациями, книгами, новыми научными работами.

Мне 85 лет, у меня уже взрослые дети и внуки, растут три правнука: Илюша, Юра и Дима. Со мной мои друзья, товарищи, соратники по партии и самарскому подполью, коллеги по научной работе, а среди них и молодые ученые. Нас сближает общее коммунистическое мировоззрение, любовь к своему делу.

Дни мои, как и прежде, заполнены работой, общественной деятельностью: пишу новую книгу по истории техники, выступаю с докладами, лекциями и воспоминаниями. Время от времени совершаю поездки по стране и за границу. В год, когда советский народ отмечал полувековой юбилей Великой Октябрьской социалистической революции, мне в составе советско-партийной делегации довелось побывать в далеком Уругвае. Мы прибыли в эту страну, чтобы рассказать ее трудящимся о Советском Союзе и нашем народе.

Посетил я снова и родные мне места, Самару, ныне город Куйбышев.

Не узнать теперь город — он вырос, расширился, стал крупным индустриальным и областным центром страны. Высоко поднялись этажи его современных домов, но черты былого облика Самары не стерлись окончательно, они сохранились. Долго ходил я по знакомым

улицам, искал дорогие мне, памятные места, где прошли годы моей юности и молодости, откуда началась выбранная мной однажды дорога жизни.

Еще стоит дом, в котором некогда жила моя мама с двумя сыновьями-гимназистами, ставшими революционерами-большевиками. Нетронутым осталось и здание гимназии, в которой мы с братом учились. Только вот деревянного, приземистого дома с манящей вывеской «Книговед» время не пощадило, его нет больше. С чувством шемящей грусти поклонился я месту, на котором он стоял, вспомнил доброго Ивана Ивановича Штыркина.

Волнующей и радостной была встреча с рабочими Трубочного завода, носящего ныне имя А. А. Масленникова. Товарищи повели меня в 6-ю мастерскую, где некогда мастер, большевик Михаил Егоров, учил меня токарному делу, рабочей сноровке. Навсегда я остался благодарен ему за эту науку...

Посетил я и Волжскую гидроэлектростанцию имени В. И. Ленина — великолепное творение талантливых советских строителей. Осуществилась, стала явью мечта первых энтузиастов покорения могучих сил Волги-матушки в районе Самарской Луки. В туманной дымке видны были громадные, как небоскребы, дома города Тольятти.

Невозможно было оторвать глаз от всего нового, что появилось за годы Советской власти на хорошо знакомых мне приволжских просторах. О многом вспомнилось мне в эти минуты, о многом подумалось...

Трудной, но светлой оказалась выбранная мной однажды дорога жизни. Она была дорогой служения народу и борьбы за его свободу и счастье!

*Трудной, но светлой
оказалась выбранная мной
однажды дорога жизни. Она
была дорогой служения
народу и борьбы за его
свободу и счастье!*

О Г Л А В Л Е Н И Е

Ч А С Т Ь I

Моя родня	4
В наш дом пришла беда . . .	6
Я протестую...	7
У Белого моря	9
У карты Дальнего Востока . .	10
Выстрелы на Дворцовой пло- щади	11
Петербург без света	12
Старая игра на новый лад . .	14
«Столыпинский галстук» . .	16
Библиотека дяди Миши . . .	17

Ч А С Т Ь II

Определенное направление мысли...	20
Кем быть?	22
Сокровища лавки «Книговед»	24
Новое знакомство	26
В нелегальном кружке	28

Ч А С Т Ь III

Мировая война	32
Первая листовка	33
Поиск оборванной связи . . .	35
На Коровьем острове	37
Арест	39
На допросе	41
В одиночной камере	44

Ч А С Т Ь IV

Вечером в клубе «Маяк» . . .	50
Новые товарищи	52

«Галерка»	54
«Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам...»	56
Тайна прибавочной стоимости	59
В богатом особняке	60
«Спускай пары, товарищи!» .	61
Неудачные переговоры	63
Секреты Виктора Бабушкина	64
Шпики ходят по пятам	65
Снова за решеткой	68
Короткие дни свободы	69
«Гнилое озеро»	71

Ч А С Т Ь V

Снова в Самаре	74
Как я стал токарем	75
Большевики действуют	76
Красногвардейцы наводят по- рядок	78
В Гурьевке и Мелекессе... . .	82
Тревожная пора	84
На пути в Петроград	85
Трамваем на Выборгскую... . .	86
На VI съезде партни	88
Наше Красное воскресенье . .	91
Генерал остался без солдат...	93
В Неву вошел крейсер «Ав- рора»	95
А тем временем в Самаре... .	97

Ч А С Т Ь VI

Комиссар труда	100
Кому сколько положено? . . .	102
«Международный конфликт»	105
Нарушившие обещание	106

ЧАСТЬ VII

Все пути перекрыты	110
Удачная маскировка	111
Второй обыск	113
Учредиловцы у власти...	114
Письмо товарищам	115
Вновь обретенная свобода	117

ЧАСТЬ VIII

Дел было много	120
В доме на Советской улице	122
Чапанная война	125
Самарцы готовят отпор Кол- чаку	127
По плану товарища Фрунзе	129

Первые энтузиасты покорения Волги	131
Пример бескорыстия	133
Инженер Кржижановский и архиерей Симеон	135
Все лучшее — детям!	136
Приезд коминтерновцев	138
Рабкрун — слово, рожденное революцией	140
С книгой и винтовкой	142

ЧАСТЬ IX

Миллионы начинают учиться	148
Владимир Ильич Ленин, каким я его видел	150
Чудесный мир техники	154

Для среднего и старшего возраста

Юрий Константинович Милонов

КАЖДЫЙ ВЫБИРАЕТ
ДОРОГУ САМ

Рассказ ветерана революции

ИБ № 5336

Ответственный редактор

С. М. Пономарева

Художественный редактор

Л. Е. Ларская

Технический редактор

Г. Г. Рыжкова

Корректоры

Т. П. Ильина и Т. Н. Чернова

Сдано в набор 16.10.80. Подписано к печати 14.04.81. А06995. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 13,84. Уч.-изд. л. 10,16 + 16 вкл. = 11,22. Тираж 75 000 экз. Заказ № 2478. Цена 55 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм
«Целлофот».

Милонов Ю. К.

М60 Каждый выбирает дорогу сам: Рассказ ветерана революции/ Оформ. Б. А. Шляпугина.— М.: Дет. лит., 1981.— 158 с., ил.

В пер.: 55 к.

Член партии с 1912 года рассказывает о том, как стал большевиком, как вместе с самарскими и саратовскими подпольщиками боролся против царизма, о своей работе с Н. К. Крупской.

М 70803—311
М101(03)81 359—81

ББК 66.61(2)2
ЗКП1